АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. П. ИВАНОВ

ВОССТАНИЕ КИТАЙ-КИПЧАКОВ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

1821—1825 гг.

ИСТОЧНИКИ И ОПЫТ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1937 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. П. ИВАНОВ

ВОССТАНИЕ КИТАЙ-КИПЧАКОВ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

1821—1825 гг.

ИСТОЧНИКИ И ОПЫТ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1937 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. А. Н. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем

Ученый корректор Н. А. Малевич

Сдано в набор 5 февраля 1937 г. — Подписано к печати 31/VII 1937 г.

131 стр.

Формат бум. 62 × 94 см.—8¼ печ. л.—8,47 уч.-авт. л.—41050 т. зн. в п. л.— Ленгорлит № 3831. — РИСО № 293. — АНИ № 20. Заказ № 175. — Тираж 2000.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

ОТ АВТОРА

Настоящая работа была задумана летом 1935 г. в виде небольшой сравнительно заметки по поводу одного из восстаний в Бухарском ханстве в конце первой четверти XIX в., до сих пор не вызывавшего к себе внимания со стороны историков-востоковедов.[1]

В процессе работы над источниками выяснилось, однако, что ограничиться изложением одной только фактической стороны восстания невозможно, в виду полной неизученности эпохи и отсутствия в доступной литературе самых элементарных сведений по вопросам социально-экономического строя страны в рассматриваемый период. Это обстоятельство заставило автора значительно расширить вводную часть работы, чтобы наметить хотя бы в общих чертах тот социальный фон, на котором развертывались интересующие нас события.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику исторической жизни Бухары соответствующей эпохи во всех ее проявлениях, автор стремился лишь по мере возможности облегчить понимание фактов, относящихся непосредственно к восстанию 1821—1825 гг.

Насколько эта задача ему удалась, могут судить лица, знакомые с современным состоянием среднеазиатской историографии.

Прилагаемые к книжке указатели составлены научной сотрудницей Среднеазиатского кабинета Института Востоковедения О. И. Шацкой, за что приношу ей свою благодарность.

---

[1] В первоначальной своей редакции работа послужила материалом для доклада, прочитанного автором на сессии Академии Наук СССР в Москве, в ноябре 1935 г.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVI—XIX вв.

Начало XVI в. в Средней Азии ознаменовалось, как известно, окончательным распадением государства тимуридов и возникновением на его развалинах узбекских ханств, Бухарского и Хивинского (позже еще Кокандского). Господствующая роль во всех вновь образовавшихся феодальных деспотиях принадлежала узбекской военно-феодальной аристократии, опиравшейся в своем господстве над массами на союз с высшим мусульманским духовенством, также сосредоточивавшем в своих руках обширные земельные фонды в виде так называемых вакуфов (церковных земель). Политическая история среднеазиатских ханств XVI—XIX вв. представляет собою почти непрерывную цепь войн феодалов между собою за обладание той или иной частью территории, что крайне болезненно отражалось на массе местного населения, выносившего на себе всю тяжесть военно-феодальной эксплоатации. На ряду с этим рассматриваемая эпоха характеризуется значительным ростом внешне-торговых связей и развитием элементов товарно-денежных отношений в местном хозяйстве, что также связано было с усилением эксплоатации непосредственного производителя, представленного здесь в основной своей массе крестьянством. Стихийные восстания, в которых находило свое отражение нараставшее недовольство широких масс против феодального гнета, представляют собою, поэтому, довольно распространенное явление в истории Средней Азии в период позднейших столетий. Протекая нередко под руководством местных феодалов и не принося за собой, поэтому, непосредственного заметного улучшения в хозяйственно-политическую жизнь крестьянства, эти восстания интересны для нас как одно из наиболее ярких и характерных для данной эпохи проявлений классовой борьбы, оказавших то или иное влияние на ход последующих исторических событий. С этой точки зрения вопрос о характере восстаний в Средней Азии заслуживает самого пристального

внимания историка, тем более, что все эти восстания зарождались и протекали в обстановке, во многом отличающейся от обычных условий европейских стран того же времени.

Знакомясь с имеющейся литературой, мы должны будем убедиться, однако, в том, что к исследованию этих чрезвычайно интересных явлений социальной жизни XVI—XIX вв. у нас еще не приступлено. Несколько вышедших за последнее время небольших работ по вопросам народных движений в Средней Азии и соседних восточных странах относятся исключительно к средним векам,[1] когда значительная часть современных среднеазиатских народов еще не успела появиться на территории Средней Азии и когда историческая обстановка, следовательно, была здесь совершенно иной.

Позднейшие века, связанные с появлением на исторической арене узбеков, казахов, каракалпаков и некоторых других национальностей современных среднеазиатских республик, продолжают до сих пор оставаться почти неизученными в историческом отношении, если не считать нескольких относящихся сюда старых работ полупопулярного характера, написанных еще в прошлом столетии. Все эти работы представляют только библиографический интерес, так как в связи с множеством открытых за последнее время источников, они в большинстве утратили научное значение.[2]

---

[1] В. В. Бартольд. О крестьянских движениях в Персии, в Сб. в честь проф. Кареева, Петроград, 1923; его же. Народное движение в Самарканде в 1365 г., ЗВО, XVII; А. Ю. Якубовский. Восстание Тараби в 1238 г. в «Докладах группы Востоковедов на Сессии Акад. Наук» 20 марта 1935 г. Тр. Ин-та востоковед., т. XVII, Л., 1937; А. М. Гуревич. О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг. в «Трудах Гос. Публичной библиотеки УзССР», т. I, Ташкент, 1935. Некоторые данные по вопросам истории крестьянских движений в среднеазиатских ханствах в XIX в. встречаются в «Материалах по истории каракалпаков», Тр. Инст. востоковед. Акад. Наук, т. VII, Л., 1935, стр. 80—88, 128—139, и отчасти в книге В. П. Наливкина, «Краткая история Кокандского ханства», Казань, 1886. Литература по истории революционных движений в Средней Азии в позднейший период приводится в справочнике П. Антропова «Что и как читать по истории революционного движения и партии в Средней Азии», Самарканд—Ташкент, 1929, а также в книге П. Галузо, «Туркестан — колония», изд. 2-е, Ташкент, 1935 г.

[2] Имеются в виду сочинения: А. Вамбери, История Бухары, СПб., 1873, ч. II; Н. И. Веселовского, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877; названная выше книга В. П. Наливкина, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, а также

Исследований капитального характера по истории среднеазиатских народов в XVI—XIX вв. за последние десятилетия не появилось, вышло лишь небольшое количество статей по отдельным вопросам более или менее частного характера.[1]

Первоисточники по интересующему нас периоду истории среднеазиатских народов XVI—XIX вв. в массе своей не изучены и в большей своей части даже не описаны. Огромное большинство их продолжает оставаться в рукописном виде.[2] Помимо рукописных сочинений среднеазиатских историков XVI—XIX вв. для данного периода имеется также большое число различного рода исторических грамот, характеризующих главным образом социально-экономическую жизнь народа, а потому особенно ценных для изучения классовых отношений в тот или иной период. Все этого рода восточные документы продолжают пока оставаться в архивах среднеазиатских республик, не имея даже элементарных описей.[3]

F. H. Skryne and E. Denison Ross, The Heart of Asia, London, 1899, носящие преимущественно популярный характер. Исключение составляют работы акад. В. В. Вельяминова-Зернова «Монеты бухарские и хивинские» (Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. IV, 1859) и «Исследование о Касимовских царях и царевичах», ч. II, СПб., 1864, до сих пор не утратившие своего значения, хотя и давно нуждающиеся в исправлениях и дополнениях по новым источникам. Из новейших работ можно отметить книжку популярного характера проф. Полат Салиева «Өzbekistan tarьxь. XV—XIX əsrlər», Самарканд—Ташкент, 1929, представляющую некоторый интерес в связи с упоминаемыми в ней отчасти новыми источниками. Данные европейской литературы о политической жизни Бухары в конце XVIII — первой четверти XIX в. собраны проф. В. В. Григорьевым (1861 г.) в его примечаниях к Запискам Мирзы Шемса Бухарского (о них см. ниже).

[1] Значительная часть их приведена в моей работе «Казахи и Кокандское ханство», помещенной в «Историческом Сборнике» Казахстанского филиала Академии Наук (в печати).

[2] Слова акад. В. В. Бартольда о том, что историк тимуридского периода (XV в.) «испытывает затруднения не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания» (Мир-Али-Шир. Сборник, Л., 1928, стр. 100, также Зап. Инст. востоковед. Акад. Наук, вып. V, стр. 8), в такой же мере могут быть отнесены и к более поздним столетиям, например XVI или XIX вв.

[3] В этом автору пришлось убедиться за его последнюю поездку в Ташкент в начале 1936 г. В 1936 же году Институтом востоковедения приступлено к печатанию сборника среднеазиатских документов XVI в., что должно явиться первой крупной работой в этом направлении.

Не имея возможности, вследствие указанных условий, касаться основных вопросов, связанных с историей народных движений в более отдаленный период, автор ставит своей задачей пока предварительное освещение одного из частных эпизодов позднейшего времени — именно восстания 1821—1825 гг., как сравнительно более доступного для изучения при наличном состоянии источников.

Отчасти выбор данной темы обусловлен тем обстоятельством, что район, где развертываются события 1821—1825 гг. — Мианкаль — центр плодоносной долины Зеравшана[1] — занимает вообще выдающееся место в истории массовых движений в Бухарском ханстве на протяжении последних столетий его истории. Так, в 1092/1681 гг. здесь развертывается движение среди каракалпаков и узбеков племени китай (китай-кипчаков), заставившее бухарское правительство собрать значительные силы и выступить с ними против восставших.[2] После подавления первой вспышки восстание вскоре возобновилось снова. Из слов современника событий видно, что движение носило крайне упорный характер и вызвало значительные потрясения в жизни Бухарского ханства.[3]

В 1159/1746 гг. источники отмечают новое крупное восстание в Мианкале, вспыхнувшее на этот раз под предводительством Ибадулла-бия из рода китай. В распоряжении Ибадуллы находилось 12 тыс. чел., с которыми он прорвался к Бухаре и даже овладел ее окрестностями, однако вынужден был отойти. Высланный против восставших отряд хана Абул-Фейза (1711—1747), численностью в 15 тыс. человек, потерпел поражение под Самаркандом. Был сформирован новый отряд из узбеков и туркмен, общей численностью в 20 тыс. чел., встреченный повстанцами около Хатырчи. После четырехдневного сражения начальники

---

[1] Под Мианкалем известна средняя часть долины Зеравшана между рукавами его Ак-дарьей и Кара-дарьей.

[2] Мухит-ат-таварих, соч. Мухаммед Эмина, рукопись Инст. востоковед. Акад. Наук, Д 89, стр. 200. Впервые это известие приводится в моем «Очерке истории каракалпаков» (Тр. Инст. востоковед., т. VII, стр. 89). Об этом же событии сообщается в Хивинской истории Муниса-Агехи при описании похода Ануша-хана на Мешхед и Бухару. См. Фирдаусу-ль-икбаль, рукопись Инст. востоковед. Е 6, л. 32б. Мунис восставших называет китай-кипчаками.

[3] Мухит-ат-таварих, цит. рукоп., стр. 213 и сл.

той и другой стороны решили помириться на том, чтобы оставить весь Мианкаль вместе с Самаркандом под властью Ибадуллабия. Однако Абул-Фейз не утвердил этого договора и обратился за помощью к Надир-шаху, вассалом которого он себя признавал. Ибадулла снова напал на окрестности Бухары, но вскоре ушел в Мианкаль. Надиром был выслан в Бухару большой карательный корпус с артиллерией, с помощью которого восстание удалось ликвидировать.[1]

Особенно напряженный характер носили восстания с значительным участием крестьянских масс в период правления первого представителя бухарской династии мангытов — Рахим-хана (1747—1759), вынужденного в течение большей части своего царствования бороться с восставшими племенами Мианкаля и других районов Бухарского ханства.[2]

Новая волна восстаний среди зеравшанских узбеков прокатывается между 1172 и 1174 гг. х. (1759—1761) в начале правления сына и преемника Рахим-хана — Даньяла. В восстаниях участвовали главным образом узбеки племен юз и китай под предводительством отдельных своих феодалов. Центром восстания являлся город Таткент,[3] а затем восставшими был захвачен Самарканд, взятый обратно бухарцами лишь после того как здесь были собраны значительные силы Даньяла и сына его — будущего эмира Ма'сума.[4] В это же время восстают зеравшанские туркмены, занявшие крепость Ак-тепе, а также узбеки племени беркут, которым удается завладеть крепостью Нур-ата.

---

[1] Надир-намэ или Китаб-и-Надири, соч. Мухаммед-Казима, рукопись Инст. востоковед. Акад. Наук Д 430, т. III, л. 18б и сл. Об этих же событиях с рядом иных деталей рассказывает и другой современник их, Мухаммед Вефа, см. его Тарих-и-Рахим хани (Тухфет аль-хани), рукопись Инст. востоковед. С 527, л. 124 и сл. Из слов более позднего автора — Мухаммед Якуба Бухарского видно, что центром, из которого развивалось движение 1746 г., являлся город Янги-курган, игравший такую же роль и в восстании 1821—1825 гг. См. Гульшен-аль-мулюк, соч. Мухаммед Я'куба, рукопись Инст. востоковед. С 1141, л. 154а и сл.

[2] Тарих-и-Рахим-хани, цит. рукоп., лл. 124а и сл., 140б и сл.

[3] Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 162а. Таткент показан на картах километрах в 10 на юг от Хатырчи. Взятию Таткента бухарцы придавали настолько большое значение, что в честь этого события был составлен «тарих» (хронограмма).

[4] Там же, л. 163а.

Последняя крепость, впрочем, вскоре пала, повидимому отчасти потому, что главный руководитель восстания погиб в первые же дни осады при взрыве порохового погреба.[1]

Приведенными краткими справками, разумеется, далеко не исчерпываются имеющиеся в источниках сведения о массовых движениях в долине Зеравшана в рассматриваемую эпоху. Полная неисследовательность источников и связанная с этим обстоятельством недостаточность фактических данных не позволяют пока останавливаться ни на подробном рассмотрении фактической стороны дела, ни на характеристике основных мотивов и движущих сил отмеченных выше восстаний. В этом смысле они являются для нас не более как примерами, характеризующими наличие резких социальных противоречий и вооруженной классовой борьбы в среднеазиатских ханствах в период проявления первых внешних симптомов разложения феодализма. Многое из указанного здесь остается для нас пока не вполне ясным.

Возможно, например, что некоторые из отмеченных выше вооруженных столкновений, представляющиеся нам как восстания крестьянства, могут при подробном их изучении в дальнейшем оказаться в основных своих чертах эпизодами борьбы феодалов между собою, борьбы, в которой крестьянству принадлежала может быть лишь пассивная роль. С другой стороны, возможно также, что некоторые из военных событий XVI—XIX вв., до сих пор рассматривавшиеся историками в качестве обычных феодальных войн между представителями узбекской родовой феодальной аристократии, окажутся в действительности крестьянскими или народными движениями, лишь возглавлявшимися или иногда использовавшимися феодальной знатью в своих классовых интересах.

Таковы, например, продолжавшиеся столетиями войны между бухарскими эмирами и Гиссаром (собств. Хисар) или Шахрисябзом, обычно объясняемые в литературе враждой родовой феодальной аристократии между собою.

Отрицать целиком феодальный характер подобных войн едва ли возможно, так как и с той и с другой стороны, повидимому, существенную роль играли взаимные претензии правящих феодальных групп и их внутренняя борьба за раздел территории.

---

[1] Там же, цит. место.

Однако объяснить всю вековую борьбу Гиссара или Шахрисябза с бухарскими эмирами только интересами небольшой группы местных феодалов также невозможно, ибо в связи с этим пришлось бы отрицать значение крестьянства в политической жизни страны вообще. А это недопустимо тем более, что бухарская знать XVI—XIX вв., особенно местная, не имела возможности бороться с своими противниками при помощи вооруженного рыцарства или наемной военной силы, как это делали, например, феодалы средневековой Европы, а вынуждена была опираться на крестьянские ополчения, от активности которых и зависел конечный исход происходившей борьбы. В такой же мере неясными представляются нам движущие силы целого ряда массовых движений и в других районах Средней Азии.

Можно указать, например, на многочисленные восстания туркмен против владычества хивинских ханов в XVI—XIX вв.,[1] восстания каракалпаков в 1827 и 1855 гг.,[2] кипчакские восстания в Кокандском ханстве в XIX в.[3] и т. д. Легче всего было бы объяснять подобного рода факты «межнациональной враждой» или борьбой феодалов между собою, однако нельзя упускать из вида того обстоятельства, что в основе многих из этих движений лежали мотивы чисто аграрного характера, затрагивавшие интересы значительных крестьянских масс.

Попытки более подробного рассмотрения подобного рода фактов неизбежно заставили бы нас углубиться в изучение целого ряда еще никем не исследовавшихся источников, что в свою очередь значительно отвлекло бы нас от непосредственно занимающей нас темы.

Предоставляя, поэтому, обстоятельное изучение источников по затронутым здесь вопросам другим исследователям, укажем попутно лишь на некоторые общие черты отмечавшихся выше движений, насколько это позволяют сделать немногие доступные нам в настоящий момент данные.

---

[1] Значительный материал по этому вопросу содержится в находящемся в настоящее время в печати II томе Материалов по истории туркмен и Туркмении.

[2] См. по этому поводу Сб. мат. по истории каракалпаков. Труды Инст. Востоковед. АН, т. VII, стр. 84 и сл.

[3] Внешнее краткое описание их см., например, в цит. книге В. П. Наливкина, стр. 155 и сл.

Общей чертой, сближающей между собою, повидимому, большинство местных массовых движений XVI—XIX вв., являются их неоформленность, стихийность и сепаратизм, характерные в той или иной степени для крестьянских движений ряда других стран. В смысле своей неорганизованности массовые движения Средней Азии могут быть сближены скорее с стихийными массовыми крестьянскими выступлениями в России в XVII—XVIII вв., чем с оформленными разного рода «петициями» крестьянскими движениями в Западной Европе XIV—XVI вв.

Характерной чертой рассматриваемых движений является, между прочим, отсутствие в них религиозных мотивов, присущих не только значительной части народных и крестьянских движений Средней Азии в эпоху средневековья (восстания Муканны, Тараби и др.), но и, например, Германии первой четверти XVI в., где религиозный элемент играл, в отдельные моменты, довольно значительную роль, как бы прикрывая собою основные экономические мотивы восстания.[1]

Заканчивая на этом свои краткие предварительные замечания, основной задачей которых являлось обратить внимание исследователей на полную неразработанность вопроса о характере и роли массовых, в основе, повидимому, крестьянских, движений в новой истории Средней Азии, перейдем теперь к характеристике основных фактов исторической жизни Бухары в первой четверти XIX в.

---

[1] Может быть наиболее ярким примером возрождения религиозных мотивов в крестьянских движениях в Средней Азии в новое время является так называемое движение китайских мусульман в Кульджинском крае в 60-х гг. XIX в., где идея религиозной борьбы с «неверными» китайскими властями на первый взгляд заслоняет собою основные причины этого по существу аграрно-крестьянского движения. Для религиозной идеологии восстания характерно также, что посвященный ему исторический труд носит название «Книги о священной войне (мусульман) в Китае». Повидимому, одно из подобных же явлений представляет собою движение в Афганском Туркестане при Надир-шахе, в 40-х годах XVIII столетия, начавшееся с проповеди дервиша и превратившееся затем в широкое восстание крестьянских масс (См. Надир-намэ, цит. рукоп., т. III, л. 91б и сл.).

БУХАРА ПРИ ЭМИРЕ ХАЙДЕРЕ

Бухарское ханство при эмире Хайдере (1800—1826) представляло собою довольно обширное государство, в состав которого входила помимо собственно бухарской территории также значительная часть современной Туркмении, до долины Мургаба включительно,[1] большая часть Афганского Туркестана[2] а также наиболее населенные районы Таджикистана, с Гиссаром, Ходжентом, Ура-тюбе, Пенджекентом и верховьем Зеравшана.[3] На севере Бухаре принадлежал район города Туркестана.[4] Несмотря на значительность и богатство своей территории Бухара не представляла собою сколько-нибудь внушительной политической силы и постоянно подвергалась нападениям со стороны соседних ханов, особенно Хивы.[5] Отдельные части бухарской территории представляли собою полунезависимые феодальные владения, слабо связанные с своим центром в экономическом и политическом отношении.

Мерв и прочие пункты в долине Мургаба стремились отделиться от Бухары и с трудом удерживались бухарскими гарнизонами,[6] Джизак и Ура-тюбе являлись предметом постоянных

---

[1] Histoire de l'Asie Centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publié, traduit et annoté par Ch. Schefer. Texte persan. Paris, 1876, pp. 76—77.

[2] О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изд. в тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861, стр. 7.

[3] Гульшен-аль-мулюк, соч. Мухаммед Я'куба, цит. рукоп., л. 142а. Говорится о завоевании эмирскими войсками Кухистана, Фальгара и Фана.

[4] Histoire de l'Asie Centrale etc., p. 77.

[5] Данные о хивинских набегах на Бухару в первой четверти XIX в. отчасти приводятся ниже. В более подробном виде они приводятся в моем переводе из хивинских хроник Муниса-Агехи. См. Материалы по истории Туркмении, т. II, изд. Инст. востоковед. Акад. Наук (в печати).

[6] Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 173 и сл.

раздоров с Кокандским ханством и переходили из рук в руки,[1] Туркестан вскоре после 1809 г. был занят кокандским ханом Омаром.[2]

Шахрисябз, располагавшийся в непосредственной близости к центру Бухарского ханства, постоянно проявлял свои враждебные отношения к эмиру и нередко пытался расширить свою территорию за счет владений последнего. В Шахрисябзе находили себе приют и поддержку различного рода оппозиционные элементы Бухарского ханства, выжидая здесь удобного момента для своих выступлений.[3]

Общая численность населения ханства определялась современниками в $2^1/_2$ миллиона человек.[4]

Хозяйственно-экономическая жизнь ханства в первой четверти XIX в. известна нам пока в довольно общих чертах. Наибольшее количество сведений дошло до нас о торговле, преимущественно внешней, развивавшейся в этот период особенно усиленно, отчасти благодаря осуществлению «континентальной системы», выдвигавшей, повидимому, Бухару на роль посредника между британскими владениями в Индии и Россией.[5] Значительно меньшее количество данных дошло до нас о состоянии внутреннего обмена между отдельными провинциями ханства, однако обмен этот, разумеется, не мог являться особенно значительным, в виду преобладания полунатуральных форм хозяйства в большинстве районов несмотря на отмечавшиеся выше

---

[1] Ср. Мунтахаб-ат-таварих, соч. Мухаммед-Хаким-хана, рукопись С 470 Инст. востоковед. Акад. Наук, лл. 373б и сл.

[2] Там же, л. 412б, также рукопись Д 90 (чагатайский перевод того же сочинения), л. 166б. Принадлежность города Туркестана Бухарскому ханству в конце XVIII в. подтверждают также Поспелов и Бурнашев, проезжавшие через этот район в 1800 г. См. Вестн. Русск. геогр. общ. на 1851 г., ч. I, кн. I, отд. VI, стр. 22.

[3] Ср. данные статьи В. Л. Вяткина о Каршинском округе в Известиях Среднеазиатского отд. Гос. Русск. геогр. общ., т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 10 и сл.

[4] Сибирский вестник Г. Спасского, 1818 г., ч. III, СПб., стр. 95, а также Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, Paris, 1826, p. 197.

[5] О состоянии бухарской торговли в первых десятилетиях XIX в. см. «Замечания касательно торговли с бухарцами». Статист. журнал, 1806 г., т. II, ч. II, стр. 313 и сл.; Meyendorff. op. cit., p. 227—252, а также «Новейшее описание Великой Бухарии», Азиатский Вестник, 1825 г., кн. 5, стр. 308 и сл.

сдвиги в сторону развития товарно-денежных отношений.[1] Еще меньше сохранилось сведений о социальной структуре и экономике отдельных отраслей местного производства.

Основной отраслью хозяйственной деятельности бухарского населения являлось, разумеется, сельское хозяйство, представленное здесь как земледелием, так и скотоводством. Возможности дальнейшего расширения земледелия в долине Зеравшана являлись вообще ограниченными, так как упирались в малоземелье, или точнее — в недостаток орошенной земли. Это обстоятельство, не утратившее вполне своего значения и в период последовавшего затем господства в крае капитализма, особенно болезненно отражалось на крестьянском хозяйстве в рассматриваемую эпоху с ее чрезвычайно примитивной техникой. Знакомясь с аграрными документами долины Зеравшана XVI в., покойный В. Л. Вяткин должен был притти к выводу о том, что «в указанное время здесь было больше отдельных земельных участков, а следовательно землевладельцев и вообще населения, чем ныне, и ощущаемое в настоящее время (1900 г. *П. И.*) малоземелье в то время должно было чувствоваться еще в большей степени».[2]

В связи с относительным аграрным перенаселением и, в частности, с перегрузкой имевшихся в районе Зеравшана довольно незначительных пастбищ, местное скотоводство также не могло развиваться достаточно удовлетворительно.

Упадку скотоводческого хозяйства способствовали также почти непрерывные внутренние войны на протяжении большей части XVIII в., разорявшие, впрочем, не только сельские районы, но и города Зеравшанской долины, в том числе, как известно, и Бухару и Самарканд.[3]

---

[1] Некоторые данные о «торговых связях среднеазиатских владений между собою» (по Запискам Генса, 1823 г.), приведены П. И. Небольсиным в его книге «Очерки торговли России с Средней Азией» в Зап. Русск. геогр. общ., кн. X, СПб., 1855, стр. 167—180, также Meyendorff op. c. p. 211—226,

[2] Вяткин, В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справ. книжка Самаркандской обл. на 1902 г., вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 37.

[3] Об упадке Самарканда в начале правления мангытской данастии см. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, изд. Акад. Наук, Л., 1927, стр. 99. О Бухаре в 20-х гг. XVIII в. см. А. Попов, Сношения России с Хивою и Бухарой при Петре Великом, СПб., 1853, стр. 135—147.

Массовый переход к земледелию оказался для населения возможным лишь с конца XVIII столетия, когда впервые за последние столетия были произведены обширные оросительные работы как на Зеравшане, так, отчасти, и в других районах ханства.[1] Результаты, полученные от ирригационных работ конца XVIII в., были, повидимому, все же недостаточны. Те же работы продолжались отчасти и при эмире Хайдере,[2] пытавшемся таким образом несколько сгладить переживавшийся страной хозяйственный кризис.

Как при Шах-Мураде, так и при эмире Хайдере оросительные работы производились двумя различными способами: в одних случаях они организовались и отчасти финансировались (хотя бы и за счет населения) представителями местной провинциальной власти, привлекавшей на работы окружающее население в порядке натуральной повинности;[3] в других — эти работы производились по инициативе и на средства частных лиц, в первую очередь, разумеется, наиболее богатых и влиятельных, имевших возможность пользоваться дешевым трудом массы неимущего и экономически зависимого населения.[4]

В первом случае вновь орошенные земли поступали в собственность государства, распределявшего их так или иначе между нуждающимся населением под условием уплаты последним соответствующих налогов,[5] во втором случае земля поступала в распоряжение оросившего ее лица, располагавшего ею по своему усмотрению и даже нередко освобождавшегося от уплаты налогов в казну.[6]

Положение массы земледельцев, оседавших на вновь орошенных землях, было и в том и другом случае одинаково тяжелым, так как освоение новых земель представляет собою, как известно,

---

[1] Работы эти относятся ко времени правления эмира Шах-Мурада, отца эмира Хайдера (1785—1800). Подробные данные о каналах, построенных или восстановленных в это время на Зеравшане, см. Записки Русск. геогр. общ., т. IV, по отд. стат., СПб., 1874, стр. 263—258, 387—390, также газ. Туркест. Ведом., 1876 г., №№ 26—28.

[2] Записки Русск. геогр. общ., цит. соч., стр. 237 и сл.

[3] Там же, стр. 237 и сл.

[4] Оба эти способа производства оросительных работ существовали в рассматриваемое время и в других среднеазиатских ханствах.

[5] Там же, стр. 389.

[6] Там же, стр. 245, 388—389.

чрезвычайно сложную хозяйственную задачу, в данном случае еще более усложнявшуюся существовавшей в Бухаре системой жестокой эксплоатации, независимо от того, являлось ли эксплоатирующей стороной государство или отдельное лицо.

Независимо от указанных условий, орошенных земель было слишком недостаточно для того, чтобы разместить на них все нуждающееся население, вынужденное, в силу недостатка скота и пастбищ, обращаться к земледелию.

На широкое распространение скотоводства, точнее — количество свотоводческого населения в долине Зеравшана в начале XIX в., указывают слова Абдуль-Керима Бухарского о том, что в районе Мианкаля и Самарканда кочевников живет столько же, сколько и оседлых.[1] Другой из современников, Мейендорф отмечает, что из общего количества $2^1/_2$ миллионов населения Бухары около 1 миллиона ведут кочевой образ жизни.[2] Говоря об узбеках долины Зеравшана, еще один из современников сообщает, что «лето проводят они в юртах, а на зиму собираются в города и деревни»[3] и что в Мианкале узбеки «живут селениями и кочуют также».[4]

Аналогичную же картину соотношения между кочевниками и оседлыми рисуют авторы 40-х и даже 60-х гг. XIX в.,[5] что указывает на крайнюю медленность перехода к земледелию и оседлости, несмотря на ощущавшийся недостаток пастбищ и скота.

В сравнительно лучшем, повидимому, положении находилось узбекское население (мангыты) долины Кашка-дарьи, располагавшее не только определенным фондом орошенных земель, но и имевшее возможность пользоваться пастбищами в соседних степях и предгориях. Из дошедших до нас документальных данных начала XIX в. видно, что каршинские узбеки-скотоводы совер-

---

[1] Histoire de l'Asie Centrale. Texte, p. 77.

[2] Meyendorff, op. cit., p. 197. Обе цифры, разумеется, не могут быть признаны достаточно обоснованными и показывают лишь приблизительное соотношение.

[3] Новейшее описание Великой Бухарии, Азиатск. Вестн., 1825, кн. 5, стр. 305.

[4] Азиатский Вестник, 1826, кн. 4, стр. 237.

[5] Ср. Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 66, а также Сборник «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 70 и сл.

шали систематические перекочевки со своим скотом,[1] что в долине Зеравшана было доступно лишь для весьма ограниченной части скотоводческого населения, как это более подробно будет показано ниже.

Не подлежит сомнению, что о чисто кочевом скотоводческом хозяйстве в долине Зеравшана в рассматриваемое время говорить не приходится. Речь может итти, разумеется, лишь о полукочевниках, лишенных возможности, в силу недостатка скота и пастбищ, вести кочевое скотоводческое хозяйство, и в то же время оказывавшихся не в состоянии, по недостатку земли, прочно перейти к оседлому земледелию. Такого рода переходный период, переживавшийся, впрочем, не только массой узбекского населения Бухары, но также Хивы, Ферганы и других районов Средней Азии, являлся в хозяйственном отношении одним из наиболее критических и несомненно должен был иметь крайне болезненное отражение на условиях материального существования большинства населения.[2]

Впрочем, хозяйственный быт массы крестьянского населения Бухары в рассматриваемое время никем из путешественников не описывается и может быть, к сожалению, лишь отчасти уяснен на основании рассказов позднейших авторов, посетивших край уже во время русского завоевания (1868 г.). Из сообщений этих лиц видно, что в долине Зеравшана даже в конце 60-х гг. XIX в. прочной оседлости в ряде районов еще не существовало. В частности население Катта-курганского района являлось еще полуоседлым. Зиму жители проводили в землянках, а весной и летом кочевали.[3] Другой из исследователей того же периода отмечает среди населения Зеравшанской долины значительное число

---

[1] Изв. Среднеазиатск. отд. Гос. Русск. геогр. общ., цит. статья В. Л. Вяткина, стр. 22 (в дальнейшем называется «Документы Вяткина»).

[2] В. Наливкин (Краткая ист. Кокандск. ханства, 17—18) также отмечает, что оседание узбеков в Фергане происходило в первую очередь за счет «тогдашней бедноты», которая, по справедливому замечанию автора, «почти всегда и везде составляла большинство». Об условиях оседания хивинских узбеков см. замечания в моей работе «Удельные земли Сейид Мухаммед-хана хивинского» в Зап. Инст. востоковед. Акад. Наук СССР, т. VI, Л., 1937, стр. 31 и сл.

[3] А. И. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1877, стр. 252. Отмечая случайность расположения и разбросанность узбекских незатейливых жилищ, автор на этом основании целый ряд современных ему кишлаков называет «кочевьями».

бедняков, живущих здесь в «кибитках» из камыша и соломы, обмазанных снаружи глиной.[1] Из слов того же автора видно, что число безземельных и в начале второй половине XIX в. было на Зеравшане весьма велико, достигая в отдельных районах до 25% от общего числа сельского населения.[2] Данные эти носят, разумеется, весьма приблизительный характер, так как статистики здесь в то время еще не существовало. Характерно, что к числу наиболее бедных районов в 60-х гг. относился район Чилека, где, как мы увидим в дальнейшем, восстание 1821—1825 гг. носило наиболее упорный характер.

Положение безземельных было чрезвычайно тяжелым. Часть их вынуждена была наниматься в батраки («работники») к богатым землевладельцам, получая за свой труд от 12 до 20 руб. в год при своей одежде. Автор отмечает при этом, что узбеков, нуждающихся даже в таком заработке, в округе «весьма много».[3]

Приводимое сообщение о «работниках» показывает, что несмотря на продолжавшееся еще преобладание феодальных отношений во всем общественно-экономическом строе Средней Азии в начале второй половины XIX в. и в частности господство издольщины и различного рода «отработок» в области сельскохозяйственных отношений, наемный труд здесь все же имел некоторое распространение. Кроме Бухары и Хивы[4] элементы наемного труда в сельском хозяйстве отмечаются также в середине XIX в. в Фергане, где наемный рабочий получал в год от 5 до 7 тилля (15—20 руб.),[5] т. е. приблизительно столько же, сколько и в Бухаре в рассматриваемое время.

Та часть безземельного крестьянства, которая в той или иной мере была обеспечена рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем или хотя бы имела семена для посева, находилась на положении издольщиков, как это наблюдалось и в позднейшее время. Доля издольщика колебалась от одной четверти до одной десятой урожая, в зависимости от характера влагав-

[1] Русский Туркестан, вып. 2, цит. соч., стр. 53—55, 93 (статья Гребенкина).

[2] Там же, стр. 18—19.

[3] Там же, стр. 19.

[4] О Хиве см. цит. мою работу «Удельные земли», цит. изд., стр. 54, пр. 2.

[5] Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве. Вестн. Русск. геогр. общ., 1856 г., кн. V, отд. отт., стр. 13. Контингент наемных рабочих в Фергане пополнялся преимущественно из каратегинцев.

шихся им средств.[1] Насколько велика была нужда в земле, видно из того, что издольщик, обрабатывавший землю целиком собственным инвентарем и засевавший ее своими же семенами, получал только половину урожая.[2]

Наряду с значительным контингентом безземельных на Зеравшане существует также группа крупных землевладельцев, собиравших с собственных полей до 3400 пуд. хлеба,[3] что указывает на довольно значительную концентрацию земельной собственности в руках отдельных лиц.

Одним из источников возникновения крупной (относительно, конечно) земельной собственности являлись, как мы уже видели, оросительные работы, производившиеся отдельными феодалами, получавшими затем право собственности на орошенную землю. Значительную роль в процессе концентрации земель играли также ханские пожалования, а также захваты отдельными феодалами земель, находившихся ранее в общинно-родовом владении. Не исключена, повидимому, также и скупка земель представителями торгово-ростовщического капитала, усиленно развивавшегося в рассматриваемое время в связи с расширением внешней торговли.

В такой же мере резкая диференциация существовала в районе и среди той части населения, где скотоводство еще продолжало играть заметную роль.[4]

По собранным Гребенкиным сведениям, среди местных скотоводов были лица, владевшие стадами от 3000 до 7000 голов,[5] при наличии значительной массы «кочевников», почти совершенно не имевших собственного скота и занимавшихся главным образом выпасом чужих стад.

Поголовье другой части «скотоводов» было настолько недостаточно, что уход за ним не оправдывал затраты труда и времени

---

[1] Там же, цит. место. Здесь же автор употребляет термин «черекар» в качестве издольщика, получающего четверть урожая. По поводу термина «черекар» («чайрикер») в позднейшее время см. П. П. Иванов, Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. Изв. Акад. Наук СССР, VII сер., отд. общ. наук, № 8, Л., 1935, стр. 755—758.

[2] Русский Туркестан, цит. место.

[3] Там же, стр. 107. Другие исследователи говорят о земельной собственности в 400 и более танапов. См. Турк. Вед., 1874, № 1.

[4] Здесь имеются в виду районы Зеравшана, занятые не только узбеками, но и каракалпаками, таджиками и туркменами.

[5] Там же, стр. 71, 82.

хозяина. В таких случаях скот отдавался на выпас богатым хозяевам-скотоводам.[1]

Совершенно естественно, что при таком крайне необеспеченном положении массы земледельческого и скотоводческого населения, в районе должны были играть большую роль «внеземледельческие заработки», выражавшиеся здесь в широком распространении домашней крестьянской промышленности, главным образом в изготовлении различного рода тканей из хлопка и отчасти из шерсти и шелка.

Составляя основную статью бухарского вывоза как в казахские степи, так и в Россию,[2] продукция крестьянской ремесленной промышленности, разумеется, в первую очередь интересовала скупщика и торговца-ростовщика, которым и производилась эксплоатация производителя.[3] В какой мере ремесло являлось дополнением к бюджету крестьянина, видно из слов одного из путешественников конца 60-х гг., который отмечает, что средний заработок ткача в районе Зеравшана «при самой напряженной работе» не превышает 10 коп. в день.[4]

Бедность крестьянского населения Бухарского ханства, находившаяся в полном контрасте с широким размахом внешней торговли, обращала на себя внимание также со стороны путешественников первых десятилетий XIX в., не сообщающих, однако, каких-либо более точных данных по этому вопросу.

Крайняя бедность, связанная с полной хозяйственной необеспеченностью массы населения, с особенной силой сказывалась в годы неурожаев. Так, например, в 1811 г., вследствие почти полного отсутствия осадков зимой и бездождия весной, все посевы на так называемых богарных (неорошаемых искусственно) землях погибли, а орошаемые поля дали совершенно недостаточный урожай. Начавшийся в результате голод принял настолько жестокие формы, что из-за куска хлеба родители

---

[1] Русский Туркестан, цит. соч., стр. 70.

[2] П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Ср. Азией. Зап. Русск. геогр. общ., вып. X, СПб., 1855, стр. 263 и сл.

[3] Литературные данные о взаимоотношениях между ремесленниками и купцом см. П. П. Иванов, К истории развития горного промысла в Ср. Азии, Л., 1932, стр. 13, 63.

[4] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Зап. Русск. геогр. общ., т. VI, СПб., 1880, стр. 43.

продавали своих детей, а стариков убивали или оставляли умирать голодной смертью.[1]

Говоря о причинах бедности бухарского крестьянства, Ханыков, в качестве основной из них отмечает малоземелье, вызванное, по словам автора, «несоразмерно большим» количеством сельского населения,[2] совершенно упуская при этом из вида те социальные причины, которые в действительности определяли собою все указанные здесь факты хозяйственной жизни.

Однако, прежде чем останавливаться на общем анализе социального строя Бухарского ханства первой четверти XIX в., необходимо хотя бы в самых общих чертах отметить одну общественно-бытовую его особенность, без учета которой невозможно правильное понимание как классовой структуры местного общества, так и многих происходивших в рассматриваемое время событий. Здесь нами имеется в виду наличие пережитков так называемого родового устройства, игравших в рассматриваемое время еще довольно значительную роль как среди узбеков, так и других народностей ханства, как, например, каракалпаков, туркмен и казахов, населявших северные окраины ханства.

Было бы, разумеется, совершенно неуместно рассматривать узбекский или туркменский «род» первой четверти XIX в. как нечто похожее на ту доклассовую родовую организацию, социально-экономическая структура которой известна нам из классического труда Ф. Энгельса.[3]

Узбекский «род» не только в первой четверти XIX в., но и в значительно более ранний период, находился уже на той стадии общественного развития, когда родовые вожди «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа».[4] Классовая ди-

---

[1] Туркестанские Ведомости за 1872 г., № 17.

[2] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 112.

[3] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 67—84.

[4] Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 195. Ряд данных, относящихся к развитию родового строя у различных тюркских народов, в частности у каракалпаков, изложены мною в моей работе «Очерк истории каракалпаков» (Материалы по истории каракалпаков, Тр. Инст. востоковед. Акад. Наук, Л., 1935, стр. 51 и сл., там же литература). В основных чертах приведенные в статье данные относятся и к узбекам в соответствующий период их истории, вследствие чего я на этом вопросе здесь не останавливаюсь.

ференциация, отражавшая собою далеко проникшее имущественное неравенство внутри тюркского или монгольского «рода»,— факт достаточно хорошо известный еще в период задолго до проникновения узбеков в Среднюю Азию.

Исторические сочинения первых десятилетий XIX в. и доступные актовые материалы показывают, что термин «узбек» в Бухаре, так же и в Хивинском ханстве, употреблялся обычно только в тех случаях, когда узбека нужно было противопоставить иной народности, например, таджику, каракалпаку и т. д. Во всех остальных случаях слово «узбек» обычно заменялось наименованием того родового деления, к которому данное лицо принадлежало (мангыт, кипчак, юз и т. д.).[1]

Узбекский «род» первых десятилетий XIX в. представлял собой в Бухарском ханстве своеобразную единицу не только социально-экономического, но и административно-политического характера. Управление и всякого рода разверстки податей и налогов, так же как и вербовка в войска производились среди узбеков исключительно на основе родового признака.[2] Каждый сколько-нибудь значительный род занимал отдельную территорию, в пределах которой он располагал всеми доступными хозяйственными угодьями. В распоряжении рода нередко имелись свои крепости, являвшиеся центром защиты от соседей, а иногда и от центральной эмирской власти, как это видно будет из описания дальнейших событий.

---

[1] Для того чтобы обозначить всю совокупность узбеков, бухарскими, хивинскими и ферганскими историками XIX в. употребляется выражение «92 рода (узбеков)» или иногда собирательное «узбекийе». Сообщение Ханыкова о «97 родах узбеков» среднеазиатскими историками нигде не подтверждается. Родовые подразделения и размещение отдельных родов в Бухарском ханстве и в частности в Зеравшанской долине указываются в цитированном сочинении Ханыкова, стр. 63—65. Более подробные данные относятся к моменту русского завоевания. См. Зап. Русск. геогр. общ., т. VI, стр. 60—64. Также Зап. Русск. геогр. общ., т. IV, стр. 292 сл.; также Сб. «Русский Туркестан», вып. 2, цит. соч., стр. 69—109.

[2] Ср. Документы Вяткина, стр. 14 и сл., также Зап. Инст. востоковед. Акад. Наук, т. II, вып. 2, Л., 1933, стр. 77 и сл. (в дальнейшем «Документы Фитрата»). Сказанное не относится разумеется к таджикам и другим постоянным оседлым (городским и сельским) жителям, обозначавшимся термином «фукара» в противоположность «илят» (кочевники или полукочевники, сохранившие родовые деления).

Из документов, относящихся ко времени эмира Хайдера, видно, что принадлежавшие отдельным родам крепости могли ими обмениваться и даже продаваться, причем в такого рода сделки с главарями родов входило и само бухарское правительство.[1] Фактическими распорядителями общинно-родового имущества являлись особые представители родовой знати, носившие звание биев (или беков), обычно передававшееся по наследству. Используя свое право распоряжения пастбищами и выступая нередко в роли распорядителя и организатора оросительных работ, бий и старшина получали возможность держать в экономической зависимости от себя основную массу рода.

В периоды, когда центральная власть колебалась, бии крупных узбекских родов достигали значительной степени самостоятельности и даже полной независимости в пределах своего рода.[2] По этой причине центральное правительство обычно стремилось приблизить к себе наиболее влиятельных биев, а когда это не удавалось, то противопоставить им кого-либо из своих сторонников. Наблюдались также случаи, когда тот или иной из биев, не находя достаточно сил, чтобы сломить сопротивление рода или победить своих соперников, получал подтверждение своего звания со стороны центрального бухарского правительства и с помощью последнего утверждался в роде. Иногда бии просто назначались центральной эмирской (или ханской, как в Хиве) властью и являлись таким образом обыкновенными подчиненными правителями и вассалами, управлявшими той или иной клановой единицей. В частности, попытки приближения родовой феодальной знати китай-кипчаков к ханскому двору делались еще при первых мангытах (середина XVIII в.). Так, историк царствования известного основателя мангытской династии Рахим хана сообщает, что «Ходжам-яр-бий, сын Ферхад-аталыка, вождь (сердар) китаев и кипчаков, был назначен на должность ханского аталыка, с тем, чтобы узбеки могли передавать через него свои жалобы» хану.[3]

---

[1] Ср. Документы Вяткина, стр. 11.

[2] К числу таких независимых родовых правителей при эмире Хайдере принадлежали бии рода кенегес в Шахрисябзе и родов кырк и юз в Джизаке и Ура-тепе.

[3] См. Тарих-и-Рахим-хани, соч. Мухаммед Вефа, цит. рукопись Инст. востоковед. С 527, л. 255а.

Достигавшееся таким путем сближение не давало однако, достаточно прочных результатов, так как политическая история среднеазиатских ханств XVI—XIX вв. в значительной своей части заключается в истории феодальных войн узбекской родовой аристократии между собою, как это указывалось отчасти выше относительно взаимоотношений эмиров с Гиссаром, Шахрисябзом и некоторыми другими районами. Говорить о наличии каких либо особых противоречий между эмирской властью и знатью китай-кипчаков однако нет оснований, так как источники па этот счет сведений не содержат.

Насколько отчетливо источники изображают внешнеполитическую роль родовых предводителей-биев, настолько мало они затрагивают, их роль во внутренней жизни родовой общины. Социальная структура родовой ячейки, или, употребляя выражение В. И. Ленина, «строй экономических отношений внутри общины»,[1] в условиях Бухары 20-х гг. XIX в., к сожалению, до сих пор остаются нам почти неизвестными. Между тем, повидимому, здесь лежит разгадка того иногда исключительного влияния, каким пользовались некоторые из биев внутри своего рода. Конечно здесь играла известную роль традиционная «родовая солидарность», возникшая в свое время на основе общности экономических интересов членов рода. Однако в данный период, когда имущественное неравенство внутри родовой общины достигало уже почти крайних пределов,[2] объяснить роль бия «родовой идеологией» невозможно, хотя не подлежит сомнению, что в сглаживании нараставших классовых противоречий внутри рода она все же играла заметную роль. Этим только и можно объяснить тот факт, что хранителями «родовых традиций» являлась зажиточная и влиятельная часть рода, использовавшая родовые предрассудки в своих классовых интересах, не имевших ничего общего с массою рода.[3]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. III (изд. 3-е), стр. 136 (речь идет о русской деревенской общине).

[2] Гребенкин, цит. соч., стр. 83, отмечает, что среди богатой части узбеков еще незадолго до русского завоевания («при эмирах») сохранялось также рабовладение.

[3] Более поздние исследователи (Гребенкин, цит. соч., стр. 83) отмечают, что носителями «родовых традиций» являлась главным образом зажиточная родовая верхушка, в то время как бедняки уже утрачивали понятие о своей родовой принадлежности и смешивались с узбеками других родов. Аналогичный же процесс разложения родовых отношений и

Центр тяжести лежал, разумеется, не в «родовой идеологии», а в экономической зависимости массы непосредственных производителей от немногочисленной родовой верхушки; выразителем интересов которой являлся бий или аксакал (старшина). Детальное знакомство с внутренней диференциацией узбекского рода и существовавшими здесь формами зависимости могло бы пролить свет на многие факты общественно-политической жизни Бухары первой половины XIX в. и, в частности, на внутреннюю историю интересующих нас событий 1821—1825 гг. Однако эта задача принадлежит будущему, так как в данное время материал для ее разрешения еще не подготовлен. Необходимо вместе с тем отметить, что вся эта система «внутриродовых» взаимоотношений в рассматриваемое время существует параллельно с той официальной системой эксплоатации и угнетения, которая была представлена центральным эмирским аппаратом и его агентурой на местах.[1] Родовая верхушка в официальном бухарском аппарате была представлена в общем довольно слабо, в связи с тем недоверием, какие испытывала по отношению к ней эмирская власть. В массе представители эмира состояли из посторонних роду людей, большей частью из мангытов[2] и частью из других племен и народностей ханства. Это обстоятельство в свою очередь также имело ряд политических последствий, связанных обычно с соперничеством и борьбой между назначавшимися на места эмирскими правителями и местной родовой верхушкой, лишавшейся вследствие этого значительной части своих доходов и привилегий. Наблюдались иногда случаи, когда победителями оказывались родовые представители, что влекло за собой изгнание эмирских ставленников и ряд политических осложнений.[3]

родовой идеологии происходил среди казахов и киргизов: «Носители родовой идеи суть богачи и старейшины (аксакалы). Бедные не знают кроме названия своих прямых предков и своего рода и колена ничего об отдаленных разветвлениях родства». Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинский области, т. I, юридический быт, Ташкент, 1889, стр. 12.

[1] Мы не касаемся здесь вопроса о характере и формах эксплоатации со стороны торгово-ростовщического капитала, что должно составлять задачу самостоятельного исследования.

[2] О них см. ниже.

[3] Ср., например, Гульшен-аль-мулюк, л. 178б.

Происходившую в первой четверти XIX в. борьбу между старой родовой узбекской знатью и вновь нарождающимся слоем эмирских приближенных в известной степени можно было бы сблизить с борьбой между вотчинным феодальным боярством и служилым дворянством в Московской Руси XVI в.

Не задаваясь здесь целью давать исчерпывающую характеристику родовых пережитков во всех их проявлениях, мы имеем в виду лишь отметить до некоторой степени своеобразие их и сложность их отражения на различных сторонах общественно-политической жизни ханства в рассматриваемую эпоху.

Национально-племенной состав населения Бухарского ханства известен довольно хорошо, и останавливаться на этом вопросе здесь нет необходимости.[1] Отметим лишь, что к числу наиболее влиятельных узбекских родов в рассматриваемое время принадлежал уже отчасти упоминавшийся выше род мангытов. Из состава мангытской родовой знати в середине XVIII ст. вышла правящая бухарская династия (мангытская), последний представитель которой, как известно, бежал в Афганистан в результате революционных событий 1920 г. Мангыты занимали главным образом бассейн среднего и нижнего течения Кашкадарьи, с центром в г. Карши.[2]

Конкурирующим родом являлся род кенегес, занимавший район Шахрисябза, владетели которого стремились расширить свои владения за счет мангытов. Сыну и наследнику эмира Хайдера Насрулле (1827—1860) удалось на некоторое время завоевать Шахрисябз, однако окончательное подчинение шахрисябзских кенегесов бухарским эмирам произошло только в 1870 г. и было совершено при помощи царских войск.

Пространство по Зеравшану, между Самаркандом и Бухарой, занималось несколькими узбекскими родами, из которых наиболее многочисленными являлись китаи (ктай, кытай, хытай, хтай), располагавшиеся в районе от Кермине до Катта-кургана, и кипчаки (кыпчак), жившие на восток от китаев до района Самарканда. Роды китай и кипчак настолько тесно слились между собою, что и восточными и европейскими авторами обычно считались за одно целое. Так, Мухаммед Я'куб Бухарский только один раз употре-

---

[1] См. литературу, указ. в примеч. 1 на стр, 23,

[2] Довольно подробные сведения о хозяйственно-политической жизни мангытов в начале XIX в. дают цитиров. выше Документы Вяткина.

бляет выражение c̥amaə-i-xьtaj və firqə-i qьpcaq — «племя хытаев и род (подразделение) кыпчаков»,[1] выражаясь во всех остальных случаях просто «хытай-кыпчак», как и большинство других среднеазиатских авторов.

В. В. Радлов, посетивший Зеравшанскую долину в 1868 г., отмечает, что оба «отдела», китаи и кипчаки, слились так тесно, что считаются за одно племя, и на вопрос о том, к какому роду они принадлежат — отвечают: «qьtai-qьpcaq mən», т. е. «я из (рода) китай-кипчаков».[2]

Не имея возможности подробно останавливаться здесь на вопросах отдаленного прошлого обоих народов, заметим попутно, что каждый из них в отдельности был известен еще в средние века.

Китаи (кара-китаи, кара-кидане, кидани) в XI в. завоевали Северный Китай, получивший по имени этого народа свое наименование, а в XII столетии они распространили свое господство на запад и владели Средней Азией до появления на исторической арене хорезмшахов и монголов в конце XII — начале XIII вв.[3]

Кипчаки (кыпчаки, команы, половцы) также представляли собою одно из могущественных племен средневековья, занимавших в XI в. обширное пространство среднеазиатских и южнорусских степей (Дешт-и-кипчак) и утративших свое могущество также лишь с появлением монголов.[4]

В результате начавшихся при монголах массовых перемещений и смешений различных тюрко-монгольских народностей, как китаи, так и кипчаки утратили свое единство и частью вошли в состав других образовавшихся в последующий период племен и племенных союзов (казахов, ногайцев, узбеков и др.), вместе с которыми они и рассеялись затем на всем пространстве бывших монгольских владений до Крымского полуострова включительно. Часть китаев и кипчаков объединилась друг с другом и образовала особую группу под названием китай-кипчаков.

---

[1] «Рисале», соч. Мухаммед Я'куба, рукоп. Инст. востоковед. Акад. Наук, С 1934, л. 15а.

[2] Цит. соч., стр. 61.

[3] Ср. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 9.

[4] Замечания и литературу о прошлом кипчаков см. в указывавшейся выше моей работе «Очерк истории каракалпаков». Тр. Инст. востоковед., т. VII, Л., 1935, стр. 13 и сл.

К какому времени относится возникновение этой группы — сказать с достаточной точностью пока нельзя, однако это произошло во всяком случае еще до момента перемещения их в долину Зеравшана, так как группа китай-кипчаков встречается не только среди узбеков в Средней Азии, но и среди ногайцев в Крыму и на Кавказе.[1] В Средней Азии китай-кипчаки упоминаются впервые, насколько известно, во второй половине XVII в.[2]

Единство китаев и кипчаков носило в действительности, повидимому, скорее характер внешнего политического союза, чем внутреннего родства или объединения. Дело в том, что и родовая структура и боевые кличи (ураны) у обоих племен были совершенно различны.[3] Каждое из племен имело свои совершенно самостоятельные внутренние родовые подразделения, не родственные подразделениям другой стороны, вследствие чего браки между обоими племенами допускались.[4] Подобных взаимоотношений ни в коем случае не могло бы наблюдаться, если бы племена считались между собою «родственными». Устанавливая этот факт, мы должны будем допустить, что и в хозяйственно-экономическом отношении оба племени в рассматриваемое время не могли представлять вполне единого целого.

Все эти моменты важно отметить особенно потому, что они не могли не отразиться на ходе восстания 1821—1825 гг., когда то или иное проявление внутренней розни могло вызвать самые тяжелые последствия.

---

[1] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии, Одесса, 1889, стр. 47 (Отд. отт. из XV т. Зап. Одесск. общ. истории и древн.). Упоминание относится к 1728—1729 гг. См. также И. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I, СПб., 1869, стр. 170, 172.

[2] См. по этому поводу прим. 2 на стр. 8 настоящего очерка, а также «Дополнение к актам историческим», т. X, стр. 375—389. Это место приведено также у А. Н. Аристова, «Живая старина», 1896 г., вып. III и IV, СПб., стр. 387, прим. I. Рассказ идет о казахском хане Тауке (Тявка), совершившем в 1694 г. поход на китай-кипчаков. Судя по тому, что взятые в плен китай-кипчаки были возвращены затем бухарскому посланнику, следует полагать, что речь идет о тех же зеравшанских китай-кипчаках, о которых говорит цитировавшийся выше бухарский историк XVII в. Мухаммед Эмин.

[3] В. В. Радлов, цит. соч., стр. 60, а также Гребенкин, цит. соч., стр. 100.

[4] Гребенкин, цит. соч., стр. 102.

Численность китай-кипчаков в первой четверти XIX в. определяется различно. Мирза Шемс Бухарский утверждает, что число их достигает 120 тыс. человек.[1] Авторы «Истории эмира Хайдера» определяют численность обоих племен в 80 тыс. семейств, по 40 тысяч семейств в каждом.[2] Один из более поздних авторов численность китай-кипчаков определяет в 70 тыс. чел., из которых около 45 тыс. чел. китаев и около 24 тыс. чел. кипчаков.[3] Каждая из приведенных цифр имеет скорее предположительный характер, чем какое-либо реальное значение, так как какими бы то ни было подсчетами не подтверждается. На основании более точных данных 1924 г., хотя также имеющих скорее расспросный, чем статистический характер, китаев (ктай) на Зеравшане считалось около 50 тысяч и кипчаков — около 66 тыс. чел.[4]

Хотя занимавшаяся китай-кипчаками территория отличалась до некоторой степени выгодным сочетанием пастбищных угодий с лучшими орошаемыми землями района,[5] источники не дают, однако, оснований выделять эти племена в смысле зажиточности из общей массы окружающего населения. Полукочевой быт и недостаток хозяйственных угодий были в такой же мере свойственны китай-кипчакам, как и их соседям.[6] В такой же мере свойственна им была, очевидно, и та резкая имущественная и классовая диференциация, какая известна была вообще населению Зеравшанской долины в рассматриваемое время.

Одним из русских авторов первой четверти XIX в. был опубликован чрезвычайно любопытный цифровой материал, характеризующий количество собиравшихся в Бухарском ханстве хлебов по важнейшим районам в 1822 г.[7] Из этих данных,

---

[1] Записки Мирзы Шемса и т. д., изд. В. В. Григорьева, цит. соч., стр. 7.

[2] История эмира Хайдера, соч. Ибадуллы и Мухаммед Шерифа, рукопись (о ней см. ниже), стр. 3.

[3] Ср. Гребенкин, цит. соч., стр. 100—101.

[4] Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I. Бухара—Ташкент, 1926, стр. 206 и 208.

[5] Гребенкин, цит. соч., стр. 100—101.

[6] Ханыков, цит. соч., стр. 67; Гребенкин, цит. соч., стр. 101.

[7] Новейшее описание Великой Бухарии. Азиатск. Вестн., 1826, кн. 4. Таблица прилагается к стр. 238.

между прочим, видно, что Катта-курганский район, в состав которого входила, в административном отношении, также большая часть территории китай-кипчаков, занимал довольно видное место в числе других земледельческих районов ханства. Эти данные указывают, между прочим, на неточность более поздних сведений Ханыкова, причислявшего китай-кипчаков как будто целиком к «кочевым» племенам ханства.[1] На довольно широкое распространение земледелия среди интересующих нас племен указывают также частые сообщения Мухаммед Я'куба о разорении и уничтожении посевов этих племен войсками эмира Хайдера в период восстания 1821—1825 гг., о чем подробнее будет сообщаться ниже.

Из сообщений более поздних авторов видно, что, так же как и у ряда других племен, скотоводство играло в хозяйственной жизни китай-кипчаков известную роль. Из отдельных отраслей животноводства у китаев Ханыков отмечает коневодство.[2] Основную массу скота в районе составляли, разумеется, бараны, выпасавшиеся «кругом пашен и на землях, остающихся под паром».[3]

Соседями китай-кипчаков на северо-западе являлись узбекские племена митанов и джелаиров, а на востоке каракалпаки, ни по условиям хозяйствования, ни по социально-бытовому своему укладу не отличавшиеся особенно резко от окружающих их соседей узбеков.[4]

Городская жизнь в районе, окружавшем китай-кипчаков, была развита весьма слабо. Крупнейшим городским центром являлся Самарканд, с населением в 1820 г. в 50 тыс. чел.,[5] считавшийся вторым по величине городом ханства. На втором месте находился Катта-курган, население которого состояло в рассматриваемое время из 5 тыс. хозяйств,[6] или, приблизительно, из 25 тыс. душ. Прочие населенные пункты района — Янги-курган,[7] Чилек и др., также обычно называвшиеся «горо-

---

[1] Ханыков, цит. соч., стр. 64.
[2] Там же, стр. 68.
[3] Гребенкин, цит. соч., стр. 101.
[4] Там же, стр. 94 и сл.
[5] Meyendorff, op. cit., p. 160.
[6] Азиатск. Вестн., 1826, кн. 4, стр. 238 (табл.).
[7] В Янги-кургане считалось 200 дворов (там же). Янги- (или Яны) курган в настоящее время большой кишлак (селение) в 35 км на восток

дами,[1] были по существу крупными селениями-базарами для окрестного района и крепостями, в которых находился бухарский наместник и содержался гарнизон. Население городских центров Зеравшанской долины состояло главным образом из таджиков, отчасти населявших также ряд крупных и мелких селений района.[2]

Таким образом из всего сказанного здесь по поводу местных хозяйственно-бытовых особенностей можно установить, что среди населения долины Зеравшана, наряду с общей, довольно значительной, классовой диференциацией, в рассматриваемое время существовала также чрезвычайно сложная группировка по национально-этническому признаку, еще оказывавшему то или иное влияние на хозяйственно-политическую жизнь страны и направлявшему всю общественно-политическую жизнь местного крестьянства по руслу местных, узкогрупповых интересов. Каждая из национально-родовых групп продолжала еще занимать «свою» установленную родовыми традициями территорию (до «своих» крепостей включительно) и жила своей обособленной, замкнутой жизнью, слабо связанной с интересами соседних районов. Весь этот сепаратизм усиленно поддерживался местной родовой феодальной знатью, извлекавшей из замкнутости отдельных родовых ячеек определенные выгоды. Несмотря на слабость центрального бухарского правительства, ему удавалось держать в зависимости от себя такую разрозненную массу крестьянства.

от Катта-кургана. В 70-х гг. прошлого века Янги-курган был известен также под названием Душамбе (Туркест. Ведом., 1872 № 14). Кишлак Душамбе возник на месте средневекового Сагарджа. См. Вяткин, Материалы к истории топографии Самаркандского вилайета, цит. изд., стр. 62.

[1] Ср. Ханыков, цит. соч., стр. 32.

[2] Например, Пенджикент, Ургут и др., считавшиеся в это время, впрочем, городами. Любопытно, что Гребенкин (цит. соч., стр. 3) упоминает о 52 кишлаках, населявшихся в конце 60-х гг. таджиками. Относительно Катта-кургана следует заметить, что население его в 1822 г. считалось в массе узбекским. Азиатск. Вестн., цит. соч., стр. 237.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

В начале настоящей работы уже указывалось, что господствующим классом в Бухаре, как и в других среднеазиатских ханствах, являлась узбекская военно-феодальная аристократия, опиравшаяся в своем господстве над массами на союз с высшим духовенством,

Это положение с достаточной наглядностью подтверждается структурой местного землевладения, лучше всего отражающей на себе особенности классового строения бухарского общества и вскрывающей материальные основы могущества главенствующих классов.

По признаку принадлежности все земли в Бухаре делились на три основные категории: государственные (мемлеке-и-султани), частновладельческие (мильк-и-хусуси) и вакуфные, составлявшие собственность религиозных учреждений [1] и являвшиеся источником дохода духовенства. Такого рода типично-феодальная, «иерархическая», структура земельной собственности, существовавшая и в Хиве, и в Кокандском ханстве, не является, впрочем, типичной для данной эпохи, так как она существовала и в предыдущий период, так же как и в более позднее время. Определить с какой бы то ни было точностью удельный вес каждой из указанных категорий земель при эмире Хайдере нет возможности, так как относящиеся к этому вопросу аграрные документы до сих пор не только не опубликованы, но даже полностью не выявлены.

Большая часть государственных земель находилась во владении крестьян, пользовавшихся ими как бы на правах пожизненной аренды, передававших свои дворы, сады и участки по наследству и даже имевших право их продавать. Установленный для данной категории земель налог-рента уплачивался крестьянами непосредственно государству.

---

[1] См. Документы Фитрата (извлечения из документов времени эмира Хайдера), цит. изд., стр. 81.

Иногда та или иная часть обрабатывавшихся крестьянами государственных земель передававлась правительством отдельным лицам в виде временных, иногда пожизненных, пожалований за выполняемую ими службу. Такого рода пожалования носили в Бухаре название танха. Крестьяне, сидевшие на землях танха, вносили причитающийся с них налог уже не в казну, а танхадару — лицу, получившему право танха.[1] Общее число танхадаров простиралось при эмире Хайдере, по словам современников, до 36 тыс. человек.[2]

Государственные земли являлись главным источником, из которого пополнялся фонд земель частновладельческих — так называемых мильков или амляков, составлявших собственность местной феодальной знати и отчасти других имущих слоев местного общества.

Возникая первоначально в силу ханских пожалований, амляковые земли могли затем отчуждаться и, таким образом, постепенно входили в общегражданский оборот, наряду с другими частновладельческими имуществами. Об одном из таких типичных случаев пожалования встречается, между прочим, никем еще не отмечавшееся сообщение у Абдуль-Керима Бухарского. Говоря о Мухаммед Хусейн-хане, владевшем в конце XVIII в. Мервом и переселенном затем по завоевании этого города Шах-Мурадом в Бухару, Абдуль-Керим рассказывает, что Мухаммед Хусейн-хан, испугавшись однажды за свою жизнь, тайно распродал все пожалованные ему Шах-Мурадом амляки и, избрав удобный момент, бежал в Шахрисябз.[3]

Из последней, подчеркнутой нами, части рассказа автора видно, что полученные отдельными феодалами амляки явля-

---

[1] Сведений об институте танха при эмире Хайдере сохранилось немного, так как относящиеся к этому вопросу документы еще не опубликованы (о них см. между прочим Документы Фитрата, цит. соч., стр. 83). Общие сведения о бухарских танха и некоторые документы (позднейшие) по этому вопросу см. А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 30—33. Необходимо заметить также, что предметом пожалования танха могла являться не только земля, но и всякое имущество, приносящее доход, например, мельницы, суда, на которых производилась переправа через реку, караван-сараи и т. п.

[2] Азиатск. Вестн., 1825, кн. 5, стр. 379. По терминологии автора — это лица, имеющие «доход с жалованных поместьев государственных».

[3] Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 63.

лись полной, неограниченной собственностью владельца, имевшего право продажи их и т. д., без какой бы то ни было особой санкции со стороны ханской власти. Хотя вопрос о том, кто мог явиться покупателем амляков Хусейн-хана, остается открытым, однако можно предполагать, что крупное амляковое землевладение не замыкалось кругом военно-феодальной знати, но распространялось постепенно и среди прочих представителей имущих классов.[1]

В отношении вакуфов следует заметить, что, в связи с особым вниманием, уделявшимся эмиром Хайдером духовенству, число вакуфных земель в рассматриваемое время значительно возросло, следствием чего должно было являться повышение политической роли духовенства, о чем будет сказано несколько ниже.

Говоря об устройстве аппарата центральной власти в Бухаре, Мухаммед Я'куб сообщает, что эмир Хайдер в начале своего правления назначил на различые государственные должности четыре тысячи человек, получавших со стороны государства полное обеспечение деньгами и натурой.[2] Размеры получавшегося приближенными вознаграждения автором не указываются, однако из сообщений других современников известно, что они достигали до 1000 и более золотых в год, не считая «случайных доходов».[3]

Главную военную опору эмира составляли его соплеменники мангыты, родовая феодальная знать которых пользовалась поэтому особым покровительством и вниманием.[4]

Используя влияние, каким пользовалось в рассматриваемое время духовенство, эмир ряд важнейших государственных должностей предоставил также ходжам, сейидам и прочим представителям наиболее влиятельных кругов духовенства.[5] 500 человек из числа наиболее видных мулл получали содержание в сумме

---

[1] Особенности амлякового землевладения в Бухаре изучены пока недостаточно, так как относящиеся к этому вопросу документы не опубликованы (ср. А. А. Семенов, цит. соч., стр. 33—34).

[2] Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 170а.

[3] Азиатск. Вестн., 1825, кн. 5, стр. 380. Здесь же указывается, что главный везир ханства получает жалования 5 тыс. бухарских червонцев (тилля), не считая случайных доходов.

[4] Рисале, соч. Мухаммед Я'куба, цит. рукоп., л. 30а.

[5] О духовных званиях и должностях в Бухаре при сыне и преемнике эмира Хайдера, эмире Насрулле см. Ханыков, цит. соч., стр. 189 и сл.

от 100 до 300 теньге, в зависимости от своего значения.[1] При мечетях, медресе и мазарах были восстановлены вакуфы,[2] приносившие значительный доход духовенству и укреплявшие власть его в качестве крупного земельного собственника над крестьянскими массами. Каждый месяц эмир, по словам бухарского историка, давал содержание 12 тысячам бедняков (гурабȧ),[3] в числе которых несомненно находилось не малое число различных странствующих дервишей, привлекавшихся эмиром в качестве весьма активного элемента на свою сторону. Значительные суммы тратились также на содержание войска, составляющего как личную гвардию эмира, так и гарнизоны важнейших городов ханства. Кроме войск, содержавшихся в Мианкале, Самарканде и Карши, эмир содержал также 12 тысяч постоянного войска в Бухаре. Расходы на содержание войск особенно возрастали в связи с частыми войнами, которые эмир вел, как указывалось выше, на протяжении всех лет своего царствования с Хивой, Кокандом и Шахрисябзом. Этим обстоятельством, повидимому, объясняется отчасти замечание Мухаммеда Я'куба о том, что (хотя) доходы его (эмира Хайдера) вдвое превышали доходы его отца, (однако) они только наполовину покрывали его расходы.[4] Аппарат власти на местах состоял из главных правителей провинций (хакимов) с несколькими их помощниками (бек), сидевших в отдельных наиболее крупных районах и имевших в своем распоряжении многочисленный штат налоговых чиновников (диванбеги и пр.).

Определенного содержания провинциальные правители и их помощники не получали, пользуясь вместо этого «доходами», доставлявшимися их службой.

Все средства, употреблявшиеся на содержание этого чрезвычайно громоздкого аппарата, как центрального, так и местного, должны были собираться почти целиком с крестьянства, эксплоатация которого носила поэтому необычайно ожесточенный характер. О факте значительного усиления эксплоатации непосредственного производителя в рассматриваемое время говорят, между прочим, и приводившиеся выше слова Мухаммед Я'куба о том, что «доходы эмира Хайдера вдвое превышали доходы

[1] Рисале, цит. рукоп., л. 29 б.
[2] Там же, цит. место.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 29б.

его отца», что достигалось, разумеется, только путем увеличения налогов.

Основой присвоения прибавочного продукта являлась, разумеется, земля, сосредоточенная, как указывалось выше, или в руках государства или частных землевладельцев, включая сюда и вакуфы. Частично опубликованные документы эпохи эмира Хайдера показывают, что государство, как собственник земли, эксплоатировало сидевшее на ней крестьянство различными методами. В одних случаях взимание установленного налога-ренты (хfamily, ушр) предоставлялось провинциальным правителям (хаким),[1] в других — сбор налога давался на откуп.[2] И в том и другом случае рента была крайне обременительна, причем взимание ее сопровождалось применением необычайно жестоких приемов, по существу пыток, как это будет указано в дальнейшем. Форма ренты преобладала смешанная — натурой и деньгами. Натуральная рента (харадж) взималась с зерновых и масличных, денежная (танабанэ) — с садов и огородов. Характерная вообще для эпохи разложения феодализма тенденция к постепенному вытеснению натуральной ренты денежной наблюдалась и в Бухаре. В. Л. Вяткин, исследовавший некоторые документы интересующего нас периода, отмечает, что харадж при эмире Хайдере «взыскивался в переводе на деньги».[3]

В некоторых материалах, относящихся к тому же периоду, имеются указания на то, что харадж уплачивался деньгами,[4] хотя наряду с этим встречается много данных о сборе того же налога натурой. В деньгах же собирался закят — налог со скота и прочего имущества, в том числе и товаров,[5] а также чрезвычайный военный налог джу'пь (о нем см. ниже). Во всяком случае удельный вес денежных сборов был весьма значителен.

На землях частновладельческих (мильках, амляках) закабаление и эксплоатация непосредственного производителя производились на основе отработочной системы, именно издольщины.[6] Положение издольщика (карандэ) являлось не менее тяжелым,

---

[1] Документы Вяткина, стр. 24.

[2] Документы Фитрата, цит. изд., стр. 81.

[3] Документы Вяткина, стр. 24.

[4] Азиатск. Вестн., 1826, кн. 4, стр. 238 (табл.).

[5] Документы Вяткина, стр. 23, 24.

[6] Сведений о ведении владельцами амляков собственного крупного хозяйства, типа поместья, в материалах не встречается.

чем положение крестьянина, сидевшего на государственной земле, как это указывалось отчасти уже в предыдущей главе. Ничтожность приходившейся на долю издольщика части урожая влекла за собой систематическую задолженность землевладельцу и способствовала дальнейшему закабалению массы непосредственных производителей.[1]

Одной из наиболее тяжелых форм закабаления являлся так называемый бунак,[2] о котором крайне глухо упоминают некоторые документы времени эмира Хайдера.[3]

Несмотря на чрезвычайно важное значение, какое имеет бунак для изучения вопроса об отношениях крепостничества в условиях Средней Азии в прошлом, институт этот до сих пор остается, к сожалению, никем не исследованным, если не считать некоторых попутных отрывочных замечаний, какие встречаются по этому поводу в старой дореволюционной литературе.

С формальной стороны бунак имел как бы характер ссуды деньгами, которую получал нуждающийся крестьянин со стороны богатого землевладельца или торговца-ростовщика для своих производственных или бытовых надобностей. Однако в силу уже отмечавшихся выше материально-бытовых условий возврат полученной ссуды являлся для бедняка фактически невозможным, вследствие чего однажды взявший бунак оказывался на положении кабального вечного должника. Для иллюстрации сказанного приведем слова одного из позднейших исследователей хлопководства в Средней Азии, который пишет о бунаке следующее: «Бунак является у туземцев древней формой закабаления ростовщиками бедноты, давая им (sic!) часть денег за покупаемый хлопок на корню. Сделки эти туземцами оформляются у казиев и проводятся последними через свои шнуровые книги. Хотя бунак, как крайняя форма ростовщичества, наказуем как с точки зрения туземных законов, так и безусловно (?) русских, но бороться с ним крайне трудно».[4]

---

[1] Происходившие между землевладельцем и издольщиком конфликты на почве раздела урожая получили свое отражение в документах эпохи эмира Хайдера. См. Зап. Инст. востоковед. Акад. Наук, цит. соч., стр. 84.

[2] Иранское слово, обозначающее «задаток».

[3] Документы Фитрата, цит. соч., стр. 81.

[4] Материалы для изучения хлопководства. Изд. Хлопк. комитета Гл. управл. землеустр. и земледелия, вып. I. Составил Н. И. Малаховский. СПб., 1912, стр. 88 (разрядка всюду моя).

«Однажды взявший бунак, —продолжает тот же автор, — остается под постоянной кабалой ростовщика; если дехкан (крестьянин) умирает, то кабала переходит на его потомство».[1]

Каков был характер бунака столетием раньше, в интересующий нас период первой четверти XIX в., остается пока неизвестным, однако вряд ли можно допустить, чтобы он тогда имел для должника менее тяжелые последствия, чем это описывается автором XX в.

Основываясь на глухом упоминании документов, можно сказать почти с уверенностью, что сфера распространения бунака в начале XIX в. не ограничивалась одной только отраслью хлопководства, как это наблюдалось в позднейший период «хлопковой горячки», а распространялась на все области земледелия. Даже больше — к моменту русского завоевания Зеравшанской долины бунак был распространен здесь и в области ремесленной промышленности, о чем имеется прямое свидетельство одного из современников.

«Неизвестно, вследствие чего, — пишет Гребенкин, — в Средней Азии ввелось в обычай, что работники ткачи, гончары, кузнецы, свечники и булочники иначе не нанимаются, как получив первоначально от своих нанимателей известную сумму денег — бунак. Величина бунака простирается от 4 руб. и до 40. Бунак есть собственность рабочего до тех пор, пока он остается у нанимателя. Он может расходовать его как ему угодно. Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина задельную, по уговору, плату по исполнении известного количества работы... Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак».[2] Таким образом и здесь получается положение, аналогичное описанному выше, когда ремесленник оказывается в кабале у своего хозяина, за неимением возможности возвратить полученную ссуду. «Выход» заключался или в том, что подмастерье переходил к другому хозяину, где снова получал

---

[1] Там же, стр. 89. О бунаке см. также В. Н. Оглоблин, Хлопчатобумажная промышленность в среднеазиатских владениях. Путевые записки, СПб., 1901, стр. 50—51.

[2] Сборник «Русский Туркестан», вып. 2, цит. соч., стр. 23. Разрядка моя.

бунак и, погасивши за счет его свою прежнюю ссуду,[1] менял таким образом одну кабалу на другую или бежал.[2]

Что касается кочевого или полукочевого скотоводческого населения, то здесь изъятие прибавочного продукта производилось в форме взимания закята, формально установленного в размере $^1/_{40}$ (2.5%) от поголовья или его стоимости, фактически же во много раз превышавшего эту норму.

Говоря о взимании закята при эмире Хайдере, В. Л. Вяткин в уже цитированной своей работе отмечает, что этот налог «труднее всего было собрать», вследствие будто бы того, что объект обложения здесь «трудно поддается учету» и «легко утаивается» населением. «Поэтому, — заключает автор, — иногда прибегали к жестоким мерам при его взимании».[3] Подобного рода попытки «объяснить» жестокости бухарских сборщиков, применявших меры вплоть до «военных действий, набегов и баранты (ограбления)» едва ли может быть признана удачной. Действительная причина жестоких расправ над населением заключалась в полной их безнаказанности, вследствие чего сборщики стремились собрать не только то, что было положено по закону, но и награбить как можно больше в свою пользу.

Для подтверждения сказанного достаточно было бы сослаться на слова самого эмира Хайдера, указывающего в одном из своих писем на «большие утеснения», чинившиеся сборщиками закята над населением.[4]

Наряду с указанными здесь, так сказать, основными методами эксплоатации и угнетения в Бухарском ханстве в рассматриваемый период крестьяне несли также целый ряд дополнительных феодальных повинностей, ложившихся на них чрезвычайно тяжелым бременем. К числу такого рода обязанностей относились, в частности, обязательные бесплатные работы, носившие характер барщины в пользу государства, как, например, ремонт оросительных каналов, дорог и мостов, а также постройка и ремонт крепостных стен и т. п.[5]

---

[1] Там же, стр. 24.

[2] Вопроса о судьбе беглых ремесленников автор, к сожалению, не затрагивает.

[3] Документы Вяткина, цит. изд., стр. 23.

[4] Там же, стр. 24.

[5] Документы Фитрата, цит. изд., стр. 79—80.

Многочисленные войны, которые вели бухарские ханы и, в частности, — эмир Хайдер с своими соседями, также ложились огромной тяжестью на крестьянские массы. С началом каждой войны обычно производился сбор с населения «экстраординарного» военного налога джу'л, разверстка которого происходила среди узбеков по племенам,[1] а внутри каждого рода наибольшая часть ложилась, повидимому, на наиболее слабую и беззащитную часть населения.[2]

Другой неизбежный спутник каждой войны—набор в войска—также являлся одной из тяжелых повинностей бухарского крестьянства, особенно малосостоятельной его части, не имевшей возможности откупаться, как это нередко делалось здесь богатыми.[3]

Документы первой четверти XIX в. показывают, что население Бухары поставляло войска двоякого рода: нукеров и кара-чирик.[4] Сведения о вербовке нукеров и условиях их службы довольно скудны. Нукерами вообще в среднеазиатских ханствах назывались военные слуги феодалов (ханов, их сановников, местных правителей и т. д.), постоянно числившихся на службе у своего господина и получавших за это определенное вознаграждение натурой и деньгами.[5] Контингент этого рода войск был довольно ограничен, однако обременительность нукерской повинности заключалась главным образом в том, что служба данного рода продолжалась неопределенно-длительный срок.

Гораздо более многочисленной была другая группа войск — кара-чирик (ополчение), набиравшаяся обычно только в военное время и нередко поглощавшая собою почти все взрослое население района или племени. Лошадь для поступающего в войска кара-чирик не являлась обязательной, так же как и оружие, хотя иногда требовалось и то и другое. Кара-чирик[6]

---

[1] Там же, стр. 79.

[2] Ср. Документы Вяткина, цит. изд., стр. 23.

[3] Там же, стр. 16. Подробнее об этом см. ниже.

[4] Там же, стр. 15 и сл., также Документы Фитрата, цит. изд., стр. 77 и сл.

[5] Институт нукеров имел широкое распространение у монголов, завоевавших, как известно, в XIII в. Среднюю Азию и оказавших большое влияние на дальнейшее ее историческое развитие.

[6] Термин кара-чирик употреблялся в ханствах Бухарском и Хивинском; в Коканде вместо него существовал термин кылкуйрук, известный, отчасти, и в Бухаре. Ср. Гульшен-аль-мулюк Мухаммед Я'куба, цит. рукоп., л. 179б.

по существу представляло собою войско вспомогательное, предназначавшееся чаще всего для выполнения различного рода обслуживающих функций и лишь в исключительных случаях применявшееся для выполнения боевых операций. Тем не менее повинность, связанная с участием в войсках кара-чирик, являлась одной из самых обременительных, так как благодаря ей масса рабочих рук отвлекалась от непосредственно необходимых хозяйственных работ, вследствие чего приостанавливались сельскохозяйственные работы и создавалась угроза голода в ряде районов. Именно эта повинность явилась одним из главнейших поводов к тому массовому восстанию в Мианкале, о котором ниже будет итти речь.

Перечисленными здесь налогами и повинностями не исчерпывается, однако, список обязанностей, лежавших на основной массе бухарского населения. В источниках встречается упоминание о целом ряде других повинностей, характер и точное значение которых пока является не вполне выясненным. К числу такого рода налогов и повинностей относятся: ясак, обозначавший вообще, как известно, подать, дань,[1] салык, трактуемый Вяткиным как «поимущественно-подоходный налог,[2] руз-мерре, повидимому, деньги, взимавшиеся с ремесленников,[3] тарике (ترکه) налог с наследства,[4] яргу (یرغو), повидимому, какие-то штрафные сборы,[5] никаханэ—брачный налог и бадж-и-базар—

---

[1] Мухаммед Я'куб упоминает ясак, повидимому, троякого рода: حمله یاساق و باساق قراولی و یاساق ارباب صنایع (Рисале, л. 5б). В хивинской истории Муниса-Агехи также упоминается о ясаке, собиравшемся в 1843 г. хивинцами с мервских туркмен (см. рукоп. Инст. востоковед. Акад. Наук Е 6, л. 411б).

[2] Документы Вяткина, стр. 23. Салык существовал также в Шахрисябзе, где он также обозначал подушную подать. Зап. Русск. геогр. общ., т. VI по отд. этн., 1880, стр. 230.

[3] В тексте پل روزمرهٔ اهل کسبه. Выражение руз-мерре встречается также в некоторых документах недавно открытого мною архива хивинских ханов XIX в., где оно употребляется, однако, в обычном своем значении, т. е. в смысле «ежедневное пропитание» и т. д. (см. словарь Zenker'a). В. В. Радлов (цит. соч., стр. 96), говоря о сборах с ремесленников в долине Зеравшана в 1868 г., утверждает, что с них брали закят, не упоминая о каких-либо других налогах.

[4] Тарике (или тариканэ) существовал также в Кокандском ханстве в последний период его существования. Туркест. Ведом., 1876, № 17.

[5] Яргу собств. «суд», «судебное решение». Отсюда jarɣɥь — судья у казахов (см. Гродеков, цит. соч., стр. 25). Однако в данном случае

базарная пошлина. Кроме того, упоминается تو شمال (тушумаль),[1] طرحی[2] и خرج, значения которых выяснить пока не удается.

Мухаммед Я'куб, сообщающий нам данный список налогов, утверждает, что большинство этих сборов были отменены Шах-Мурадом в начале его царствования, как несоответствующие постановлениям шариата.[3] «Отмена» эта являлась, повидимому, лишь формальной, фиктивной, так как и ясак и салык продолжали существовать и при эмире Хайдере.[4]

речь идет несомненно о каких-то сборах, так как яргу указывается наряду с ясаком. Агехи рассказывает, что в царствование хивинского хана Рахим-Кули (1842—1845) произошло возмущение туркменского племени сакар, переселенного перед тем из окрестностей Чарджуя на хивинскую территорию. В наказание за проявленное непослушание хан приказал взыскать с племени сакар десять тысяч золотых тиллей яргу, что и было исполнено посланным ясаулом «со всевозможной жестокостью». Цит. рукоп. Е 6, л. 418а. Таким образом термином яргу обозначалось насильственное взыскание штрафа, реквизиция.

[1] Термин тушумаль встречается также в грамоте, выданной Омар Шейхом (отцом Бабура) одному из ферганских жителей в 1469 г. Проф. Мелиоранский (ЗВО, т. XVI, стр. 010) отмечает, что «этимология, происхождение и значение этого слова неясны». Повидимому от того же корня происходит слово тушук, употребляющееся в одном из уйгурских документов периода XII—XIV вв. для обозначения какой-то подати (наряду с калан'ом). См. W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, изд. С. Е. Малова, Л., 1928, стр. 30, 32.

[2] Относительно термина طرح (тарх) см. В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене Анийской мечети, СПб, 1911, стр, 40—41.

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 163 об., Рисале, л. 5б.

[4] Ср. документы Вяткина, цит. место, также Гульшен-аль-мулюк, л. 179б. К числу осуждаемых с точки зрения шариата налогов относился также и упоминавшийся выше военный налог — джу'л, на отмену которого Шах-Мурад, однако, не решился (Рисале, л. 5б). Приводимый здесь Мухаммедом Я'кубом список налогов далеко неполон, так как номенклатура налогов, собиравшихся с населения Бухары в более позднее время, значительно обширнее, чем приведенная выше. Ср. Зап. Русск. геогр. общ., т. IV по отд. стат., т. IV, 1874, стр. 348 и сл.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ

Чтобы закончить вводную часть нашей работы, нам необходимо еще остановиться хотя бы вкратце на наших источниках, тем более, что некоторые из них представляют собою рукописи, никем еще не описанные, а потому почти никому неизвестные.

Основными источниками для освещения событий 1821—1825 гг. для нас послужили два сочинения Мухаммед Я'куба Бухарского, одного из 12 сыновей уже упоминавшегося выше второго представителя мангытской династии Даньял-аталыка. Одно из этих сочинений, отчасти уже цитировавшееся выше, носит название «Гульшен-аль-мулюк» (Цветник царей), а другое называется самим автором просто Рисале (Трактат).

До настоящего времени в специальной литературе было принято считать, что «Гульшен-аль-мулюк» представлен единственной рукописью (unicum), хранящейся в Гос. Публичной Библиотеке УзССР в Ташкенте и описанной в конце 80-х гг. прошлого столетия Е. Калем.[1] Однако летом прошлого (1935) года мне удалось обнаружить в Институте востоковедения Академии Наук другой, никем еще не упоминавшийся список того же сочинения, представленного здесь в несколько иной редакции.[2] Хотя редакция ленинградской рукописи является сокращенной по сравнению с ташкентской, однако сокращение произведено целиком за счет первой части (период до мангытов), носящей компилятивный характер и не представляющей, поэтому, особой ценности.

---

[1] Е. Каль. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки, Ташкент, 1889, стр. 2—4, ср. также В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан (август — декабрь 1920 г.), Изв. Росс. Акад. Наук, 1921, стр. 193—194, ср. также Изв. Росс. Акад. Наук, 1919, стр. 930.

[2] В. В. Бартольд, которому мы, повидимому, обязаны доставкой настоящей рукописи в Академию Наук (1904), ни разу нигде о ней не упоминает в своих работах.

Что касается основной своей части, относящейся к описанию событий, современных автору (конец XVIII и первая треть XIX в.), то обе рукописи — ташкентская и ленинградская — представляются приблизительно одинаковыми по объему, хотя редакции их различны. В ленинградской рукописи содержится некоторое число подробностей, не представленных в ташкентском списке и, отчасти, наоборот. Во всяком случае обе рукописи содержат две различные взаимно пополняющие одна другую редакции одного и того же труда, не всегда между собою согласные, а потому в одинаковой степени важные для изучения интересующих нас событий. Некоторые из вариантов обеих редакций будут приведены ниже при изложении фактической стороны восстания.

Из отдельных мест сочинения видно, что автор являлся не только современником описываемых им событий, но участвовал во многих из них лично,[1] вследствие чего свидетельство его приобретает для нас особую ценность.

Составление своего труда Мухаммед Я'куб закончил в начале 30-х гг. XIX в.[2]

Другое сочинение того же автора — Рисале — не имеет первой, вводной части, посвященной истории Бухары до мангытов. Рисале начинается с изложения родословной мангытской династии и обстоятельств, предшествовавших воцарению ее в 1747 г.

Несмотря на иной план расположения материала и меньший объем сочинения, автор, говоря об интересующих нас событиях первой четверти XIX в., во многом повторяет сказанное им в Гульшен-аль-мулюк, давая иногда существенные дополнения, а иногда даже излагая события в иной последовательности. Таким образом Рисале является в известной своей части **третьим вариантом** сочинения Мухаммед Я'куба о событиях 1821—1825 гг., что, наряду с положительной стороной, имеет также отрицательную, в значительной мере затрудняя задачу установления подлинного порядка событий и их действительной причинно-следственной связи.

---

[1] Ср. например, ташкентскую рукоп. Гульшен-аль-мулюк, л. 150б, где ав ор ведет рассказ в первом лице. В Ташкентской !библиотеке мне удалось познакомиться еще с одним списком Гульшен-аль-мулюк, весьма поздним и ничем не отличающимся от того, который описан Калем.

[2] В ташкентской рукописи (л. 159б) встречается фраза: «до настоящего 1243 года», из которой можно было бы заключить, что Гульшен-аль-Мулюк написан в 1243/1827 г. Однако дальше (л. 164б) говорится о событиях 1246/1830 г.

Сопоставление данных Мухаммед Я'куба с другими современными ему авторами, например, с хивинскими или ферганскими историками, в той части, где последние говорят об одних и тех же событиях (например, хивинские набеги на Бухару), показывает, что сведения нашего автора отличаются значительной точностью и достаточно объективны. Таким образом, с фактической стороны оба сочинения Мухаммед Я'куба заслуживают известного доверия, хотя и страдают многими неясностями в силу чрезмерного схематизма изложения, особенно в непосредственно интересующей нас части рассказа.

Написаны сочинения Мухаммед Я'куба довольно простым таджикским, понятным каждому грамотному таджику, языком, без излишних арабизмов и вычурных выражений.

Другим современником, оставившим нам некоторые записи о китай-кипчакском восстании, является кокандский историк Мухаммед Хаким-хан-тӧре, сын известного кокандского шейх-уль-ислама Ма'сум-хана. Подобно Мухаммед Я'кубу, автор лично наблюдал некоторые из описываемых им событий в период царствования Омар-хана Кокандского (1809—1822). Изгнанный из Коканда с вступлением на престол Мадали-хана (1822—1843), автор совершил путешествие через Россию в Мекку, откуда возвратился затем в Бухару и Шахрисябз и там в 40-х гг. XIX в. написал свое сочинение.

Труд Мухаммед-Хакима, носящий название «Мунтахаб-ат-таварих» (Избранные истории), дошел до нас как в своем персидско-таджикском подлиннике, так и в среднеазиатско-тюркском (чагатайском) переводе, который отчасти справедливо было бы назвать версией.[1]

Сопоставление имеющейся в Институте востоковедения Академии Наук персидской рукописи Мунтахаб-ат-таварих[2]

---

[1] Описание некоторых рукописей чагатайского перевода Мунтахаб-ат-таварих см. Е. Каль, цит. соч., стр. 60—65, также Collections scientifiques etc., VIII, St. Pétersbourg, 1897, p. 150—155, также В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. I—II. Персидско-таджикский оригинал сочинения Мухаммед-Хакима до сих пор никем не описывался, хотя рукописи его имеются и в Ленинграде и в Ташкенте. Каль знал о существовании персидского подлинника, только по слухам.

[2] Рукопись С 470 содержит всего 688 л. Переписана в джемади I 1259 г. х. (июнь 1843 г.) кары Эмин-джаном, в городе Шахрисябзе. Листы 689а—707б нашей рукописи содержат дополнения неизвестного автора,

с чагатайским переводом того же сочинения показывает, что мы имеем дело с некоторого рода двумя вариантами одного и того же сочинения, в ряде мест не вполне совпадающими между собою,[1] а поэтому требующими особо внимательного критического отношения, в частности, и по вопросу о событиях 1821—1825 гг.

Заслуживает внимания с нашей точки зрения также труд Мухаммед мир Алима Бухарского, носящий название «История эмира Насруллы» и написанный (на персидском языке), повидимому, в 30-х гг. XIX столетия.[2] Во время правления Насруллы автор состоял на службе правителя Хузара (Гузара), по поручению которого он и составил свое сочинение, начав его с описания событий второй половины XVIII в. и закончив первыми годами правления Насруллы.

В сочинении имеется отдельная глава «о возмущении беспутных китаев и кипчаков» (лл. 68а—88а), где наряду с интере-

---

заканчивающего свой рассказ описанием взятия кипчаками Коканда 9 ша'бана 1260 — 25 августа 1844 г. В Гос. Публ. Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется вторая рукопись Мунтахаб-ат-таварих (перс. ориг.), более новая, чем наша (переписана в 1294/1877 г.). Рассказ об интересующих нас событиях начинается по этой рукописи с л. 239а и сл.

[1] Не имея возможности входить здесь в детальное рассмотрение вопросов источниковедческого характера, ограничимся лишь отдельными краткими замечаниями по этому вопросу. Заметные расхождения наблюдаются, например, в рассказе о происхождении династии мингов в Фергане (ср. рукоп. С 470, л. 338а и сл. и рукоп. Д 90, л. 244а и сл.). В рассказе о походе на Бухару Эльтузер-хана Хивинского дата (1222 г. х.), встречается только в рукоп. С 470 (л. 219б), в переводе она опущена. Варианты рассказа о путешествии посольства Мадали-хана в Бухару настолько различны, что примирение их является невозможным (ср. рукоп. С 470, лл. 527б, 597а и рукоп. Д 90, лл. 175а, 346б). Повидимому переводчик труда Мухаммед-Хакима в отдельных случаях допускал значительные отступления от оригинала, дополняя и переделывая текст по своему усмотрению. К числу резко выделяющихся вставок со стороны переводчика следует отнести, например, изложение причин похода Алим-хана на Ташкент в 1809 г. В персидском подлиннике этот поход назван «беспричинным» (ср. рукоп. С 470, л. 393б и рукоп. Д 90, л. 162б).

[2] Упоминание об этом сочинении, без имени автора и каких бы то ни было данных о его содержании, встречается у Дорна, в его «Die Sammlung der morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche öffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von H-rn. Chanykov erworben hat. Von B. Dorn. St. Petersburg, 1865, № 81. Под № 82 у Дорна указан второй список того же сочинения, более новый, оказавшийся без разночтений.

сующими нас фактами автор описывает также события, не имеющие непосредственного отношения к нашей теме. Язык сочинения мир Алима необычайно витиеват и цветист, изложение отличается большой многословностью и множеством риторических украшений. Наряду с фактами, известными нам и из других источников, мир Алим дает также некоторые новые детали, отчасти дополняющие и подтверждающие рассказы других современников.

Труд мир Алима, так же как и большинство других среднеазиатских авторов XVIII—XIX вв., остается в нашей востоковедной литературе пока не использованным.[1]

К числу авторов, касающихся интересующих нас событий, относится также мирза Шемс Бухарский, написавший свои мемуары в Оренбурге в 1860 г. по просьбе проф. В. В. Григорьева.

В. В. Григорьев издал текст сочинения мирзы Шемса и дал его русский перевод с довольно обильными примечаниями, в большинстве не относящимися, впрочем, к занимающим нас фактам.[2]

Записки мирзы Шемса носят характер личных воспоминаний по поводу наблюдавшихся им событий первой трети XIX в., записанных, однако, спустя лишь традцать с лишним лет.

Несмотря па ряд интересных и важных подробностей, сообщаемых мирзой Шемсом по интересующему нас вопросу, крупным недостатком его сочинения является обилие анахронизмов и значительная бессвязность изложения, часто подрывающие доверие к рассказу автора. Таким образом хотя «Записки» мирзы Шемса и являются одним из необходимых и ценных источников, однако, они нуждаются в значительных дополнениях и коррективах на основании свидетельств других современников.

Совершенно своеобразный интерес представляет для наших целей «История эмира Хайдера» (Тарих-и-эмир Хайдер), составленная Ибадуллою и Мухаммед Шерифом. С единственной, еще

[1] Единственная небольшая цитата из данного труда приводится проф. В. А. Жуковским в его сочинении «Развалины Старого Мерва», СПб., 1894, стр. 89 (события второй половины XVIII в.).

[2] О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым. Ученые Записки И. Казанск. унив., 1861, кн. I, также отдельн. оттиск. Некоторые из воспоминаний мирзы Шемса изданы также Я. Ханыковым в Трудах Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. VIII (1864), стр. 337 и сл.

никем не описанной, рукописью этого сочинения мне удалось ознакомиться, благодаря любезному содействию проф. А. Э. Шмидта, во время моей поездки в Ташкент в конце 1935 г.[1]

Время составления «Истории эмира Хайдера» неизвестно.

В конце своего труда авторы сообщают, что вторую часть (дефтер) своего сочинения они намерены посвятить истории царствования эмира Насруллы (1827—1860),[2] из чего можно заключить, что данное сочинение писалось, повидимому, или во время царствования названного эмира, или даже при его преемнике.

В одном из специальных среднеазиатских органов[3] встречается, между прочим, упоминание о «подробной истории Шах-Мурада и Хайдера, по имени «Мултакыт-ат-таварих», составленной при эмире Хайдере двумя лицами: Мухаммед Шерифом и Ибадуллой». Список указанного сочинения принадлежал в 1915 г. некоему Мухаммед-ходже, жителю города Бухары.

Сопоставление приведенных здесь данных о сочинении «Мултакыт-ат-таварих» с тем, что известно нам о ташкентской рукописи «Истории эмира Хайдера», показывает, что речь идет об одном и том же сочинении, упоминающемся лишь под двумя различными названиями.

Является ли ташкентская рукопись тем самым списком, который принадлежал в 1915 г. Мухаммед-ходже, или она представляет другой список, выяснить не удается. Что касается утверждения о том, что рассматриваемый труд был составлен при эмире Хайдере, то оно основано, повидимому, на каком-то недоразумении, так как приведенные выше слова ташкентской рукописи показывают, что сочинение было составлено во всяком случае не ранее, чем на бухарский престол вступил эмир Насрулла.

Сочинение Ибадуллы и Мухаммед-Шерифа делится авторами на дастаны — рассказы — числом 81. Изложение событий начинается с правления Субхан-Кули-хана Бухарского (1680—1702). Второй дастан посвящается истории Надир-шаха. Закан-

---

[1] Рукопись Ташкентской Гос. Публичной библиотеки УзССР, инвентарн. № 183б, без пагинации, на таджикском языке.

[2] Эту же мысль авторы выражают и в тексте своего сочинения (стр. 29).

[3] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любит. археол., год XX, Ташкент, 1915, стр. 119, примеч.

чивается труд сообщением о последниях днях и смерти эмира Хайдера в раби 1 1242 г. х. (октябрь 1826 г.).

Сведения о восстании китай-кипчаков содержатся в последней части сочинения, именно в дастанах 70, 71, 72, 73, 77, 78 и 79.[1] Почти каждый из своих рассказов авторы начинают словами: рави гуяд — «рассказчик говорит», что должно, как будто, указывать на заимствованный характер сведений. В одном месте своего сочинения авторы прямо ссылаются на слова «некоторых жителей Самарканда». Характер сообщаемых сведений заставляет полагать, что они в значительной своей части исходят от непосредственных участников и очевидцев событий, чем только и можно объяснить наличие целого ряда подробностей и имен, прослеживаемых отчасти и по другим источникам.

Помимо наличия некоторых элементов фантастики, как, например, рассказ об участии небесных сил в поражении китай-кипчаков под Самаркандом,[2] к числу недостатков труда Ибадуллы и Мухаммед-Шерифа следует отнести также полное отсутствие хронологических данных и пристрастие авторов к отдельным мелким эпизодам в ущерб освещению основных событий.

В противоположность сухому изложению фактов и событий, какое мы встречаем у всех предыдущих историков, Ибадулла и Мухаммед Шериф стремятся придать своему повествованию форму живого занимательного рассказа, и с этой точки зрения их труд приближается скорее к определенному литературному жанру иранских дастанов, чем исторических хроник.[3]

Не лишено для нас некоторого интереса также сочинение ферганского историка Аваз Мухаммеда, под названием Джехан-нама, написанное в 1284-1868 г.[4] Джехан-нама представляет

---

[1] По моей просьбе, научный сотрудник Ташкентской библиотеки, Ибадулла Адилов, переписал для меня текст всех перечисленных глав. Все дальнейшие ссылки на данную рукопись делаются мною по списку И. Адилова, переданному мною в настоящее время в Институт востоковедения Академии Наук.

[2] История эмира Хайдера, цит. рук., стр. 14.

[3] В связи с невозможностью целиком использовать в нашем исследовании значительное число сообщаемых авторами интересных черт и деталей бытового и общего культурно-исторического характера, мы даем полный перевод их рассказов в виде особого приложения к настоящей работе.

[4] О рукописях этого труда см. В. П. Наливкин, цит. соч., стр. I, а также Записки Вост. отд. Русск. арх. общ., т. XV, стр. 272. Имеющаяся

собою труд по всемирной истории, понимаемой в обычных рамках средневековой мусульманской историографии. Лишь в последних заключительных главах автор сообщает ряд подробностей по истории Коканда и Бухары и в том числе некоторые сведения о китай-кипчакском восстании, впрочем заимствуя частично свои сведения из «Мунтахаб-ат-таварих» Мухаммед Хакима. Как бы ни были скудны собственные сведения Аваз Мухаммеда о событиях 1821—1825 гг., рассказ его любопытен с точки зрения характеристики того необычайного интереса, какой проявлялся среднеазиатскими историками к восстанию китай-кипчаков.[1]

Чтобы заключить нашу краткую характеристику источников, следует добавить, что в нашем распоряжении имеются только материалы, исходящие из враждебного восставшим лагеря, и нет ничего, что характеризовало бы отношение к данным событиям со стороны самих участников восстания. При таких условиях понятно, что наши источники изображают не столько историю восстания, сколько историю его подавления бухарскими феодалами, вследствие чего многие важные для нас моменты внутренней жизни восставшего района остаются совершенно не освещенными. В связи с этим понятно также, что наши историки не могут останавливаться с одинаковым вниманием на всех известных им фактах, а берут главным образом те из них, которые рисуют с наиболее благоприятной, по их мнению, стороны действия эмира и его приближенных.

Сказанного вполне достаточно, чтобы судить о трудностях, с какими связано изучение интересующего нас вопроса о мианкальском восстании 1821—1825 гг. Фрагментарный характер необычайно скудного противоречивого и дефектного рукописного материала, разбросанного к тому же между Ленинградом и Ташкентом и еще никем не исследованного, ставит перед нами ряд вопросов текстологического и источниковедческого характера, разрешение которых в том или ином виде является необ-

---

в Институте востоковедения Академии Наук рукопись данного сочинения представляет собою автограф автора.

[1] Аваз Мухаммед является автором также другого исторического труда, носящего название «Тухфет-ат-таварих-и-хани». Сочинение посвящено истории Ферганы со времени Бабура до убийства Малля-хана в ша'бане 1278 (феврале 1862 г.). О китай-кипчакском восстании в данном сочинении говорится мало.

ходимым предварительным условием для уяснения истории самого восстания, его социальной базы и движущих сил.

Что касается русской и западноевропейской литературы по интересующему нас вопросу, то она ограничивается одним из указанных выше примечаний В. В. Григорьева, где о восстании приведено всего лишь несколько малозначительных строк.[1]

Глухое упоминание о китай-кипчакском восстании встречается в цитировавшейся выше статье А. Д. Гребенкина, составленной в конце 60-х или начале 70-х гг. XIX в.[2] Сведения современной узбекской исторической литературы по данному вопросу сводятся также буквально к нескольким малозаметным строкам.[3]

---

[1] Записки мирзы Шемса Бухари, стр. 73 (отд. изд.).

[2] Сборн. «Русский Туркестан», цит. соч., стр. 55.

[3] См. Polat Səlijif. Ɵzbekistan tarьxь. XV—XIX əsrlər, Самарканд—Ташкент, 1929, стр. 93.

ВОССТАНИЕ 1821—1825 гг.

Из всего, что говорилось выше по поводу внутренних противоречий в Бухаре в первой четверти XIX в., можно заключить, насколько тяжелым бременем ложилось на трудящиеся массы классовое господство местной военно-феодальной правящей клики, поддерживавшей свою власть путем постоянного насилия и делавшей лишь иногда слабые попытки к расширению производственной базы земледелия, как это отчасти наблюдалось, например, в отношении оросительных работ. Попытки эти, как указывалось выше, являлись совершенно недостаточными для сколько-нибудь заметного улучшения условий экономической жизни страны. Крестьянство, доведенное до крайней степени разорения непомерными налогами, пыталось протестовать против творившихся над ним насилий и вызывало правящие круги на новые репрессии, создававшие еще большую напряженность, как это наблюдалось, например, уже в начале царствования эмира Хайдера в Каршинском вилайете.[1] С другой стороны, противоречия, наблюдавшиеся внутри самого правящего класса феодалов, были настолько значительны, что еще больше осложняли внутреннюю обстановку. Феодальная знать насильственно присоединенных к Бухаре областей Ходжента, Джизака, Гиссара, Ура-тюбе и других не могла примириться скоро с утратой своей независимости, позволявшей ей эксплоатировать в свою пользу «своих» когда-то крестьян и ремесленников, и пыталась поэтому вооруженной силой восстановить свое положение, не довольствуясь скромными подачками эмира.

К этому же должно было присоединиться недовольство со стороны ряда прежних сановников, вынужденных уступить свои доходные места мангытской знати, усиленно покровительствовавшейся эмиром и забиравшей все в свои руки. К числу такого рода выступлений, повидимому, следует отнести восстание

---

[1] Ср. Документы Вяткина, стр. 23—24.

в 1800 г. Катта-курганского правителя Мухаммед Эмин-ходжи-накыба, вынужденного бежать затем от эмира в Шахрисябз.[1]

С третьей стороны, наконец, внешнее окружение было также для Бухары неблагоприятным, вследствие чего страна постоянно подвергалась нападениям со стороны своих соседей, особенно, как это уже отмечалось выше, Хивы.[2]

Восстания в разных районах ханства происходили уже в первом году правления эмира Хайдера. Причины их источниками, по обыкновению, не указываются, хотя не подлежит, конечно, сомнению, что они крылись в общих, уже отмечавшихся выше, условиях. Мухаммед Я'куб, между прочим, отмечает, что в 1215/1800 г. восстали в Мерве туркмены,[3] доведенные, повидимому, до крайности бухарскими сборщиками закята.

В следующем 1216/1801 г. происходит восстание туркменского населения в районе Аму-дарьи (Керки, Кызыл-аяк), вызвавшее за собою упорную борьбу с высланными эмирскими войсками, хотя и закончившееся затем поражением восставших.[4]

Уже отмечавшееся выше восстание Ходжи-Накыба было связано, повидимому, с вовлечением в него широких крестьянских масс, так как при описании взятия бухарскими войсками небольшой крепости Пейшамбе говорится об убийстве эмиром 500 человек, боровшихся на стороне Накыба.[5]

Из рассказа о тех же событиях видно, что территория китай-кипчаков — Мианкаль — уже в первом десятилетии XIX в. являлась ареной борьбы между эмиром и различными феодалами,[6] что, разумеется, не могло не отразиться на разорении

---

[1] Гульшен-аль-мулюк Мухаммед Я'куба, рукопись Инст. востоковед. Акад. Наук С 1141, л. 170б, также Документы Вяткина, цит. изд., стр. 10—11. О накыбе см. также мирза Шемс, цит. соч., стр. 28—29 и прим. Григорьева, стр. 80—81.

[2] Наиболее подробные данные о хивинско-бухарских отношениях в первой четверти XIX в. изложены в труде хивинских историков Муниса и Агехи. См. соч. «Фирдаусу-ль-икбаль», рукопись Инст. востоковед. Акад. Наук С 571, л. 222б и сл., а также мой перевод из того же сочинения и примечания во II томе «Материалов по истории Туркмении» (в печати). Значительное число данных о бухарско-хивинских отношениях встречается также у Мухаммед Я'куба в цитированном его сочинении.

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 170б.

[4] Документы Фитрата, стр. 74—76.

[5] Гульшен-аль-мулюк, л. 171а.

[6] На стороне Накыба участвовал также бек Шахрисябза.

массы местного населения, выносившей на своих плечах, помимо общих налогов и сборов, еще различные военные повинности.

Не останавливаясь далее на описании подобного же рода фактов, предшествовавших китай-кипчакскому восстанию, перейдем теперь к изложению фактической стороны непосредственно интересующих нас событий 1821—1825 гг. в той последовательности, какую позволяет здесь установить наш основной источник — Мухаммед Я'куб.

Внешним поводом[1] к восстанию 1821 г. послужило следующее обстоятельство. Для несения гарнизонной службы в Мерве бухарское правительство посылало туда регулярно по 500 человек своих войск, набиравшихся по очереди от каждого племени (фирка) мианкальских узбеков. Посланный отряд нес службу в течение трех месяцев, после чего сменялся.[2]

В описываемое время, т. е. весною 1236/1821 г.,[3] когда очередь снова дошла до китай-кипчаков, эмир приказал каттакурганскому правителю Аяз-бию[4] набрать среди этого племени 500 человек и лично направиться с ними в Мерв.

---

[1] Сабаб-и-захир — выражение самого автора. Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 176а.

[2] Там же, цит. место. Эти сведения Мухаммед Я'куба дословно подтверждаются и другими современными ему данными. См. Азиатск. Вестн., 1825, кн. 4, стр. 240, где сказано следующее; «Мерв — укрепленный город, в нем два градоначальника и до 1000 человек гарнизона, коего половина через каждые три месяца сменяется из Бухарии». Вторая половина мервского гарнизона состояла, повидимому, из каршинских узбеков, об отправке которых сюда иногда упоминают Документы Вяткина (цит. соч., стр. 17).

[3] Дата устанавливается на основании не только Мухаммед Я'куба (Гульшен-аль-мулюк, л. 177а), но также Мухаммед-Хакима (Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 472 б, рукоп. Д 90, л. 172б) и Аваз Мухаммеда (Джехан-нама, рукоп. С 439, л. 753а). Мирза Шемс начало этого события ошибочно связывает с периодом правления Эльтузер-хана Хивинского (ум. в 1806 г.) и Алим-хана Кокандского (ум. в 1809 г.). См. Записки, стр. 11 (текст) и стр. 9 (перев.). В. В. Григорьев, руководствуясь современными расспросными сведениями, правильно относит начало события к 1821 г., указывая, однако, осень (цит. соч., стр. 73), что противоречит цитированному месту сочинения Мухаммед-Хакима, из описания которого видно, что событие произошло весной, именно в марте.

[4] Аяз, в чине токсаба, упоминается в списке должностных лиц при эмире Хайдере, в качестве правителя Катта-кургана. Азиатск. Вестн., 1825, кн. 5, стр. 377.

Выше на основании документов начала XIX в. мы уже отмечали, что в Бухаре в рассматриваемое время иногда наблюдались случаи откупа от военной службы. Об этом же сообщает и Мухаммед Я'куб, указывая, что среди китай-кипчаков существовал обычай откупаться от воинской повинности и посылать вместо себя за плату других людей.[1] Разумеется, это могли делать только богатые.

На этот раз, однако, правитель распорядился, чтобы все богатые (давлетманд) и почтенные (баабру) китай-кипчаки участвовали в походе лично и отказался принять предлагавшиеся ими деньги.[2] Автор далее добавляет, что это обстоятельство вызвало сильное недовольство среди китай-кипчаков.

Если бы дело ограничивалось одним только этим поводом, можно было бы допустить, что недовольны были только богатые, интересы которых в данном случае были главным образом ущемлены правителем. Однако дело заключалось не только в запрете откупаться от военной службы. Повидимому, это являлось только одной из причин возникновения недовольства и притом не главной. Об этом можно судить по словам самого же Мухаммед Я'куба, который отмечает, что катта-курганский правитель Аяз-бий совершал безграничное (би хад) число насилий над подчиненным ему населением,[3] в состав которого в рассматриваемое время входили китай-кипчаки.

Некоторое представление о характере совершавшихся насилий дает «История эмира Хайдера», авторы которой рассказывают следующее. Отправляясь в Мерв, Аяз-бий[4] приказал своему помощнику Мирза-хану собрать с населения хараджж.[5] Стремясь, очевидно, собрать не только все, что было положено,

---

[1] Автор добавляет, что за каждого человека богачи предлагали правителю по 30 тилля.

[2] Гульшен-аль-мулюк, л. 176а, ташкентская рукопись, л. 147а (условия откупа здесь изображаются иначе). В другом своем сочинении (Рисале, л. 15а) Мухаммед Я'куб сообщает, что с некоторых жителей Аяз-бий взял деньги, а других увел с собой в Мерв.

[3] Рисале, цит. рукоп., л. 15а, также ташкентская рукопись Гульшен-аль-мулюк, л. 147б.

[4] В тексте (цит. рукоп., стр. 3) ошибочно написано Нияз-бий.

[5] В данном случае харадж является, повидимому, только официальным книжным выражением, под которым в действительности следует разуметь совокупность разного рода налогов и сборов, о которых говорилось в одной из предыдущих глав.

но и награбить как можно больше для себя, Мирза-хан не останавливался ни перед какими средствами.

Всех, кто не вносил харадж сразу, правитель приказывал подвергать истязаниям. Этих несчастных связывали, били, подвергали всевозможным мучениям, не останавливаясь перед самыми изощренными пытками.[1] К скрывавшимся правитель являлся на дом и забирал там все, что попадалось.[2] Жестокость Мирза-хана являлась, повидимому, несколько необычной даже с официальной бухарской точки зрения, так как авторы «Истории эмира Хайдера» относятся к ней с осуждением.

Такого же рода жестокости совершались над китай-кипчаками и в Янги-курганском районе, где правителем в это время состоял некто Шукур-бек, племянник (по другим данным — зять) самаркандского наместника Давлета-кушбеги.[3]

Слухи о постоянных насилиях, творившихся со стороны Шукур-бека, доходили до покровителя его Давлета-кушбеги. Тот уже несколько раз был вынужден предостерегать своего племянника от излишних жестокостей, однако безрезультатно.[4]

Вскоре среди китай-кипчаков началось заметное брожение, охватывавшее все более широкие массы. Мухаммед Я'куб в одном из своих сочинений говорит о недовольстве среди **большинства народа**,[5] а Мухаммед-Хаким утверждает, что недовольство проявляли **все** китай-кипчаки.[6]

Власть эмира колебалась. В Мерве происходило новое восстание туркмен,[7] хивинцы угрожали своими набегами самому центру Бухарского ханства. Главный оплот эмира в районе китай-кипчаков — город Катта-курган, остался после ухода Аяз-бия без гаранизона.

---

[1] Цит. рукоп., стр. 3. В тексте стоит بسته زده خسته آو یخته میکرت букв. «связывал», «бил», «мучил», «подвешивал».

[2] Там же, цит. место.

[3] Давлет-бий, носивший звание кушбеги, происходил из мангытской знати. Правил Самаркандским вилайетом с первого года царствования эмира Хайдера. См. Документы Вяткина, стр. 9, 10.

[4] История Эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 3.

[5] Рисале, л. 15а. В Гульшен-ал-мулюк (л. 176б) автор говорит, что разговоры о восстании велись между старшими (калян) китай-кипчаков, не указывая, однако, определенных лиц.

[6] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. Инст. востоковед. Акад. Наук Д 90, л. 172б.

[7] Гульшен-аль-мулюк, л. 160а.

Повидимому, учитывая все эти обстоятельства, доведенные до последней крайности китай-кипчаки решили поднять восстание. Явившись к своим предводителям (сердар) Ма'мур-бию и Адина-кулу, народ стал жаловаться на притеснения со стороны бухарских правителей и угрожал им расправой. Оба китай-кипчакских предводителя, не проявляя какой-либо инициативы с своей стороны, присоединились к восставшим.[1]

Был изобран определенный день, на который назначалось всеобщее восстание, после чего китай-кипчаки скрепили свое решение взаимной присягой и разошлись.[2]

Дальнейшие события развертываются следующим образом.

Правитель Самарканда, Давлет-кушбеги, узнав о брожении среди мианкальского населения, прибыл с небольшой свитой в Янги-курган, чтобы предупредить Шукур-бека о назревающих событиях.[3]

Избрав удобный момент, восставшие ночью неожиданно напали на крепость, схватили Давлета-кушбеги вместе со всеми его родственниками и приближенными и захватили их имущество.[4]

Иная версия относительно начала восстания содержится в «Истории эмира Хайдера», согласно которой восставшими был убит Мирза-хан, а Шукур-бек был отправлен в Самарканд к Давлету-кушбеги.[5] Сообщение это, однако, не может быть принято, так как оно противоречит дальнейшему ходу событий, излагаемых не только Мухаммед Я'кубом, но и совершенно не зависящим от него Мухаммед-Хакимом, как это будет видно из последующего изложения.

В эту же ночь восставшие захватывают крепость Чилек, а на следующий день в их руки переходит и Катта-курган. После этого китай-кипчаки, вместе с присоединившимися к ним кара-

---

[1] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 4.

[2] Рисале, цит. рукоп., л. 15а.

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 176б, Рисале, л. 15б.

[4] Гульшен-аль-мулюк, цит. место, Рисале, цит. место, Мунтахаб ат-таварих, рукоп. С 470, л. 473 б, рукоп. Д 90, л. 324 б, также Джехан-нама, л. 753а. Автор «Мунтахаб-ат-таварих» Мухаммед-Хаким в цитируемом месте своего сочинения говорит, что китай-кипчаки начали свое восстание совместно с каракалпаками, что в дальнейшем совпадет как с рассказом Мухаммед Я'куба, так и другого современника — мир Алима (цит. рукоп., л. 73б).

[5] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 4.

калпаками, направляются к Самарканду и осаждают его крепость.[1]

Авторы «Истории эмира Хайдера» первый эпизод восстания связывают с участием в нем брата эмира Хайдера, Хусейн-хана, прибывшего, будто бы по приглашению китай-кипчаков, в это время из Шахрисябза и принявшего, по просьбе восставших, участие в их делах.[2] Относительно Хусейн-хана (Мухаммед Хусейн-бек) из слов Абдуль-Керима Бухарского известно, что при жизни отца своего Шах-Мурада он управлял Самаркандом, а затем с вступлением на престол эмира Хайдера, в силу каких-то обстоятельств, должен был оставить Самарканд и бежать в Шахрисябз.[3] Это же утверждает мирза Шемс.[4]

Один из ферганских историков, Мухаммед-Хаким, сообщает, что из Шахрисябза Хусейн-хан явился в Коканд и одно время управлял, по поручению кокандского хана, Шахрухией, мечтая снова овладеть Самаркандом. Однако потеряв надежду на осуществление своих планов, Хусейн-хан снова ушел в Шахрисябз. В 1236/1821 г., т. е. в год восстания, Хусейн-хан находился в свите кокандского хана, о чем подробно рассказывает тот же автор.[5]

События в Мианкале не могли, разумеется, не привлечь к себе внимания Хусейн-хана, мечтавшего, как мы видели, о возвращении потерянной власти, однако участие этого авантюриста в мианкальском восстании Мухаммед-Хаким относит не к первому периоду, а ко времени несколько более позднему.[6]

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 176б, Рисале, л. 15б. Об участии каракалпаков подробнее см. ниже.

[2] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 4.

[3] Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 63, 56.

[4] Цит. соч., стр. 4, также Документы Вяткина (цит. изд., стр. 10). К сожалению, В. Л. Вяткин ошибочно смешивает этого Хусейн-хана с сыном эмира Хайдера, также носившим имя Хусейна (Хусейн-тöре), якобы смещенным своим отцом в 1215 (1800) г. с должности правителя Самарканда в связи с попыткой поднять восстание. Как будет видно из дальнейшего, назначение Хусейн-тöре и его смещение состоялось значительно позже, именно уже в период, когда происходило восстание китай-кипчаков.

[5] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, лл. 417а, 461аб. Автор приводит к а с ы д у, составленную на чагатайском языке Хусейн-ханом в честь своего покровителя Омар-хана.

[6] Там же, л. 230б. Дело происходит, повидимому, в год смерти Омар-хана (1822).

В качестве участника и очевидца событий этого периода, Мухаммед-Хаким заслуживает большего доверия, чем авторы «Истории эмира Хайдера», вследствие чего их рассказ о появлении Хусейн-хана на сцене именно в этот период следует признать сомнительным. Возможно, что здесь нашли свое отражение более поздние народные предания, в которых хронологические моменты, как известно, иногда играют подчиненную роль.

В данном случае важно отметить лишь то обстоятельство, что и авторы «Истории эмира Хайдера», и Мухаммед-Хаким сходятся между собой в определении той незначительной роли, какую сыграл Хусейн-хан в восстании. Единственное крупное мероприятие, которое Ибадулла и Мухаммед-Шериф приписывают Хусейн-хапу, — это попытку объединения отдельных узбекских племен на почве восстания против власти эмира. Явившись к китай-кипчакам, Хусейн-хан будто бы приказал послать письма к племенам найманов, джелаиров, митанов и мир-шикар,[1] приглашая их всех принять участие в восстании. Получив письма, представители указанных племен будто бы явились к Хусейн-хану и изъявили свою покорность его воле.[2] Ход дальнейших событий, однако, не подтверждает факта подобной солидарности.

Из прочих сообщений авторов «Истории эмира Хайдера» заслуживает внимания упоминание о взятии китай-кипчаками одновременно с Чилеком и Катта-курганом также крепости Лаиш,[3] впоследствии отобранной у них эмиром, как это будет указано в дальнейшем.

Что касается ферганского историка, то его сообщение об участии Хусейн-хана в восстании сводится к краткому упоминанию о том, что, прибыв из Шахрисябза к китай-кипчакам и проведя среди них несколько дней, Хусейн-хан снова ушел в Шахрисябз, так как убедился, что «дело его не выходит».[4] Впрочем и «История эмира Хайдера», ограничившись сообщением приведенного выше эпизода, не уделяет в дальнейшем личности

---

[1] О племени мир-шикар (миришкар) см. цит. выше «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 177.

[2] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 5.

[3] Там же, стр. 8. Мухаммед Я'кубом этот факт не отмечается.

[4] Там же, стр. 8. Мухаммед Я'кубом этот факт не отмечается.

Хусейн-хана особенно большого внимания, отмечая впрочем в конце своего рассказа факт ухода его в Шахрисябз.[1]

Констатируя таким образом неудачу попытки со стороны авторов «Истории эмира Хайдера» изобразить китай-кипчакское восстание, как движение феодально-династическое, возглавлявшееся якобы представителем бухарского царствующего дома, перейдем к дальнейшему изложению обстоятельств первого периода восстания, освещенного нашими источниками, к сожалению, крайне скудно.

Мирза Шемс сообщает, что, завладев Янги-курганом, восставшие поставили здесь правителем Ма'мура, из китаев, а в Чилеке — Анна (Адина)-кула, из кипчаков,[2] уже упоминавшихся выше. Оба названные предводителя упоминаются нашими источниками отчасти и в дальнейшем, хотя роль их, повидимому, не была особенно активной.

Некоторые подробности, связанные с первыми днями восстания, сообщает также Мухаммед-Хаким, принимавший в это время личное участие в бухарских походах Омар-хана.

Ферганский историк сообщает, что предводители китай-кипчаков Анна-кул и Ма'мур-бий, захватив с собой пленного Давлета-кушбеги и его приближенных, явились вместе с начальствующими лицами из китай-кипчаков и каракалпаков к кокандскому хану, осаждавшему в это время Джизак, и стали просить у него помощи против эмира.[3] Прибывшие приглашали также Омар-хана выступить против Самарканда и Бухары, предлагая ему помощь с своей стороны.

Не согласившись на активное выступление, Омар-хан назначил Анна-кула и Ма'мур-бия на должности хакимов (правителей) среди китай-кипчаков, возвел их обоих в чин парваначи и отправил обратно вместе со своим приближенным,

---

[1] Там же, стр. 28.

[2] Мирза Шемс, цит. соч., стр. 7. В Катта-кургане, по словам автора, в это время находился Аяз-бий (по транскрипции Григорьева Эйяз-бий), хотя в действительности его там, как мы знаем, уже не было.

[3] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 478б, рукоп. Д 90, л. 172б. у В. П. Наливкина (Краткая история Кокандского ханства, стр. 117) этот эпизод искажен (без ссылки на источник) до неузнаваемости.

Исхаком-диванбеги,[1] назначив последнего главным начальником в районе китай-кипчаков и каракалпаков.[2]

Относительно Исхака-диванбеги (Исхак-бек) Мухаммед Я'куб сообщает, что когда он прибыл в район китай-кипчаков, его провозгласили будто бы здесь даже эмиром (т. е. ханом).[3]

Любопытно, между прочим, отметить, что как ни случаен сам по себе факт вынужденного временными обстоятельствами обращения китай-кипчаков за помощью к Омар-хану, он был все же воспринят современниками как факт подчинения китай-кипчакского района власти кокандского хана и в этом смысле имел своего рода «международное» значение. Во всяком случае, в письме, присланном хивинским ханом Мухаммед-Рахимом в ша'бане 1236 г. х. (май 1821 г.) на имя Омар-хана, последний именуется уже повелителем «всех узбеков Мианкаля Самаркандского».[4]

Если даже допустить, что в подлинном тексте грамоты эти слова отсутствуют, то все же взгляд самих ферганцев на эти события весьма характерен.

Продержав Джизак в осаде 17 дней, Омар-хан направился в Коканд, захватив с собою привезенного к нему пленного Давлета-кушбеги. Дорогой, дойдя до Ходжента, хан приказал пленника освободить, подарил ему коня и осыпал его прочими наградами.[5]

Дальнейшую судьбу самаркандского наместника наши основные источники обходят молчанием.[6]

---

[1] Исхак-бек происходил из беков Шахрисябза, враждебных Бухаре, а потому пользовавшихся покровительством кокандских ханов.

[2] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 478б, Д 90, л. 325б, также Джехан-нама, рукоп. С 439, л. 753а.

[3] Гульшен-аль-мулюк, ташкентск. рукоп., л. 150а.

[4] Тухфет-ат-таварих-и-хани, соч. Аваз Мухаммеда, рукоп. Инст. востоковед. Акад. Наук С 440, л. 157б. Судя по характеру стиля, письмо приводится автором в подлинном тексте.

[5] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. Д 90, лл. 325б — 326а.

[6] В «Истории эмира Хайдера» о данном эпизоде, связанном с захватом Давлета-кушбеги, ничего не сообщается. По словам авторов, Давлет-кушбеги продолжал все время находиться в Самарканде, где он умер и был похоронен на кладбище Шах-и-Зинда. Похороны были совершены в присутствии сына эмира Хайдера, мир Хусейна (Хусейн-тӧре), назначенного в это время на место умершего (цит. рук., стр. 6).

Сообщение проф. Полат Салиева (Өzbekistan tarьxь, стр. 93) о том, что Давлет-кушбеги был убит восставшими китай-кипчаками, нашими источниками не подтверждается.

Сведения о происходившем восстании дошли до Бухары в то время, когда окрестностям столицы угрожали хивинцы. Совершенно растерявшись, эмир Хайдер направил в район восстания своего сына, будущего наследника Насруллу с отрядом войск, а сам остался в Бухаре. В то время когда передовой бухарский отряд прибыл в Пейшамбе,[1] китай-кипчаки были заняты осадой Самарканда, вследствие чего главный административный и укрепленный пункт района восстания, город Катта-курган, оказался почти беззащитным. Воспользовавшись этим обстоятельством, «некоторые из жителей» (фукара) позвали бухарского начальника и открыли ему городские ворота. Как уже отмечалось выше, под термином «фукара» Мухаммед Юсуф обычно разумеет оседлое городское население (главным образом таджикское) и сельское, в противоположность «илят» — «кочевники» и вообще узбеки, сохраняющие родовые деления. Таким образом следует полагать, что в данном случае под выражением «некоторые из жителей» следует разуметь представителей той части торгово-ремесленного населения города, интересы которых не были связаны с успехом восстания и даже были ему противоположны. После этого в Катта-курган прибыл эмир Насрулла. Китайский предводитель Миран-утачи[2] с несколькими своими помощниками и 40 другими китаями были убиты.[3] Заслуживает внимания также упоминание Мухаммед Я'куба о том, что часть городского населения Катта-кургана (фукара) была на стороне восставших. К числу таковых относился также «главный из местных начальников»[4] Сафар-аксакал (староста), впустивший китай-кипчаков в город. С приходом бухарцев в Катта-курган Сафар-аксакал вместе с сочувствовавшей ему частью других городских жителей (фукара) был подвергнут мучительной казни.[5]

По словам авторов «Истории эмира Хайдера» занятие бухарцами Катта-кургана сопровождалось жестокими боями с восставшими внутри городских стен. Часть китай-кипчаков сумела спастись и бежала в Янги-курган. Общее число казненных в этот

---

[1] Приблизительно в 12 км к северу от Катта-кургана.

[2] Утачи или утарчи — «бекский род» — одно из родовых подразделений китаев. Русский Туркестан, вып. II, М., 1872, стр. 100.

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 176б. В другом месте (Рисале, л. 16а) автор называет Абдулла-бека, хакима из китаев с группой его людей.

[4] История эмира Хайдера, стр. 10.

[5] Гульшен-аль-мулюк, л. 176б. Рисале, л. 16а.

день в Катта-кургане китаев достигло 700 человек. Всем им, по приказанию Насруллы, отрезали головы, а тела их бросили в ров. Расправа была настолько жестокой, что городские «жители пришли в трепет». После этого Насрулла раздал подарки аксакалам города и передал управление Катта-курганом присланному эмиром из Бухары Бурхан-бию.[1]

Из слов Мухаммед Я'куба видно, что окончательное занятие Катта-кургана бухарцами произошло, повидимому, уже в то время, когда восставшие потерпели неудачу с осадой Самарканда и разбрелись в разные стороны.

Получив сведения о занятии Катта-кургана, эмир Хайдер с артиллерией прибыл в этот город, однако обстановка в районе оказалась настолько напряженной, что эмир опасался предпринимать какие-либо активные действия и 25 дней провел в стенах крепости.[2]

Ибадулла и Мухаммед Шериф рассказывают, что китай-кипчаки в это время выступили из Янги-кургана и подвергли осаде бухарские крепости Митан[3] и Хатырчи, «вводя в соблазн» все окрестное население.[4]

Осада Митана носила, по словам тех же авторов, чрезвычайно длительный и упорный характер, благодаря энергичному сопротивлению со стороны одного из представителей местной феодально-родовой знати Абдуррахмана Митанского, ставшего во главе своего племени — митанов. Потерпев неудачу с осадой этой крепости, китай-кипчаки напали на Самарканд, в чем помогал им халифе Хасан со своими мюридами.[5]

С целью подействовать на восставших, эмир в это время, по словам Мухаммед Я'куба, дважды посылал для переговоров с ними и для увещеваний одного из наиболее, повидимому, популярных представителей духовенства, ишана халифе Хусейна, однако эта мера, как сообщает тот же автор, не только не принесла ожидаемых результатов, но даже имела обратные последствия, еще больше укрепив упорство восставших.[6]

---

[1] История эмира Хайдера, стр. 11, также сочинение мир Алима, л. 71б.

[2] Гульшен-ал-мулюк, л. 177а, Рисале, л. 16а.

[3] В 12—13 км к северо-западу от Янги-кургана.

[4] История эмира Хайдера, стр. 11.

[5] Там же, стр. 12—13. Следует читать, повидимому, Хусейн.

[6] Гульшен-аль-мулюк, л. 177а.

Об участии ишана халифе Хусейна в переговорах между эмиром и китай-кипчаками упоминает также Мухаммед-Хаким,[1] относящий, однако, это событие уже к тому моменту, когда происходило заключение мира между воюющими сторонами, т. е. через пять лет после описываемых событий.

В «Истории эмира Хайдера» о халифе Хусейне говорится как о святом подвижнике, жившем среди китай-кипчаков и принимавшем участие в их восстании,[2] что, впрочем, крайне сомнительно, в виду приведенного выше свидетельства Мухаммеда Я'куба.

Чрезмерная краткость источников не позволяет, к сожалению, остановиться на той, повидимому, довольно любопытной роли, какую играл в действительности в этот период халифе Хусейн.[3]

После того, как эмир Хайдер выступил из Катта-кургана по направлению к Самарканду, к нему в местечке Чимбай[4] присоединился правитель Ура-тюбе Мухаммед-Рахим диванбеги, носивший титул аталык-бек,[5] из юзов, с 3000 всадников и пленными кипчаками, захваченными им дорогой. Прибыв

---

[1] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. Д 90, л. 174б.

[2] История эмира Хайдера, стр. 12.

[3] В сочинении Тухфету-з-заирин, составленном в Бухаре около 1906 г. Насир-эд-дином Бухарским, между прочим (стр. 103) отмечается гробница святого халифе Хусейна, жившего при эмире Хайдера сначала в Самарканде, а затем переселившегося в Бухару. Халифе Хусейн являлся последователем одного из известных в свое время шейхов — Мухаммед Садыка. Умер Халифе Хусейн в 1249/1833 г. 83 лет от роду, похоронен в Бухаре. Других биографических данных об этом ишане мне встретить не удалось, хотя внук его, пользовавшийся, повидимому, большим почетом при дворе эмира Насруллы, несколько раз упоминается Аваз Мухаммедом. См. Джехан-нама, рукоп. С 439, л. 795а и сл. Было бы любопытно выяснить, не имеет ли отношения халифе Хусейн к той полулегендарной личности, которая под именем халифа Хасана описана у Арендаренко в его Досугах в Туркестане, стр. 154—165.

[4] Так в Рисале (л. 16а). В Гульшен-аль-мулюк (л. 177а) Чинбай.

[5] Имя сообщается автором Джехан-нама (л. 753б). Мухаммед Я'куб везде дает только титул. По словам Мухаммед Ашура Аталык-бек правил узбекскими племенами юз и кырк. Тарих-и-Шахрохи, изд. Пантусова, стр. 105.

в Самарканд, союзники направились отсюда к крепости Чапар,[1] принадлежавшей каракалпакам.

Каракалпаки, по словам Мухаммед Я'куба, также свергли своего хана (имя не указывается) и возвели на его место племянника его, Хаким-хана, после чего объединились с кипчаками и вместе с последними участвовали затем в нападении на Самарканд. Убив пятьдесят человек каракалпаков, эмир Хайдер взял их крепость, а затем, присоединив к себе насильственно 500 человек годных к военной службе каракалпаков, он двинулся против Чилека. Избивая всех попадавшихся ему на пути, эмир сжигал дома сельских жителей и уничтожал их посевы.[2] После обстрела крепости из пушек восставшие предложили мир, на который эмир вынужден был согласиться, так как в это время из Бухары пришли тревожные сведения на счет хивинцев.[3]

После этого эмир вернулся в Самарканд. Назначив правителем города своего сына Хусейна,[4] эмир Хайдер весной того же 1236 (1821) г. возвратился в Бухару.[5]

Летом того же года хивинцы осадили Чарджуй, а Катта-бий, из мингов, нанес поражение самаркандским войскам мир Хусейна и завладел городом Ургутом. В это же время Аталык-бек вынуждает правителя Самарканда Хусейна передать ему Джизак.

Пользуясь обнаружившейся слабостью самаркандского правителя, китай-кипчаки заручаются помощью кокандцев и снова приступают к осаде Самарканда.[6]

Эмир вынужден был вести борьбу одновременно на два фронта, значительно осложнявшуюся также недостатком войск и снаряжения.

Часть военных сил под начальством одного из своих сыновей, Омара, эмир направил в крепость Фараб на Аму-дарье против хивинцев. В состав посланных с Омаром войск входили

---

[1] Название приводится в Рисале, л. 16а. Мирза Шемс (цит. соч., стр. 7) говорит о том, что каракалпаки перед этим «овладели крепостью Чапар». Сообщение о взятии Чапара подтверждается также мир Алимом (цит. рукоп., л. 73б).

[2] Уничтожение посевов непокорного населения — один из весьма распространенных приемов войны в Средней Азии в рассматриваемое время.

[3] Рисале, л. 16а.

[4] Повидимому, вместо умершего в это время Давлета-кушбеги (см. прим. 6 на стр. 62).

[5] Гульшен-аль-мулюк, л. 177а, Рисале, л. 16а, Джехан-нама, л. 754а.

[6] Гульшен-аль-мулюк, л. 177б, Рисале, л. 16а, б.

также прибывшие на помощь эмиру отряды из Балха, Андхоя и Гиссара. Во главе последних стоял тесть эмира, гиссарский хаким Сейид-аталык.[1]

Другая часть ополчений, набранная в срочном порядке в районе Кермине, Хатырчи, а также среди найманов, гиссарских китаев и мианкальских смешанных племен, носивших название курама, была направлена в район восстания — в города Катта-курган и Пейшамбе.[2] Последнее сообщение Мухаммеда Я'куба является чрезвычайно характерным, так как оно указывает, что в борьбе против восставших эмир опирался и на ближайшие к китай-кипчакам узбекские племена. Это обстоятельство в достаточной мере оттеняет неудачу делавшейся со стороны восставших попытки призвать эти племена для совместных действий, как это видно из цитировавшегося выше сообщения Ибадуллы и Мухаммед Шерифа.

Что касается взаимоотношений китай-кипчаков в данный период с кокандцами, то имеющиеся в нашем распоряжении на этот счет материалы сводятся к следующему. Когда Омар-хан совершал один из своих очередных походов против Ура-тюбе, к нему прибыли на помощь китай-кипчаки.

Во главе четырехтысячного отряда явившихся находился Анна-кул и ряд других главарей китай-кипчаков и каракалпаков. Сюда же прибыл посол от правителя Шахрисябза Даньялаталыка. Так же как и предыдущий раз, прибывшие стали убеждать Омар-хана выступить против центральных городов ханства — Самарканда и Бухары.[3] Хан на этот раз также отверг делавшееся ему предложение, выдав, однако, награды начальникам китай-кипчаков. Когда прибывшие отправились обратно, хан присоединил к ним своих приближенных Хушвакта-кушбеги[4] и Арслан-бека-дадха.[5]

К сожалению, Мухаммед-хаким не отмечает при этом, находились ли в распоряжении посланных начальников кокандские

---

[1] Там же, цит. место. По словам Агехи Омар («Омар-хан») был отправлен против хивинцев в рамазане 1237 г. х. (июнь 1822 г.). Фирдаусу-ль-Икбаль, цит. рукоп., л. 248аб.

[2] Рисале, л. 16б.

[3] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 493б.

[4] Происходил из знати узбекского племени юз. Начал свою службу еще при Алим-хане (1799—1809). Был убит при Мадали-хане.

[5] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 495а.

войска, между тем как Мухаммед Я'куб утверждает это положительно, определяя численность кокандских войск в 10 000 человек,[1] что, впрочем, повидимому, сильно преувеличено.

Хивинцы также, по словам авторов «Истории эмира Хайдера», действовали в союзе с китай-кипчаками. Явившись к бухарской крепости Усти (на Аму-дарье), Мухаммед-Рахим будто бы сообщил восставшим о своем намерении напасть на Чарджуй и предлагал китай-кипчакам одновременно напасть на Самарканд. Те будто бы согласились и на другой же день выступили.[2]

Приведенное сообщение Ибадуллы и Мухаммед Шерифа представляется довольно вероятным, так как некоторые данные о влиянии мианкальского движения на характер хивинско-бухарских отношений в рассматриваемое время встречаются и в хивинской придворной хронике Муниса-Агехи.

Так Агехи рассказывает, что в ша'бане 1237 г. х. (май 1822 г.) эмир Хайдер прислал в Хиву своего посла с выражением признательности хану за его дружественное отношение к Бухаре, в то время когда ее правитель напрягает все свои силы для подавления китай-кипчакского восстания. Эмир выражает надежду, что эти дружественные отношения между обоими государствами будут продолжаться и в дальнейшем.[3]

Откровенность письма эмира Хайдера принесла результат, совершенно обратный тому, на что он рассчитывал: Мухаммед Рахим велел передать послу, что он будет говорить с его государем лишь под стенами Чарджуя, против которого он намерен в ближайшее время выступить.[4]

Действительно, второй поход против Чарджуя был предпринят вскоре же после отъезда посла, будучи ускорен может быть обнаружившейся слабостью бухарского правительства.

Описывая одну из дневок Мухаммед Рахима в местности ниже Хазараспа, Агехи сообщает, что в этом месте ханом был принят

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 177б. Об этом же говорит мирза Шемс, у которого вместо Омар-хана участвует в этих событиях Алим-хан. Наблюдается также ряд других искажений (цит. соч., стр. 7).

[2] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 23.

[3] Фирдаусу-ль-икбаль, рукоп. Инст. востоковед. Акад. Наук Е 6, л. 242аб.

[4] За несколько месяцев до прибытия бухарского посла Мухаммед Рахим совершил свой первый поход против Чарджуя (там же, л. 238б и сл.).

«посол» от китай-кипчаков, некто Алла-берды-бек, доставивший письмо от Адина-кула и Ма'мура-парваначи. Представители китай-кипчаков сообщают о предпринятой ими борьбе против бухарского правительства и уверяют якобы о своей преданности хивинскому хану.

Оставшись доволен письмом, Мухаммед Рахим направил к предводителям китай-кипчаков своего посла, по имени Бури-бая, с грамотой, в которой выражал благодарность китай-кипчакам за оказываемые ему «тайные услуги» и выражал уверенность в том, что предпринятое ими дело не пропадет напрасно. Предлагая начатое дело продолжать с прежним успехом, хан заверяет предводителей, что он не оставит их своим милостивым вниманием и поддержкой.[1]

«Поддержка» эта, как мы знаем, заключалась в том, что хан организовал систематические грабежи и избиения беззащитных жителей бухарских кишлаков.

Во всяком случае из приведенного отрывка можно установить, что сообщение авторов «Истории эмира Хайдера» о связи китай-кипчакского восстания с Хивой подтверждается также и хивинской официальной историографией, хотя и в несколько более общей форме, чем это указывают Ибадулла и Мухаммед Шериф.

Эпизод, связанный с вторичной осадой Самарканда, рассказывается нашими источниками следующим образом.

Хушвакт-кушбеги и Арслан-бек-дадха, выступив, как уже указывалось, из Ура-тюбе, прибыли в район китай-кипчаков в Янги-курган. Здесь они соединились с Исхак-беком, Катта-беком (завладевшим, как уже сообщалось, Ургутом), Адина-кулом, Ма'мур-бием и другими правителями тех мест и выступили с многочисленными силами против Самарканда.[2] Состав союзников был чрезвычайно пестр. Помимо китай-кипчаков и кокандского отряда, состоявшего, повидимому, из юзов, к числу которых принадлежал Хушвакт-кушбеги, здесь находились также войска Катта-бека и кенегесы из Шахрисябза.[3] Естественно, что равновесие среди союзников не могло сохраняться долго.

Через неделю среди осаждающих начались распри (джанг), вызванные, повидимому, различием, если не противоположностью,

[1] Там же, лл. 243б — 244а.
[2] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 495б.
[3] История эмира Хайдера, стр. 31.

интересов внутри коалиции. Потеряв в связи с этим надежду на успешное завершение предпринятой осады и опасаясь взаимного кровопролития, осаждающие сняли осаду и разошлись каждый в свою сторону.[1]

Хушвакт-кушбеги и другие кокандские начальники после неудачи своего предприятия возвратились в Коканд.

Повидимому, значительную роль при отражении китай-кипчаков и их союзников из-под Самарканда сыграло узбекское племя найман, об участии которого на стороне эмирских войск отчасти говорилось уже выше. В этом же смысле о найманах говорит и «История эмира Хайдера», рисующая их как ревностных сторонников эмира и непримиримых врагов восставших.[2] Заключалась ли разгадка этого факта в противоречии хозяйственных интересов обоих племен или у найманов пользовалась особым значением феодально-родовая знать, быть может умело привлеченная эмиром на свою сторону, — остается неизвестным. Во всяком случае противодействие восстанию со стороны такого могущественного племени, каким являлись тогда найманы, не могло не оказать своего отрицательного влияния на успех мианкальского движения.

«История эмира Хайдера» отмечает также, что осада Самарканда на этот раз сопровождалась чрезвычайно тяжелыми последствиями для жителей города. Городские ворота были засыпаны землей, вследствие чего подвоз продовольствия должен был прекратиться. Наступивший вслед за этим голод принял настолько острую форму, что беднейшая часть городского населения («вдовы» и «бедняки») вынуждена была продавать своих детей за кусок хлеба».[3]

Несмотря на отсутствие у осаждающих артиллерии и какого бы то ни было единства действий, город был поставлен в настолько тяжелое положение, что готов был сдаться.

Только общий подъем, вызванный среди осажденных будто бы жестокой расправой осаждающих с найманами в окрестностях города, помог городским жителям единодушными усилиями отогнать китай-кипчаков и их союзников от города.

---

[1] Мунтахаб-от-таварих, рукоп. С 470, л. 496а.

[2] История эмира Хайдера, цит. рукоп., стр. 31.

[3] Там же, цит. место. Авторы ссылаются при этом (стр. 29) на слова «некоторых жителей Самарканда», повидимому, непосредственных участников событий.

Значительный интерес вызывает к себе деятельность Исхак-бека, назначенного, как говорилось уже выше, Омар-ханом для непосредственного общего начальствования в районе восстания.

Источники указывают, что Исхак-беку удалось сгруппировать вокруг себя довольно значительные, повидимому, силы и вместе с Ма'мур-бием приступить к активным операциям в бухарском направлении. Китай-кипчаки, по словам Мухаммед Я'куба, осадили Пейшамбе и Хатырчи и даже докатились до Багчекаляна[1] (в 10 км к северо-западу от Зияуддина).

Чрезвычайно важно отметить, что восставшим удалось при этом привлечь на свою сторону в какой-то мере часть других узбекских племен, среди которых Мухаммед Я'куб отмечает джелаиров, митанов и кыятов, при поддержке которых они, очевидно, и могли так далеко продвинуться на запад.[2]

На стороне эмира оставались, однако, найманы, которые вступили в борьбу с союзниками и в конце нанесли им поражение.

После понесенной неудачи Исхак-бек с отрядами китай-кипчаков должен был откатиться далеко назад. Дальнейшие попытки со стороны восставших опереться на своих новых союзников — джелаиров, митанов и кыятов — не дали повидимому положительных результатов, так как из рассказа историка видно, что эмир, явившийся вскоре к крепости Митан, не встретил здесь какого-либо сопротивления.[3] Таким образом начавшееся было распространение восстания в сторону центра было ликвидировано, не изменив и не улучшив общей обстановки. Это обстоятельство, так же как и неудачная осада Самарканда, в значительной мере способствовало сужению района восстания, в сущности его изоляции.

Исхак-бек после неудачи предпринимавшихся на западе операций снова поселился среди китай-кипчаков, однако, «не будучи в состоянии среди них удержаться», вынужден был бежать от них в Коканд.[4]

Бегство Исхак-бека знаменует собой полную неудачу всех предпринимавшихся со стороны Омар-хана попыток так или

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 177б.

[2] Гульшен-аль-мулюк, л. 177б. В Рисале (л. 17б) вместо названных здесь племен указывается «еты-уруг» («семь родов»).

[3] Там же, цит. место.

[4] Там же. Об этом же см. Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, 488б, л. 496а, а также Джехан-нама, цит. рукоп., л. 753б.

иначе повлиять на ход китай-кипчакского восстания и использовать его в своих интересах. На этом эпизоде собственно и заканчивается активное вмешательство кокандских феодалов в дела «подвластного им» Мианкаля.

С уходом последнего кокандского представителя китай-кипчаки в своей борьбе против эмирских войск могли рассчитывать только на своих собственные силы.

Когда войска хивинского хана оставили, наконец, бухарскую территорию, эмир Хайдер направился из Митана в Мианкаль.

Вместе с бухарскими войсками на этот раз в мианкальском походе участвовали также юзы из Гиссара, во главе с Сейид-аталыком.[1]

Китай-кипчаки, узнав о приближении эмирских войск, выступили им навстречу и вступили в бой с ними с таким ожесточением, что «(все) 92 рода узбеков прикусили палец изумления».[2] Бой не дал, однако, решительных результатов. Эмирские войска продолжали продвигаться вперед. После ряда новых сражений эмир подошел к Янги-кургану и снова обложил его. Осада продолжалась 27 дней, в течение которых эмир, по словам Мухаммед Я'куба, ежедневно выпускал по крепости по 100 ядер.[3] Одновременно разорялись и уничтожались посевы жителей. Овладеть Янги-курганом и на этот раз, однако, не удалось.

Эмир снял осаду и выступил против уже называвшейся выше крепости Лаиш и овладел ею после трех дней осады. Оставив в Лаише свой гарнизон, он направился к Чилеку, который и осаждал в течение 20 дней, а затем снял осаду, произвел повсеместное уничтожение посевов непокорного населения и прибыл в Самарканд.[4]

На этот раз прибытие эмира в Самарканд ознаменовалось смещением с должности самаркандского правителя эмира Хусейна, не проявившего достаточной энергии в отражении напа-

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 178а, также Джехан-нама, цит. рукоп., л. 753б. Об участии гиссарских войск в некоторых походах эмира упоминает также мирза Шемс. См. цит. соч., стр. 71.

[2] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 230а, также Джахан-нама, цит. рукоп., л. 754а.

[3] Рисале, л. 17б.

[4] Гульшен-аль-мулюк, л. 178а, Рисале, л. 18а, Джехан-намэ, л. 753б.

дений китай-кипчаков и допустившего слишком большое своеволие со стороны Раджаб-бека (Катта-бека), завладевшего в это время Ургутом.[1] Назначив на место мир Хусейна другое лицо, эмир возвращается в Бухару, где ему пришлось организовать защиту от хивинцев.[2]

Когда эмир прибыл в свою столицу, ему донесли здесь, что хивинцы опустошают бухарские туманы (волости), производя всюду насилие и грабежи.[3] Слабостью бухарского правительства воспользовался в это время предводитель шахрисябзских кенегесов Даньял-бий, который захватил три крепости, принадлежавшие племени джиют, и столько же крепостей отнял у мангытов в долине Кашка-дарьи. После этого Даньял-бий распространил свои набеги до бухарской крепости Чирагчи и Ярты-тепе.[4] Одновременно с этим обнаружилось недовольство среди жителей Ургута, сместивших находившегося у них бухарского правителя и посадивших на его место своего кандидата.[5] Тревожные признаки наблюдались также в Самаркандском районе, где по соседству с китай-кипчаками появился Катта-бий из мингов, захвативший крепость Джума-базар. Кроме того Катта-бий заложил на расстоянии 3—4 км от Самарканда свою крепость, угрожавшую безопасности города.[6]

Летом 1237/1822 г., «когда поспевала пшеница», Мухаммед Рахим, хан хивинский, снова подошел со своими войсками к Чарджую. Занятый мианкальскими делами, эмир Хайдер не мог выступить против хивинцев лично, направив против них лишь шесть тысяч конницы во главе с сыном своим мир Омаром и двумя полководцами. Потерпев поражение от хивинцев под Фарабом, мир Омар бежал с своими войсками к Кара-кулю и обратился за помощью к отцу. Все лучшие войска эмира находились в это

---

[1] Ташкентская рукопись Гульшен-аль-мулюк, л. 150б, также мир Алим, цит. рукоп., л. 76б. Мирза Шемс утверждает, что причиной смещения мир Хусейна являлись сношения его с китай-кипчаками (цит. соч., стр. 10), что, однако, является мало вероятным.

[2] Гульшен-аль-мулюк, л. 178а.

[3] Как Мухаммед Я'куб, так и ферганские историки сообщают, что многим из захваченных в плен бухарских жителей хивинцы отрезали носы и уши, после чего отпустили их. Часть населения была перебита.

[4] Гульшен-аль-мулюк, лл. 178аб. Мир Алим (цит. рукоп. л. 80б—88а) рассказывает о нападениях кенегесов только на Чирагчи.

[5] Там же, л. 178б.

[6] Там же, цит. место.

время в Мианкале, где они были заняты подавлением китай-кипчакского восстания. Эмиру удалось, однако, собрать в разных туманах ополчение (кыл-куйрук),[1] с которым он через некоторое время явился к Фарабу и вынудил хивинцев прекратить осаду Чарджуя и возвратиться в Хиву.[2]

С уходом хивинцев эмир снова появляется в районе китай-кипчаков. Осаждая в течение нескольких дней сначала Янги-курган, а затем Чилек, эмир возвращается затем в Бухару, не достигнув успеха и ограничившись лишь очередным уничтожением посевов непокорного населения.[3]

Слова Мухаммед Я'куба не позволяют судить о причинах столь быстрого прекращения осады. Можно, однако, допустить, что здесь оказала свое действие та активность, которую, по словам Мирзы Шемса,[4] проявляли осажденные китай-кипчаки, делавшие частые вылазки и постоянно беспокоившие своими нападениями эмирские войска.

Из дальнейшего рассказа Мухамед Я'куба видно, что руководящая роль в районе Самарканда переходит теперь к Катта-бию, который, как уже указывалось выше, захватил в свои руки Джума-базар и часть окрестностей города, а затем привлек на свою сторону Даньял-бия из Шахрисябза, Аталык-бека и Ма'мур-бия с кипчаками.[5]

Таким образом эмиру Хайдеру приходилось теперь иметь дело не только с китай-кипчаками, но и с их союзниками, представлявшими собой довольно значительную коалицию во главе с Катта-бием. Самарканд, считавшийся важнейшим центром ханства после столицы, оказался окончательно отрезанным от Бухары.

Союз родовых феодалов оказался, однако, непрочным. Зимой 1238/1823 г., когда эмир выступил против главного опорного

---

[1] То же, что и кара-чирик. Термин «кыл-куйрук» обычно употребляется кокандскими историками. Мухаммед Я'куб употребляет его здесь единственный раз. У кокандских же историков встречается термин «кара-казан», также обозначающий ополчение. См. Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 472б. Термин «кара-казан» встречается также в Ташкенте в период его самостоятельности (1800 г.).

[2] Гульшен-аль-мулюк, лл. 179а—180а.

[3] Там же, л. 180а.

[4] Мирза Шемс, цит. соч., стр. 9—10. О большой активности китай-кипчаков говорит также мир Алим (цит. рукоп., л. 84б и сл.).

[5] Гульшен-аль-мулюк, цит. место.

пункта союзников — Джума-базара, ему через три дня удалось овладеть этой крепостью, вслед за чем здесь произошло всеобщее избиение ее защитников.[1] Нанеся таким образом сильный удар союзникам, эмир обратился снова против китай-кипчаков и осадил Чилек. Крепость три дня беспрерывно обстреливалась из пушек, однако осада неожиданно была прекращена, так как из Бухары снова поступило известие о нападении хивинцев, причем на этот раз уже на центральные районы ханства. Явившись в Бухару, эмир получил сведения о том, что отряды, посланные Мухаммед-Рахим-ханом, разоряют Рамитанский туман.[2] Вскоре хивинские войска ушли. Прервавшаяся было на короткое время борьба с хивинцами вскоре снова возобновилась. Летом этого года отряды хивинских войск снова появились под Чарджуем. После ряда столкновений с бухарскими войсками хивинцы, однако, ушли, не решившись переправиться на правую сторону Аму-дарьи.[3]

Проводя зиму 1239 (1823—24) г. в Бухаре и услышав о новых захватах Аталык-бека и соединении его с кипчаками, эмир в самый разгар зимы[4] является в район восстания и после кратковременной безуспешной осады Янги-кургана берет и разрушает крепости Нардбан и Уджма (Учма), захваченные аталык-беком.[5]

Возвратившись после этого в Бухару, эмир находился здесь до весны следующего 1240/1825 г., когда он снова направился против непокорного Мианкаля. Поход этот завершился подчинением китай-кипчаков, лишившихся к этому времени всех своих союзников и доведенных изнурительной многолетней войной до полного истощения.[6]

Подойдя весной 1825 г. к Чилеку, эмир в течение десяти дней занимался здесь, по обыкновению, уничтожением посевов жителей, после чего эмирские войска подступили к Янги-кургану.

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 180б.

[2] Подробнее других об этом рассказывают авторы «Истории эмира Хайдера», цит. рукоп., стр. 27.

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 181а.

[4] В тексте «чилле-и-хурд».

[5] Там же, лл. 181аб.

[6] В числе бедствий, постигших район в это время, отмечается также саранча, которая в течение шести последующих лет опустошала поля Мианкаля, а также Каршинского оазиса. Гульшен-аль-мулюк, л. 182а.

Осада крепости затянулась на этот раз на 70 , а по другим данным — на 90 дней, в течение которых бухарцы успели выстроить со всех сторон Янги-кургана свои собственные крепости,[1] прервавшие связь осажденных с внешним миром и обезопасившие вместе с этим бухарцев от вылазок неприятеля. В крепости не стало ни воды, ни продовольствия.[2]

Обстоятельства сдачи китай-кипчаков описываются Мухаммед Я'кубом следующим образом. Взвесив создавшееся положение, осажденные решили прекратить сопротивление, поставив, однако, перед эмиром вопрос о гарантии личной безопасности. Условия эти были приняты, в чем 200 наиболее уважаемых лиц из бухарской знати[3] принесли соответствующую присягу. После отъезда эмира в Бухару его приближенным сдался также Чилек. В обеих крепостях бухарцы назначили своих начальников. Руководивший защитой Чилека Адина-кул-бий отправился после сдачи своей крепости ко двору эмира, где получил звание токсаба, был пожалован мельницей (т. е. доходом с нее) и получил прочие танха.[4]

Несколько иные подробности, связанные со сдачей Янги-кургана, сообщает Мухаммед-Хаким и другие зависящие от него ферганские авторы. Примирение воюющих сторон произошло, по словам этих историков, при посредстве кокандского посольства,[5] прибывшего к эмиру Хайдеру в то время, когда последний осаждал Янги-курган.[6]

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 181б. О трех месяцах осады говорит мир Алим, цит. рукоп., л. 86б.

[2] Мир Алим, цит. рукоп., л. 87а.

[3] Так по Ташкентской рукоп. Гульшен-аль-мулюк (л. 151б). В рукоп. ИВ говорится о присяге 200 «мангытов и прочих» (л. 181б).

[4] Гульшен-аль-мулюк, цит. место.

[5] В состав посольства входил Азимбай-дадха и ишан Султан-хан, носивший, по Наливкину (цит. соч., стр. 112), звание ходжи-каляна. В чагатайской версии Мунтахаб-ат-таварих вместо этого лица назван халифе-Хусейн (рукоп. Д 90, 174б).

[6] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, лл. 231а, 527а, также рукоп. Д 90, л. 174б, 346б. Говоря о маршрутах кокандского посольства, автор отмечает, что оно направилось в Бухару не обычной дорогой через Самарканд и Катта-курган, а через Ташкент — Турт-кудук и Нур-ата, т. е. в обход района восстания, где проезд являлся, очевидно, невозможным. Этим же обходным путем пользовались в периоды восстаний в Мианкале и торговые караваны, направлявшиеся из Ферганы или Ташкента в Бухару. См. сб. «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 56.

В ответ на предложение кокандского посольства примириться с эмиром китай-кипчаки будто бы изъявили свое согласие, потребовав, однако, письменной гарантии со стороны эмира в неприкосновенности. Эмир приказал своим казиям составить письменный договор (ахд-намэ) и за своей печатью передал его китай-кипчакам, сдавшим после этого свои крепости.[1]

Необходимо при этом отметить, что помимо ряда хронологических неясностей, данный эпизод представлен в Мунтахаб-ат-таварих в двух противоречивых вариантах, значительно понижающих достоверность сообщаемых сведений.[2]

Кроме того, следует иметь в виду, что автор названного сочинения находился в этот период в ссылке далеко за пределами Средней Азии и мог писать об этом событии через много лет и притом со слов других лиц.

В такой же степени малодостоверным является сообщение Мирзы Шемса Бухарского, который утверждает, что примирение главарей китай-кипчаков с эмиром состоялось при посредстве правителей Гиссара и Шахрисябза,[3] из которых последний, как нам уже известно, отнюдь не был в этом заинтересован.

Впрочем, какова бы ни была степень достоверности рассказа двух последних авторов в отдельных деталях, важно отметить лишь, что в основном их сообщения не противоречат изложенному выше рассказу Мухаммед Я'куба. Необходимо отметить, что как в том, так и в другом случае историки говорят не об окончательном поражении и разгроме восстания, а о примирении воюющих сторон на основе обоюдного соглашения.

Уже самый факт принятия эмиром условий, предложенных осажденными китай-кипчаками, говорит за то, что последние,

---

[1] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 527б, рукоп. Д 90, л. 175а, также Джехан-нама, рукоп. С 439, л. 754аб и Тухфет-ат-таварих-и-хани, рукоп. С 440, л. 206а.

По словам Мухаммед Я'куба (Гульшен-аль-мулюк, л. 182а), «один из остроумных кокандцев», свидетелей данного события, составил, по случаю сдачи Янги-кургана, следующую хронограмму: چقتی قبچاق, ینکی قورغاندین в которой из числового значения слова ینکی قورغان (1447) нужно вычесть числовое значение قبچاق (207), что дает в остатке цифру 1240/1825 — год события.

[2] Ср. рукоп. С 470, лл. 527б, 597а и рукоп. Д 90, лл. 175а, 346б.

[3] Записки Мирзы Шемса, цит. соч., стр. 17.

несмотря на трудность создавшегося для них положения, все же представляли собою внушительную силу, с которой эмир не мог не считаться.

Пользуясь достигнутым примирением с китай-кипчаками и наступившим миром с хивинцами, эмир Хайдер направил свои усилия на окончательное подавление восстаний племен мингов и юзов, возглавлявшихся, как уже говорилось выше, Катта-бием в Ургуте и Аталык-беком, еще продолжавшим держаться в своих крепостях в восточной части Самаркандского района.[1] С Катта-бием было достигнуто, наконец, примирение, но Аталык-бек остался непобежденным.

Заключенный в 1825 г. с китай-кипчаками мир оказался однако непрочным. При описании политических событий, связанных со смертью эмира Хайдера (1826 г.) и борьбой за бухарский престол между Насруллой и его братьями,[2] Мухаммед Я'куб упоминает о новой вспышке восстания среди китай-кипчаков. В тот момент, когда наступило двоевластие, китай-кипчаки, по словам названного автора,[3] вызвали из Шахрисябза одного из находившихся там своих предводителей, Хусейн-бия, из рода утачи[4] и привели его в Янги-курган, в это время уже снова перешедший в руки китай-кипчаков. В то же время восставшие прогоняют из Чилека посаженного было там бухарского правителя Ширдана-бека из мангытов, и снова овладевают этой крепостью.[5]

Большинство населения ханства раскололось на два лагеря, один из которых был на стороне мир Омара (сына эмира Хайдера), засевшего в это время в стенах Бухары, другие поддерживали Насруллу, уже провозглашенного частью своих союзников в Самарканде эмиром и теперь безуспешно пытавшегося овладеть столицей ханства — Бухарой.[6]

Найманы, игравшие, как мы уже указывали выше, крупную военно-политическую роль в ханстве, оказались на стороне Омара.

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 182а.

[2] Об этом некоторые подробности рассказываются Мирза Шемсом (цит. соч., стр. 19 и сл.).

[3] Гульшен-аль-мулюк, л. 185б.

[4] Раньше о нем не упоминалось.

[5] Гульшен-аль-мулюк, л. 185б.

[6] Там же, л. 186а.

Они укрепились в крепости Дабусии[1] и направили оттуда небольшой отряд на поддержку мир Омара.[2] Представители этого племени заявили, что в случае, если китай-кипчаки[3] окажут им свою поддержку, их племя вышлет на помощь Омару две тысячи воинов и заставит Насруллу прекратить осаду столицы.

Из дальнейших слов Мухаммед Я'куба, однако, выясняется, что существовавшее ранее среди китай-кипчаков единство теперь было нарушено: оба племени разделились и начали враждовать друг с другом.[4] Чем именно были вызваны эти раздоры — в источниках не указывается. Повидимому причина этих разногласий заключалась в той предательской роли, которую играла в это время китай-кипчакская знать (калян), ставшая, вопреки воле масс, открыто на сторону эмира Насруллы и пытавшаяся увлечь за собой своих соплеменников.[5] Между тем большинство рода не могло сочувствовать Насрулле, так как в памяти китай-кипчаков были живы еще воспоминания о той жестокой расправе, какую чинил он над ними в первый период восстания.

Отсутствие в источниках сведений об активных выступлениях китай-кипчаков в этот период заставляет полагать, что разложение, внесенное правящей верхушкой в среду крестьянской массы, имело серьезные последствия, в связи с чем нараставшая было новая волна восстания была приостановлена.

Рассказывая в последней части своего труда о воцарении Насруллы и первых годах его правления, Мухаммед Я'куб отмечает, что все «92 рода узбеков» изъявили свою готовность служить новому эмиру и что приглашенный незадолго до этого китай-кипчаками Хусейн-бий должен был оставить Янги-курган и бежать в Шахрисябз.[6] Это обстоятельство должно как будто ука-

---

[1] Крепость Дабусия находится около современного Зияуддина, с которым она в середине прошлого столетия отождествлялась. Туркестанск. Ведом., 1872, № 14. О прошлом ее см. Протоколы засед. и сообщения чл. Туркестанск. кружка любит. арх., г. XXI, Ташкент, 1916, стр. 32—37, 43—64.

[2] Гульшен-аль-мулюк, л. 186а, также Мирза Шемс, цит. соч., стр. 27.

[3] В тексте хисарй-хытай; вообще термин «хисари» в Бухаре обозначает «городской»; в данном случае, повидимому, имеется в виду та часть китай-кипчаков, которая занимала названные выше две крепости и держала вследствие этого власть над всем окружающим районом.

[4] Гульшен-аль-мулюк, л. 186а.

[5] Там же, цит. место.

[6] Гульшен-аль-мулюк, л. 187б.

зывать на ликвидацию всякого рода оппозиционных настроений среди китай-кипчаков, однако тот же автор отмечает, что сколько-нибудь удовлетворительных отношений между Насруллой и китай-кипчаками, так же как и некоторыми другими племенами, не существовало и что власть нового эмира поддерживалась только страхом.[1]

Это же подтверждается кокандским историком Аваз Мухаммедом, который, рассказывая в своем сочинении о смерти Насруллы, падишаха Бухарского, и воцарении эмира Музаффар-эд-дина (раби II 1277 — октябрь-ноябрь 1860 г.), сообщает между прочим следующие характерные подробности:[2] «в это время китаи и кипчаки, совершившие зло отцу и деду Музаффара, явились к хакиму города Самарканда и сказали: «так как мы являлись преступниками перед отцом этого эмира и причиняли ему зло, то теперь мы желаем принести свои поздравления господину эмиру Музаффару и вступить в число его приверженцев».

Тронутый будто бы словами китай-кипчаков, правитель Самарканда наградил прибывших одеждами (сарупа) и довел о их словах до сведения эмира. После этого эмир Музаффар-эд-дин направился в Самарканд и короновался здесь на знаменитом кокташе.

Приведенный рассказ ферганского историка, с одной стороны, подтверждает в полной мере слова Мухаммед Я'куба о наличии не только враждебности, но и, повидимому, значительной активной борьбы между эмиром Насруллой и китай-кипчаками, с другой — этот рассказ может служить яркой иллюстрацией к высказанной выше мысли о том, что родовая верхушка китай-кипчаков не только отошла от оппозиционно-настроенных масс своего рода, но и перешла открыто на сторону врагов, так как классовые интересы ее оказались сильнее, чем пресловутая «родовая солидарность», игравшая может быть некоторую роль на определенном этапе движения.

Само собой разумеется, что рассказ Аваз Мухаммеда говорит о перемене взглядов только среди родовой знати и, разумеется, ни в какой мере не характеризует изменения настроений, господствовавших среди большинства крестьянства.

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, л. 188б.

[2] Джехан-нама, цит. рукоп., лл. 796б—797а.

Массы, как мы знаем из других источников,[1] продолжали сохранять свой революционный дух и боевые традиции вплоть до того момента, когда на помощь бухарским феодалам пришли штыки царской армии, завоевавшей в 1868 г. Зеравшанскую долину.

---

[1] Цитировавшиеся выше записи А. Гребенкина (стр. 55—57, 103) содержат в себе некоторые интересные отрывки рассказов китай-кипчаков и других мианкальских племен о их прошлой борьбе с бухарскими эмирами, в том числе и с Музаффар-эд-дином (1860—1885).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такова фактическая, известная нам, сторона этого восстания.

Как характер имеющихся пока источников, так и чрезмерная их сжатость вообще не позволяют нам коснуться целого ряда интересующих нас вопросов и дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику движения. Нельзя не учитывать также, что важнейшие авторы, на которых приходится нам опираться при описании данных событий, принадлежат или к числу высшей феодальной знати (Мухаммед Я'куб, Мухаммед-Хаким) или являются придворными историографами, освещавшими описываемые ими события с точки зрения господствовавших классов, и, естественно, весьма далекими от объективности.

Восстание характеризуется нашими историографами, разумеется, как очередной «бунт» (фитна), направленный против особы «повелителя правоверных» [1] и охраняемых им «священных» основ мусульманской государственности.

Характеризуя восставших китай-кипчаков как «самое преступное из всех узбекских племен» [2] или как людей «кровожадных», [3] имеющиеся источники в большинстве случаев стремятся изобразить их движение с наиболее отрицательной стороны, уделяя главное свое внимание усмирению восстания, а не его развитию. Понятно, что при таких условиях внутренняя история восстания остается для нас почти недоступной. Хотя основные причины восстания, заключавшиеся в тяжелом экономическом положении бухарского крестьянства, достаточно освещаются нашими источниками, однако организация самого движения, проявившего необычную живучесть и внутреннюю устойчивость в борьбе с численно и технически превосходными силами эмира, остается для нас в значительной степени загадочной.

---

[1] Обычный эпитет эмира Хайдера, выбивавшийся им на монетах.

[2] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп., Д 90, л. 172б.

[3] Джехан-нама, рукоп. С 439, л. 753б.

Вполне понятно поэтому, что наша попытка подойти при данных условиях к детальному анализу движущих сил восстания не может пока претендовать на необходимую полноту и законченность. По мере того как будет расширяться в дальнейшем круг первоисточников и накапливаться новый фактический материал, наши выводы и обобщения должны будут подвергнуться уточнению и более детальной разработке.

Схематизируя в известной мере ход событий, можно считать, что рассматриваемое нами мианкальское восстание является одним из наиболее значительных эпизодов в общей цепи стихийных восстаний, потрясавших Бухарское ханство на протяжении всего периода его существования.[1]

Восстание 1821—1825 гг. характеризуется большой динамической силой, стремившейся найти выход за пределы тех узких территориальных рамок, в каких замыкалась обычно тогда хозяйственная и политическая жизнь отдельных родовых крестьянских общин, давно уже переживавших под влиянием процесса классового расслоения внутреннюю борьбу.

О большой потенциальной силе восстания свидетельствуют попытки восставших включить в сферу своего воздействия Самарканд, так же как и движение их под руководством Исхак-бека в сторону центра. Если попытки эти не увенчались успехом, то виной этому являлось отсутствие или недостаточность необходимого руководства и противоречивость интересов отдельных участвовавших в движении социальных групп — черта, свойственная большинству народных и крестьянских движений вообще.

Каковы бы ни были особенности данного движения в целом, можно считать, однако, несомненным, что значительная роль принадлежала в нем широким крестьянским массам, доведенным, благодаря существовавшей в ханстве системе жестокой феодальной эксплоатации, до крайней степени разорения и искавших в восстании против своих угнетателей выход из существовавшего тогда положения. Вспоминая уже впоследствии, после русского завоевания, о своей долгой борьбе против эмирской власти, китай-кипчаки и другие участвовавшие вместе с ними узбекские племена говорили, что главной причиной их возму-

[1] Последние по времени народные движения в Бухарском ханстве относятся, как известно, уже к XX в. Усмирение их производилось при помощи войск царского правительства. См. Логофет, Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 263—285.

щений являлись большие налоги, собиравшиеся жестокими сборщиками, и прочие притеснения со стороны эмирской администрации.[1]

Изложенные выше факты позволяют нам до некоторой степени осветить вопрос, затронутый одним из среднеазиатских авторов[2] около 10 лет тому назад и до сих пор, повидимому, остающийся неразрешенным. Отмечая вполне справедливо, что история Бухары XVIII—XIX вв. содержит «ряд указаний на волнения среди населения бухарских провинций», автор склоняется, однако, к выводу о том, что «наличия стихийных народных движений, идущих под флагом борьбы за землю, внутри Зеравшанской долины как будто не наблюдалось». Исходя из этой предпосылки, зависящей целиком, как мы знаем теперь, от полной неосвещенности данного вопроса в литературе, автор задается затем вопросом о том, «почему при наличии народных волнений в Бухарском ханстве, особенно в его периферических частях, отсутствовало или не проявлялось резко аграрное движение в центре — в Зеравшанской долине, дехканство которой, казалось бы, должно было больше всего страдать от кабальных архаических условий хозяйственного управления эмирата вообще и его аграрного режима, в частности».[3]

Факты восстания 1821—1825 гг., как нам кажется, достаточно убедительно говорят вообще против постановки такого вопроса.

Правда, крестьяне Зеравшанской долины не выдвигали в 1821—1825 гг. четко формулированных аграрных требований, но все их действия говорят за то, что эти требования ими не могли не подразумеваться, хотя они может быть и не были записаны. Отрицать на этом основании аграрный характер данного массового движения, являвшегося к тому же по составу

---

[1] Сборник «Русский Туркестан», цит. соч. Гребенкина, стр. 57. Приводя эти воспоминания о героической борьбе узбекских крестьян против чинившихся над ними чисто варварских насилий, автор считал своим «культурным» долгом во что бы то ни стало их опорочить, утверждая, что «притеснение таких родов эмирами ограничивалось тем, что им не позволяли жить грабежом и разбоем». Этими словами Гребенкин рекомендует себя бо̀льшим поклонником свирепых бухарских тиранов, чем даже сами бухарские историографы.

[2] Ю. Пославский. К аграрному вопросу в Зеравшанской области. Журнал Народное хозяйство Средней Азии, 1926, № 11—12, стр. 21—22 (отд. отт.).

[3] Там же, стр. 22.

своих участников движением почти исключительно крестьянским, вряд ли, однако, возможно.

Район восстания — Мианкаль, представляющий собою лучшую, наиболее плодородную часть долины Зеравшана, является типичным земледельческим районом, как это видно отчасти и из предыдущего очерка.

Занимая, таким образом, один из наиболее «богатых» в глазах бухарского правительства районов, мианкальские крестьяне должны были *вследствие этого подвергаться и наиболее ожесточенной эксплоатации*. В этом по существу заключается разгадка того парадоксального на первый взгляд сообщения одного из исследователей, что «враги эмира — по преимуществу оседлые узбекские роды, занимающие плодороднейшие места округа».[1] Отмечая этот факт, автор не учитывал, конечно, тех особенностей предыдущего хозяйственного развития, на которых нам приходилось выше останавливаться. Особенности эти, как мы уже знаем, заключались в том, что переход массы узбекского крестьянства к оседлости совершался *только под влиянием крайней нужды*. Оседала в первую очередь та наиболее нуждающаяся часть населения, которая, в силу отсутствия или недостатка скота, не имела возможности заниматься скотоводством и вести жизнь кочевников. Мы видели также, что в Мианкале процесс оседания в значительной мере ускорялся недостатком пастбищ. В этом отношении китай-кипчаки крайне невыгодно отличались от других крупных узбекских родов, например, мангытов или найманов, в достаточной мере обеспеченных пастбищными угодьями и, повидимому, в меру своего материального благополучия являвшихся «сторонниками» эмира.

Переход к оседлости и земледелию не избавлял, разумеется, массу недавних кочевников от нужды. Недостаток орошенных земель, а также необеспеченность необходимым инвентарем, семенами и пр., ставила их в зависимость от зажиточной части своих соплеменников, зависимость, принимавшую, как мы видели, нередко кабальную форму.

На этом фоне нам и приходится рассматривать «деятельность» эмирского административного аппарата в Мианкале. Аппарат этот являлся по существу только фискальным, выполнявшим,

---

[1] Сборник «Русский Туркестан», цит. соч., стр. 55. Имеется в виду бывший Зеравшанский округ.

как мы уже видели, только ту функцию «грабежа внутри страны», о которой говорил Ф. Энгельс в своем известном письме к К. Марксу. В этом обстоятельстве, повидимому, и заключается главная причина всех вспыхивавших в Мианкале упорных возмущений, нередко истолковывавшихся местными историками как проявление враждебности со стороны отдельных лиц.

Социально-имущественная дифференциация узбекского крестьянства в период восстания значительно осложнялась, как уже указывалось, наличием пережитков родовых отношений, особенности которых для данного момента, к сожалению, известны пока лишь в самых общих чертах, вследстве чего и влияние их на ход рассматриваемых событий не поддается точному учету. Однако приводившееся выше замечание Мухаммед Я'куба о том, что «обида», нанесенная бухарским наместником «зажиточным» и «почтенным» китай-кипчакам, явилась одним из поводов к восстанию 1821—1825 гг., показывает, что зажиточная феодально-родовая верхушка среди мианкальских племен играла в рассматриваемое время еще довольно заметную роль в жизни своего рода.

В своих собственных материальных интересах эта верхушка являлась нередко верным помощником бухарского правительства, помогая ему в разверстке и собирании налогов, выполнении натуральных повинностей и т. п. Именно эта часть рода поставляла из своей среды биев, аксакалов и прочих должностных лиц, державших в зависимости от себя основные массы земледельческого и скотоводческого населения. Однако эта же часть населения представляла собою и наиболее активную часть «рода», как бы носителя его традиций,[1] противопоставлявшую себя, как членов рода, «чужим», внеродовым бухарским властям,[2] и, используя свое влияние на массы, умело извлекавшую выгоды из своего положения.

В этой связи приведенное выше замечание Мухаммед Я'куба о роли богатых приобретает определенную долю правдоподобности, хотя, по словам того же автора, восстание имело и иные причины, о которых с наибольшей подробностью говорят авторы истории эмира Хайдера.

[1] На этот счет характерны слова Н. И. Гродекова (Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области, т. I, Ташкент, 1889, стр. 12) о том, что «носители родовой идеи суть богачи и старейшины (аксакалы)».

[2] Ср. сб. «Русский Туркестан», цит. соч., стр. 57.

Едва ли нужно доказывать, что эти «иные» причины и являлись основными. Хотя участие той или иной группы феодалов в руководстве мианкальским восстанием является вполне бесспорным, однако необычайно широкий размах и исключительная устойчивость движения 1821—1825 гг. указывает на то, что оно не являлось делом только той или иной отдельной незначительной группы, а совершалось при участии широких масс крестьянства, видевшего в восстании против эмира путь к освобождению от тяжелой феодальной эксплоатации. Не случайно, поэтому, что большинство доступных нам источников подчеркивает массовый характер начавшегося движения, лишь в последующей своей стадии привлекшего к себе представителей феодально-родовой знати, стремившейся использовать события в своих узкоклассовых интересах.

Помимо случайной, повидимому, фигуры в лице Хусейн-хана, в качестве руководителей движения источники несколько раз упоминают Адина-кула и Ма'мура, называемых иногда биями, однако из материалов не видно, чтобы оба эти лица играли особо активную роль или оказывали решающее влияние на ход событий. Наоборот, согласно одному из приводившихся нами источников, эти лица только примкнули к движению. Не вполне ясен даже вопрос, являлись ли оба названные лица действительно выразителями интересов родовой феодальной знати и не были ли они выдвинуты массами рода в момент восстания, на что указывают отчасти приводившиеся выше слова мир Алима и мирзы Шемса Бухарского.

Впрочем сам по себе факт участия в народных или крестьянских движениях отдельных представителей господствовавших классов еще ничего не говорит, так как подобные случаи наблюдались и в Европе, например в Германии XVI в. или Англии XIV в., где во главе крестьянских ополчений находились иногда отдельные выходцы из дворянства, действовавшие, однако, под постоянным контролем и руководством восставшего населения.

Следует отметить также, что рассматриваемое восстание представляет заметный контраст с рядом других одновременно происходивших с ним движений, во главе которых стоит фигура того или иного феодала (Аталык-бек, Катта-бий и др.), оказывающего решающее влияние на ход действий и затмевающего собою участие широких масс. Для данного движения является характерным, что, несмотря на переход одного из его руководителей на сторону

эмира и бегство другого из них в Коканд,[1] восстание снова возобновилось в 1826 г. и не развернулось с прежней силой, повидимому, лишь только потому, что господствующей верхушке (калянон) на этот раз удалось разложить движение изнутри.

Значительный интерес представляет также отношение к восстанию со стороны городского населения, представленного здесь в массе ремесленниками.

Выше уже отмечалось, что в городе Катта-кургане часть населения, во главе с аксакалом, оказалась на стороне восставших и даже оказала им активную поддержку, открыв им городские ворота.

Здесь же существовала, однако, и другая группа жителей, состоявшая, повидимому, из наиболее богатых торговцев и, возможно, духовенства, которая оказала противодействие восстанию и вызвала на помощь эмирские войска.

Этот, сам по себе как бы незначительный, эпизод чрезвычайно характерен, однако, как показатель соотношения классовых, враждебных друг другу, сил в среднеазиатском городе рассматриваемой эпохи.

В смысле напряженности существовавших классовых взаимоотношений весьма показательным является также эпизод, связанный с неудачной попыткой эмира воздействовать на восставших через одного из наиболее популярных представителей духовенства.

Из ряда других эпизодов, характеризующих социальную жизнь города в рассматриваемый период, можно отметить события в Самарканде в 1826 г., выразившиеся в том, что здесь возмутившейся частью населения был убит один из представителей городской власти, аксакал Лятиф-ходжа, после чего толпа жителей (фукара) намеревалась произвести избиение начальствующих лиц из мангытов, в руках которых находилось, повидимому, налоговое дело. Наместнику города Сафар-бию (сыну Давлета-кушбеги) удалось, однако, хитростью убедить толпу

---

[1] Про Ма'мур-бия рассказывается, что он после падения Янги-кургана бежал в Коканд, где вместе с Мадали-ханом участвовал в известном кашгарском походе. В царствование эмира Насруллы Ма'мур вернулся в Бухару, где получил звание бия и умер в 1246/1830 г. (Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 182а).

воздержаться от расправы, благодаря чему этот «бунт» (фитна) был ликвидирован.[1]

Как этот, так и другие подобные ему факты показывают, что оппозиционные элементы существовали не только в бухарской деревне, но и в городе и проявляли себя, как только представлялся сколько-нибудь удобный момент. Однако несмотря на это мианкальское восстание 1821—1825 гг. потерпело неудачу, не встретив поддержки ни со стороны города, ни других достаточно широких масс населения ханства. Это обстоятельство со всей наглядностью подчеркивает глубокое замечание Ф. Энгельса о том, что в периоды крестьянских войн крестьянство, как и каждый общественный класс того времени вообще, «создавало свое движение на свой собственный страх и благодаря этому попадало в коллизию не только с консервативными, но и с остальными оппозиционными сословиями, и в конце концов должно было терпеть поражение».[2]

Лучшим подтверждением этой мысли могут служить взаимоотношения восставших с населением Самарканда, среди которого, как мы уже видели, происходили вспышки открытых возмущений, но которое тем не менее не оказало необходимой поддержки восставшим крестьянам Мианкаля.

Говоря здесь о «восставших крестьянах Мианкаля», мы имеем в виду оттенить этим лишь основной контигент участников, не находя, однако, возможным категорически утверждать, что данное восстание по своему характеру являлось крестьянским. Для этого нам нехватает еще многого и в первую очередь — достаточно определенных указаний наших источников о том, что характер и цели данного движения определялись если не целиком, то хотя бы по преимуществу интересами широких масс крестьянства и не были направлены на удовлетворение запросов другого, чуждого или даже враждебного им класса. Не подлежит сомнению, что элементы аграрно-крестьянского движения занимают в мианкальском восстании довольно видное место, однако, можно сомневаться в том, принадлежала ли этим элементам основная, ведущая роль и не находилась ли в конце концов масса крестьянства под влиянием

---

[1] Гульшен-аль-мулюк, цит. рукоп., л. 185б — 186а.

[2] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, изд. 4-е, М., 1932, стр. 106.

местных феодалов, боровшихся против эмира за свое господство в пределах «своей» территории.

Способствовало ли восстание 1821—1825 гг. улучшению быта крестьянских масс — сказать пока трудно, однако, не подлежит сомнению, что урок, данный мианкальскими событиями, не мог пройти бесследно для истории бухарского феодализма. Если еще в конце 60-х гг. XIX в. исследователи отмечают, что «эмиры всегда боялись китаев и особенно кипчаков»,[1] то может быть одна из главнейших причин этого заключалась в описываемых событиях 1821—1825 гг.

Потрясения, вызванные китай-кипчакским восстанием в экономической и политической жизни Бухарского ханства, были весьма велики и при современном состоянии источников могут быть учтены лишь отчасти.

Прекращение платежей со стороны обширного густо населенного района Мианкаля, так же как и военные издержки, связанные с подавлением восстания, не могли не отразиться на состоянии казны эмира Хайдера.

Уже цитировавшийся многократно Мухаммед Я'куб отмечает, что в связи с восстанием китай-кипчаков расходы эмира значительно возросли. Испытывая нужду в средствах, «повелитель правоверных» вынужден был прибегать к займам и сокращать содержание своим приближенным, не выплачивая по нескольку месяцев подряд положенного им жалования.[2]

Показательно также, что мангытская знать, являвшаяся главной опорой эмира, в течение всех пяти лет, пока продолжалось это «несчастье» (т. е. восстание), должна была мириться с сокращением установленных ей денежных выдач.[3]

Чрезвычайно болезненный характер переживавшихся Бухарой, в связи с восстанием, потрясений отмечается также ферганскими историками, цитирующими письмо эмира Хайдера к кокандскому хану Мадали, где говорится о китай-кипчаках, как о главных виновниках всех посетивших Бухару «великих несчастий».[4]

Ослабляя казну эмира и лишая его армию значительных людских кадров, восстание способствовало таким образом общему

[1] Сборник «Русский Туркестан», цит. соч., стр. 103.
[2] Рисале, цит. рукоп., л. 30а.
[3] Там же, цит. место.
[4] Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. Д 90, л. 174б.

понижению политического значения Бухары в глазах ее соседей,— Хивы, Коканда и Шахрисябза, усиливавшихся в это время за счет ослабления Бухарского ханства.

Внешняя торговля Бухары также должна была испытать на себе последствия китай-кипчакского восстания, поскольку последнее протекало в районе прохождения основного торгового пути в Фергану и Ташкент и далее в Россию и Западный Китай.[1]

Говоря о последствиях восстания, нельзя обойти молчанием также вопроса о том влиянии, какое оказали события 1821—1825 гг. на дальнейшую хозяйственную жизнь мианкальского крестьянства.

Влияние это должно было сказаться, в первую очередь, на дальнейшей убыли скота, неизбежно вызывавшейся происходившими в районе военными событиями, продолжавшимися притом весьма длительный период и охватывавшими собою весь занятый китай-кипчаками район.

В своем описании хозяйственного быта соседних с китай-кипчаками каракалпаков Гребенкин отмечает, что «войны с эмиром Сеидом,[2] в которых принимали участие каракалпаки, как союзники кипчаков и китаев, вконец разорили их и заставили обратиться к оседлости и приняться за хлебопашество».[3]

Если таковы были последствия восстания 1821—1825 гг. для каракалпакского населения, то тем более тяжело они должны были отразиться на китай-кипчаках, существенно не отличавшихся в хозяйственном отношении от своих ближайших соседей. Пережитое в результате восстания экономическое потрясение не могло, разумеется, не повлечь за собой также тех или иных значительных изменений в социальной структуре района, изучение которых должно, впрочем, составлять особую задачу.

* * *

Изложенными, по существу немногими, данными исчерпывается пока доступный нам материал о мианкальском восстании 1821—1825 гг. Этих данных, разумеется, слишком недостаточно для уяснения всех сторон интересующих нас событий, поскольку они затрагиваются нашими источниками, как уже отмечалось, лишь попутно, между прочим.

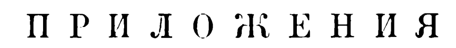
---

[1] Ср. по этому поводу прим. 6, стр. 76.

[2] Один из обычных титулов эмира Хайдера.

[3] Сборник «Русский Туркестан», цит. соч., стр. 96.

Не претендуя поэтому на исчерпывающую полноту и законченность и рассматривая свою работу лишь в качестве первого приближения к исследованию фактической стороны восстания 1821—1825 гг., автор будет вполне удовлетворен, если его труд послужит некоторым толчком к дальнейшему, более углубленному, изучению источников по затронутому здесь вопросу. Можно надеяться, что остро ощущаемый в настоящее время недостаток фактического материала современем удастся пополнить в первую очередь за счет соответствующих документов, выявление и разработка которых вообще является одной из ближайших задач новой истории Узбекистана. Детальное изучение мианкальского восстания по первоисточникам необходимо тем более, что данное восстание представляет собою один, по-видимому, из последних и наиболее интересных эпизодов, связанных с героической борьбой узбекского крестьянства феодальной Бухары за свое раскрепощение от многовекового социального гнета, борьбы, завершившейся окончательным успехом лишь с победой Великой пролетарской революции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приводимые ниже в переводе отрывки из «Истории эмира Хайдера» имеют бо́льшее значение для общего знакомства с эпохой, чем для непосредственного изучения восстания 1821—1825 гг. Уже самый факт появления в XIX в. сочинения, написанного в стиле такой «истории», характерен для культурного и политического уровня наиболее образованной части бухарского общества, представленной здесь в большинстве духовенством.

Не имея возможности замолчать жестокости, чинившиеся эмирским правительством над беззащитным населением, авторы тем не менее относятся к восстанию вполне отрицательно, как к незаконному «бунту» или действиям шайки разбойников. Эмир всюду выступает как живое воплощение доброты и справедливости, как отец своих подданных, вынуждаемый лишь иногда прибегать к наказанию непослушных. Чтобы рассеять у читателя всякие сомнения в виновности «бунтовщиков», авторы выводят на сцену небесные силы, которые и помогают эмиру совершить кару над нарушителями закона.

Простой понятный язык и крайне непритязательная форма рассказа делают «Историю эмира Хайдера» доступной широким массам читателей, на что книга, повидимому, и была рассчитана. Для придания своему рассказу большей занимательности авторы вводят в свое повествование значительное число второстепенных и даже посторонних эпизодов, хотя и не имеющих непосредственного отношения к восстанию, однако чрезвычайно ярко изображающих многие характерные черты бухарской жизни того времени. В этом и заключается основное значение предлагаемых отрывков.

Образцом противоположного по характру исторического произведения может служить «История эмира Насруллы», отражающая на себе многие особенности и недостатки среднеазиатской официальной историографии, с ее необычайной вычурностью стиля и крайне скудным и односторонним фактическим содержанием.

КИТАЙ-КИПЧАКСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИБАДУЛЛЫ И МУХАММЕД ШЕРИФА, АВТОРОВ „ИСТОРИИ ЭМИРА ХАЙДЕРА“

(Перевод из рукописи Гос. Публ. Библиотеки УзССР)[1]

Рассказ 70-й. *О назначении эмира Насруллы правителем Каршинского вилайета и о смерти Нияз Али.*

Рассказывают, что однажды эмир Хайдер решил назначить своего сына на управление Каршинским вилайетом (1). Написав на имя Насруллы ярлык и назначив Кабиль-джан-бия аксакалом (2), эмир приказал всем своим приближенным присылать своих сыновей на службу Насрулле. Таким образом у шахзадэ (царевича) собралось много людей.

На следующий день, когда сборы были закончены, эмир направился с своим сыном к гробнице Накшбенда (3), чтобы помолиться перед дорогой. После этого они расстались.

Шахзадэ торжественно направился в Карши, а эмир вернулся в Бухару и воссел на престоле справедливости.

Совершая свой путь, шахзадэ на каждом привале устраивал обильные угощения.

Когда весть (о приближении Насруллы) дошла до (правителя Карши) Ибадулла-бия, он выступил со многими подарками навстречу царевичу и ввел его в город, вслед за чем шахзаде приступил к управлению. Все (местные жители) являлись к нему, чтобы засвидетельствовать свою преданность.

Царевичем были разосланы повсюду грамоты (о своем прибытии), вследствие чего все правители городов, как, например, Хузара (Гузар) и Хисара, явились к нему с приветствиями и дарами. Не явился лишь один правитель Шахрисябза Нияз

---

[1] Переведено по копии, изготовленной И. Адиловым, которая теперь передана мною в рукописный отдел Института востоковедения. Цифры на полях перевода обозначают страницы копии рукописи. В круглые скобки взяты слова, хотя и отсутствующие в тексте, но легко подразумевающиеся. В квадратных скобках заключается пересказ.

Али, так как был горд и самомнителен. Царевич стал готовить свои войска, чтобы его наказать.

Узнав об этом, Нияз Али прислал большие подарки и в свою очередь был награжден царевичем халатом (сарупа).

Через некоторое время Нияз Али занемог и умер, назначив на управление Шахрисябзом своего сына Мухаммед Садык-бека. Передают, что когда Мухаммед Садык-бек разослал вокруг грамоты о своем вступлении, все (местные) правители явились к нему с поклоном и выражением своей покорности.

Теперь послушайте о Самарканде, где правителем (в это время) состоял Давлет-кушбеги. У Давлета-кушбеги был внук, происходивший от Мухаммед Шериф-бия, по имени Мухаммед Шукур-бек.

Женив Шукур-бека, кушбеги послал большие подарки 3
эмиру, а эмир прислал Шукур-беку грамоту на управление Янги-курганом.

Шукур-бек явился в Янги-курган и стал здесь править. (Прежний) хаким Янги-кургана направился к эмиру в Бухару.

Теперь послушайте о другом.

Когда Аяз-бий[1] отправлялся в Мерв, он приказал своему приближенному (гулям) Мирза-хану собрать в вилайете подати (харадж).

Мирза-хан явился к китай-кипчакам. Каждое из этих двух племен (кабиле) состояло из 40 000 семейств (ханэвар), а всего 80 000 семейств.

Действуя жестокими средствами, Мирза-хан подвергал мучениям (4) каждого, кто не уплачивал ему сразу хараджа. Он являлся на дом к тем, кто скрывался, и брал насильственно все, что попадалось. Жестокость его не поддается описанию.

Так же жестоко действовал и Мухаммед-Шукур-бек в Янги-кургане. Давлет-кушбеги неоднократно предостерегал его, но тот не слушался.

Теперь послушайте об эмире.

В это время эмир послал в Самарканд (некоего) Эрбута-токсаба, назначив его одним из четырех хакимов города (5). В числе их был назначен также Али Мердан-бий. Старшим над ними был Давлет-кушбеги.

[1] В тексте ошибочно Нияз-бий. Речь идет о правителе Катта-кургана.

У эмира в это время была радость: одна из его жен родила
4 двух сыновей. Одному из них было дано имя мир Зубейд, а другому мир Хамза.[1]

Теперь послушайте о другом.

У китай-кипчаков было два начальника (сердар), одного из которых звали Ма'мур-бий, а другого — Адина-кулы. Люди этих племен явились к своим начальникам и стали жаловаться на жестокость Мухаммед Шукур-бия, сына (ферзанд) Давлета-кушбеги и Мирза-хана, приближенного (мулазим) Аяз-бия. Жестокость этих людей, говорили они, перешла всякие границы. Мы изрубим Мирзу-хана на куски, а Шукур-бия арестуем.

Начальники согласились с этим.

На другой день китай-кипчаки убили Мирзу-хана, а Шукур-бия отправили к Давлету-кушбеги в Самарканд. После этого китай-кипчаки вышли из повиновения Давлету-кушбеги. Собравшись в большом числе на совещание, они решили выбрать себе (общего) начальника и написали об этом письмо Мухаммед Садык-беку в Шахрисябз.

Получив это письмо (правитель Шахрисябза) направил к китай-кипчакам Мухаммед Хусейн-хана (6) со ста храбрыми юношами. Мухаммед Хусейн-хан ночью явился в Янги-курган и был с почетом и радостью встречен здешними начальниками.

5 По приказанию прибывшего, мунши (секретарь) написал письмо во все концы вилайета.

Одно письмо было послано *найманам*, другое *джелаирам*, еще одно *митанам* и еще племени *мир-шикар*.

Получив эти письма, представители указанных племен явились к Хусейн-хану и изъявили ему свою покорность.

(Теперь) послушайте два слова о другом.

Передают, что Катта-бек бежал из крепости Магиян (7) и прибыл в Шахрисябз. Узнав здесь о том, что китай-(кипчаки) произвели восстание, он в сопровождении ста своих молодцов (букв. юношей) явился в Ургут. Дело происходило ночью. Подъезжая к крепости, Катта-бек обратился к своим наездникам со следующими словами: «Не найдется ли среди вас такого, кто вошел бы в крепость и открыл бы ее ворота». Из отряда выступило десять отважных молодцов. Пробравшись в крепость и отрезав головы привратникам, они ключом открыли ворота.

---

[1] О них упоминает также мирза Шемс (цит. соч., стр. 23).

Катта-бек вошел со своими воинами в крепость. Все кругом стали произносить имя Катта-бека (объявляя его правителем).

(Прежний) правитель, оставленный здесь эмиром, убедившись в своей беспомощности, должен был уйти, а Катта-бек стал править. После того как он всюду разослал свои грамоты, к нему явились все военные (лешкерѝ) и засвидетельствовали ему свою покорность.

Бежавший хаким явился к Давлету-кушбеги и рассказал ему о случившемся.

Правитель Самарканда послал (соответствующее) извещение 6
в Бухару. С письмом отправился Эрбута-токсаба, который, однако, дорогой попал в руки китай-кипчаков и был ими убит. Тело его было похоронено на кладбище Шах-и-Зинда.

Рассказ 71-й. *Смерть Давлета-кушбеги и назначение хакимом Самарканда мир Хусейна.*

Рассказывают, что когда Давлет-кушбеги послал эмиру письмо, на него нашла болезнь, от которой он в понедельник скончался.

Когда об этом стало известно эмиру, он выдал ярлык на управление Самаркандом (своему сыну) Хусейну-тӧре.

Прибыв благополучно в Самарканд, мир Хусейн совершил дженазе над прахом умершего и похоронил его на кладбище Шах-и-Зинда.

Жители Самарканда — толпа за толпой — приходили к царевичу, изъявляя ему свою покорность и повиновение.

(Теперь) послушайте об эмире.

Отправив царевича в Самарканд, эмир вошел в мечеть (8) и предался молитве. Здесь ему было видение: эмир увидел, будто на него со всех сторон надвигается пламя. Когда огонь
подошел близко, вся одежда эмира сгорела. Увидев себя голым, 7
эмир задрожал и (от страха) проснулся...

После этого он собрал у себя ученых и толкователей снов. Среди них находился (также) ишан, дамулла мир Абдулла махдум, (по профессии) переписчик (9). Истолковав сон эмира, ученые сказали: «Владения, которые приобрели вы своим мечом, от вас уйдут» (10).

В это время во дворец вошел человек и сообщил, что Катта-бек ушел из Шахрисябза и захватил Ургут. Явился еще человек

и сказал, что Мухаммед-Рахим-аталык занял своим гарнизоном крепость Учма (11). Эмир тотчас же назначил Абдуджаббар-инака хакимом в Нур-атинский вилайет. В это время явился снова человек и доложил, что могущественный Мухаммед Рахим-хан ургенчский (хивинский) собрал многочисленное войско и собирается отомстить за кровь своего брата (12).

Эмир выслушал каждое из этих тревожных известий и воздал хвалу всевышнему.

Оставьте теперь эмира Бухары и выслушайте два слова о Мухаммед-Хусейн-хане, Адина-кул-бие и Ма'мур-бие.[1]

8 Отправив свои грамоты к семи родам (13), Мухаммед-Хусейн собрал многочисленное войско и стал на путь завоеваний.

Сначала направились они к Чилеку и с первого же приступа овладели этой крепостью, потом двинулись к Лаишу и также его забрали. Отсюда пошли они на Катта-курган, который также не мог против них устоять. (Здесь) они совершили много насилий над женами Аяз-бия и разграбили его казну, после чего они вернулись в Янги-курган.

Об этих происшествиях узнал (правитель Пейшамбе) Тӧре-ходжа, который отправился сообщить об этом эмиру.

Ознакомившись с положением дел, эмир созвал своих начальников на совещание. Начальники сказали: «О, повелитель. Сон сбывается. Но пока появилась только змея, когда появится дракон (аждаха), тогда наступит трудное время».

Побоявшись выступить в поход лично, эмир написал письмо Насрулле, чтобы тот собрал каршинские войска и направился (против восставших).

Шахзадэ стал собирать отовсюду войска и раздал им деньги для приготовления к походу.

Теперь выслушайте два слова о Тӧре-ходже.

Передают, что когда ходжа узнал о назначении Насруллы против китай-кипчаков, он сам также начал готовиться к походу,
9 написав царевичу, что будет ему помогать и что, даст бог, они Катта-курган заберут.

---

[1] К двум первым из них автор прилагает эпитет «кытай» — «китайский».

Стихи: Весь мир можно завоевать, если действовать единодушно.

Царевич остался этим очень доволен и выразил свое одобрение (14).

Рассказ 72-й. *Первое выступление эмира Насруллы против китай-кипчаков, прибытие Тӧре-ходжи и поражение китаев.*[1]

Рассказывают, что Насрулла пробил в барабан выступления и, выйдя из Карши, направился по дороге через Орта-чуль.

Тӧре-ходжа в это время уже прибыл к Катта-кургану (15). Здесь он разделил свои войска на две части, из которых одна приблизилась, во главе с ходжой, к китай(-кипчакам) и вступила с ними в сражение. Когда эти войска были окружены китаями, подошла другая часть, от которой враги обратились в бегство. Они (китаи) прошли через Хайдер-чаман (16) и укрылись в крепости (Катта-курган). Преследуя их, Тӧре-ходжа дошел до медресе Накыба (17).

Завязалась настолько жестокая битва, что перо бессильно ее описать. Видя бесчисленное множество китаев, Тӧре-ходжа совершил в своем сердце молитву.

В это время в степи показалось многочисленное войско. От звуков барабанов, флейт и цимбал сотрясалась земля перед могуществом шахзаде и вся вселенная пришла в смятение (18). Издав боевой клич, предводители войска Карши, один за другим, бросились в битву.

Китаи обратились в бегство.

Увидев это, шахзаде приказал занять ворота (Катта-кургана). В каждых воротах стали двое начальников с войсками. Шахзаде приказал разбить свой золотой шатер перед воротами Катта-кургана и там поместился. Каршинские начальники и Тӧре-ходжа связали всех захваченных ими китаев. Имущество и достояние их они разграбили.

После этого были схвачены и приведены (к Насрулле) начальники (калян) Катта-кургана. Главным из них был аксакал Сафар-бай. Его поставили перед царевичем. Шахзаде сказал: «Убейте его, так как это тот человек, который передал китай(-кипчакам) крепость Катта-курган». Его убили.

[1] Вместо «китай-кипчаки» авторы часто употребляют сокращенное выражение «китаи» (хытай).

Короче говоря, шахзаде в этот день приказал убить 700 человек из китаев. Всем им отрезали головы на краю рва (хандак),
11 после чего тела их бросили в ров. Люди пришли в трепет от этого поступка царевича.

После этого Насрулла написал отцу письмо о своей победе.

Прочитав письмо, эмир был весьма опечален совершенными шахзаде убийствами.

На управление Катта-курганом был послан мулла Бурхан-бий, который явился к царевичу и по его приказу вступил в управление.

Тӧре-ходжа направился в Пейшамбе.

После этого шахзаде позвал к себе аксакалов Катта-кургана и раздал им подарки, а те принесли ему присягу в том, что больше бунтовать не будут.

Однако слабые остатки китаев вместе с их скотом и имуществом были отправлены в Янги-курган.

Прибыв в Янги-курган, эти несчастные на следующий же день возмутились (снова) и выступили против Хатырчи.

[Далее в стихах рассказывается о том, что китай(-кипчаки) распространили свои набеги от Хатырчи до Митана, вводя в искушение весь народ. Окружив крепость Митан, восставшие держали ее 40 дней в осаде.]

Рассказ 73-й. *Выступление Абдуррахмана Митанского и сражение его с китай(-кипчаками).*

12 Рассказывают, что в крепости (городе) Митане жил человек, у которого было семь сыновей. Все они отличались чрезвычайной храбростью, особенно тот из них, которого называли Абдуррахман-бехадыр Митанский. Перед тысячью человек он на войне не испытывал страха.

Обратившись однажды к отцу, он сказал: «Докуда мы будем сидеть в осаде?»

Тогда Барат-бай (отец его) выступил из крепости со своими сыновьями и своим племенем (митанов), вступил в борьбу с китаями и внес смятение в их ряды. В течение сорока дней они делали вылазки, во время которых Абдуррахман наносил войску китаев большой ущерб.

В конце концов китай(-кипчаки) были настолько обессилены, что вынуждены были снять осаду и возвратиться в Янги-курган.

После этого у них явилось намерение выступить против Самарканда.

Среди китаев жил человек, проникновенный в тайны чудес (божиих). Имя этого святого было Хусейн-халифе. Халифе сказал[1] китаям: «Сначала войду в Самарканд я со своими мюридами, а потом идите вы». После этого он через проход (гузар) Чупан-ата вошел в город.

Мир Хусейну сообщили, что прибыл, де, такой святой человек. Шахзаде приказал привести к себе этого ишана. Его привели со всякими почестями.

Теперь выслушайте два слова о китай-кипчаках. 13

Адина-кул и Ма'мур-бий, переправившись через реку (Зеравшан), подступили (к Самарканду).

Когда о приходе их сообщили мир Хусейну, тот не нашел другого выхода, как только запереться в крепости. Закрывшись кругом, он стал принимать меры предосторожности.

Халифе Хусейн послал одного из своих суфиев к Мухаммед Хусейн-хану, Адина-кулу и Ма'мур-бию, чтобы сказать им (следующее): «Как только мы зажжем огонь на крыше медресе Хурджин, вы (тотчас же) направляйте своих коней на город. Я (буду действовать) извнутри, а вы — извне».

Суфий доставил это известие начальникам и по возвращении сказал, что те готовы.

Мир Хусейн, однако, продолжал старательно укрепляться и сделал свою крепость (недоступной), как (мифическая) стена Александра (Македонского). Ночью он (мир Хусейн) освещал город факелами. (Однажды) халифе послал из крепости сказать начальникам (китай-кипчаков), чтобы они этим вечером были готовы, так как момент для совершения задуманного дела (уже) наступил.

Выходя (из крепости), суфий — «вестник», по воле провидения, попал в руки караульных мир Хусейна. Его связали и привели к царевичу, а там нашли и прочитали его письмо. Жители города хотели после этого изрубить халифе на куски,

---

[1] В тексте «они сказали». Про халифе, так же как и про других действующих здесь значительных лиц, авторы из почтительности везде говорят во множественном числе.

14 однако шахзаде не допустил, чтобы его кровью обагрилось оружие. В конце концов этого ишана арестовали. (Несмотря на то, что) шпионы китай-кипчаков сообщили им о происшедшем в городе, эти безголовые узбеки выступили, однако, против Самарканда.

Царевич, в свою очередь, вступил с ними в бой и выгнал их из города.

(Во время боя) был момент, когда (вдруг) поднялся вихрь и послышались (с неба) необыкновенные голоса. Китай-кипчаки (в страхе) обратились в бегство. Пробежав через Чупан-ата, они бросились в реку.

[Далее в стихах описывается поражение «безумных» китаев, часть которых утонула при переправе через Зеравшан. Победа над китай-кипчаками рассматривается как чудо, совершенное Шах-джован'ом, пославшим будто бы на врагов небесные стрелы (18).]

Бежав таким образом от невидимого войска, китаи ушли, наконец, к себе в Янги-курган.

Мир Хусейн написал об этом происшествии (нападении китай-кипчаков) эмиру, который был весьма огорчен этим обстоятельством и решил лично выступить в Самарканд.

15 Рассказ 74-й. *Выступление эмира против китай-кипчаков, возмущение Рахим-хана Хорезмского и приход этого неблагодарного к Чарджую.*

Рассказывают, что, получив эти тревожные сведения, эмир Хайдер выступил (в поход).

Когда он подошел на расстояние двух сенгов[1] к Янги-кургану, на него напало войско китаев.

В это время из крепости Митан явился юноша, который прокричал: «Каждый, кто знает — (тот) знает, (а) кто не знает — так пусть знает, что я — Абдуррахман Митанский» (19).

Сказав это, он бросился на войско китай(-кипчаков). Каждым взмахом своего меча он убивал по нескольку врагов. Войско китай(-кипчаков) поднялось и двинулось (в бой).

С этой (бухарской) стороны на помощь ему (юноше) эмир послал Мухаммеда-Риза-автобачи. Битва разгорелась настолько

---

[1] См. прим. 29 на стр. 119,

жестокая, что и описать ее нельзя. Бросились в бой и остальные эмирские начальники. Каждый из них выступил против (одного) из начальников (китай)-кипчаков. Некоторых из них они (бухарцы) убили, других ранили. Абдуррахман Митанский выступил против Хак-Назара-китая и разрубил его надвое. Шах-
мурад (из китай-кипчаков) вышел против Мухаммеда-Риза 16
автобачи и убил его. Шукур-токсаба выступил против этого негодяя и уложил его на месте одним ударом сабли, а Берды-яр-кипчак разрубил на четыре части Мухаммед-Садык-бека.

Вопли (отчаяния) послышались со стороны войска эмира. Оно начало отступать. (Противники) отошли друг от друга. Абдуррахман Митанский (также) ушел с поля битвы со своим племенем. Когда наступила ночь, эмир спросил: «сколько (моих) начальников убито?» Ему ответили: из начальников семь убитых и несколько раненых, а из войск убито пять тысяч человек. Эмир снова спросил: «Сколько убито из китаев». Ответили: «Из (их) начальников убито семнадцать человек, а из войска убито десять тысяч человек». Эмир испустил тяжкий вздох, потому что и те и другие (убитые) были его воины.

Стихи: и те и другие были мусульмане.

После этого эмир отправился в дом молитвы и молил бога о том, чтобы всевышний даровал ему примирение с китай-кипчаками.

После (утреннего) намаза бамдад войска снова выстроились. Тот юноша из митанов (снова) явился и приготовился к бою.

Через некоторое время этот мужественный человек выступил 17
один из рядов и, произнося славословие эмиру, ударил на войско китаев, рубя пополам (их) людей и коней. Было близко к тому, что китаи будут разбиты. (Однако) эмир приказал отступить.

Тот юноша из митанов снова удалился со своими нукерами. Эмир (также) расположился на отдых. Будучи крайне изумлен подвигами Абдуррахмана, эмир сказал, что если на следующий день (снова) начнется сражение, то чтобы юношу этого не пускали в бой, а привели к нему. Все (приближенные) изъявили свое согласие на это.

Рассказывают, что когда на другой день войска обеих сторон снова начали готовиться к битве, тот юноша снова явился и занял свое место (в эмирских) рядах. Эмир велел юношу позвать к себе,

думая оказать ему свое внимание, однако тот ответил, что он не воспользуется милостями эмира до тех пор, пока до конца не завершит своего дела.

Вслед за этими словами он обнажил свою саблю и, как разъяренный лев, бросился на китаев.

Адина-кул и Ма'мур-бий послали человека, чтобы привлечь его (Абдуррахмана) на свою сторону. «Мы исполним все, что ты хочешь», говорили они ему.

Подозвав к себе посланного, Абдуррахман так ударил его своей саблей, что у того голова разделилась надвое.

После этого китай-кипчаки набросились на Абдуррахмана,
а эмир с своей стороны приказал войску начать сражение. Дело
18 стало клониться к тому, что китай-кипчаки оказались стесненными и были близки к поражению, однако эмир приказал отступить. Тот юноша снова удалился в свой лагерь, так что никто этого не заметил. Когда он вошел в свою палатку и распоясался, у него из-за пазухи стали падать (пули?) (20). Они, однако, на него не подействовали, так как юноше этому покровительствовали святые.

На следующий день сражение снова возобновилось. Абдуррахман явился к эмиру и (снова) выступил против китаев. Против него вышел Давлет-бай, кипчак. Абдуррахман так ударил его саблей, что у того одна рука упала наземь...

В конце концов китаи обратились в бегство и заперлись в Янги-кургане. Войска эмира расположились (у крепости). Абдуррахман хотел напасть на крепость, но окружающие начальники не допустили его до этого и привели его к эмиру. Здесь этот храбрец был награжден чином токсаба (21).

Эмир хотел было отправиться в Самарканд, но в это время пришло известие о том, что Мухаммед Рахим-хан подступил к Чарджую.

Эмир поэтому отправился в Бухару, захватив с собой и Абдуррахмана.

Рассказывают, что по прибытии в свою столицу эмир полу-
19 чил письмо, из которого узнал, что окрестности Чарджуя уже заняты хивинцами. Через двое суток эмир выступил к Чарджую.

[Далее рассказывается о занятии хивинским отрядом бухарской крепости Фараба.]

Рассказ 77-й. *Поход эмира против крепости Ярты-тепе и Хузара, завоевание этих крепостей и выступление против китай-кипчаков.*

Рассказывают, что по возвращении своем в Бухару, эмир привел в порядок здешние дела и через несколько дней выступил в Карши, где был почтительно встречен своим сыном, сейид эмиром Насруллой. Было устроено по этому случаю большое празднество. На следующий день (эмир) отправился к крепости Ярты-тепе (22) и обложил ее. Крепость эта также (?) находилась на горе.

Шахмурад из сараев хотел было выступить против эмира, 20
но не имел достаточных сил, а потому заперся в крепости. Эмир трое суток осаждал его, обстреливая крепость из пушек. Однако ядра не достигали стен крепости, так как она была расположена высоко. Через несколько дней Шахмурад-сарай почувствовал, что положение его затруднительно, а потому вышел через ворота из крепости и ушел.

Говорят, что он явился к Мухаммед Садык-беку, которому и рассказал о своем положении.

Тот отправил письмо к китаям, говоря им, чтобы они действовали. Вслед за письмом он послал им много пороха и свинца.

Когда письмо и припасы были получены, китаи тотчас же собрали свое войско и выступили против крепости Митана.

Абдуррахман долгое время сражался с ними, (однако) затем заперся в крепости.

Услыхав об этом, Тöре-ходжа послал письмо мулла Бурхан-бию в Катта-курган.

Ознакомившись с положением, мулла Бурхан-бий собрал войско и направился к Митану. Туда же прибыл и ишан Тöре-ходжа. Войска китаев разделились на две части: одна выступила против них (пришедших), другая осталась у Митана. В конце концов мулла Бурхан попал в плен. Тöре-ходжа удалился, так как был не в состоянии (один) сопротивляться.

Узнав об этих событиях из письма мир Хусейна, эмир весьма опечалился. Начальники (его) также находились в недоумении, не зная, что произойдет дальше.

Через некоторое время эмир успокоился и снова выступил 21
со своими начальниками против крепости (Ярты-тепе). (Вскоре)

заметили, что крепость не отвечает. Наконец выяснилось, что (начальник ее) ушел через горные ворота и направился в Шахрисябз.

Эмир приказал эту крепость разрушить, а сам отправился в Карши. Выехав оттуда по Орта-чульской дороге, он прибыл к Янги-кургану. Когда об этом узнали китай-кипчаки, они возвратились из-под Митана и напали на (войска) эмира. Завязалась упорная битва.

Абдуррахман Митанский прибыл к эмиру и стал ему помогать. Царевич Хусейн-хан хотел явиться к отцу на помощь из Самарканда, однако эмир запретил ему это сделать. В это же время Мухаммед-Рахим-аталык прибыл из Ура-тепе и присоединился к эмиру [о чем подробнее несколько ниже].

Почувствовав себя стесненными, китай(-кипчаки) вошли
в крепость (Янги-курган) и заперлись в ней. Несмотря на вся-
ческие старания эмир не мог взять крепости и отправился
к Чилеку, над которым начальствовал Ма'мур-бий. Тот негодный
22 вступил с эмиром в бой, но в конце концов (отступил и) заперся
в Чилеке. Когда эмир приступил к осаде крепости, (со стороны)
показалось войско. Это явился на службу эмиру Мухаммед
Рахим, сын Худаяр-бия, с своими войсками. Эмир указал ему
на крепость. Тот двинулся на нее. Однако (в это время) Ма'мур-
бий подал ему какой-то условный знак. Узнав о действительных
намерениях Мухаммед-Рахима-аталыка, эмир не сказал ему
(больше) ничего.

Рассказывают, что осада Чилека продолжалась несколько дней, однако успеха не имела.

В конце концов эмир выдал большие подарки Мухаммед-Рахиму и отпустил его, а сам ушел в Бухару, где и стал творить справедливость (управлять).

Мухаммед-Рахим-аталык[1] прибыл в Самарканд и явился к мир Хусейну. Царевич устроил в честь этого лицемера пир. Тот потребовал для себя крепость Джизак. Шахзаде ее отдал ему. Эта крепость лишь потом, во время правления эмира Насруллы, была взята (обратно).

Мухаммед-Рахим-аталык посадил в Джизаке своего брата, а сам ушел оттуда и направился в Ура-тепе.

---

[1] В тексте ошибочно «хан», что указывало бы на Мухаммед-Рахим хана Хивинского.

Услышав эти вести, эмир растерялся.

Теперь оставьте их (эмира и пр.) и выслушайте два слова 23
о другом.

Рассказ 78-й. *Вторичное выступление Мухаммед Рахим-хана Хорезмийского. Его прибытие в Бухару и насилия его (над населением).*

Передают, что когда Мухаммед Рахим-хан потерпел поражение под Чарджуем, он ушел обратно и занялся приведением в порядок своих (расстроенных) войск. Собрав наконец войска, он (снова) направился на Бухару. Достигнув (бухарских владений) он расположился на берегу реки (Аму-дарьи). Шпионы сообщили ему, что эмир (Хайдер) находится в данное время в г. Бухаре. Хитрый хан направил своего посла к китай(-кипчакам). Тот вскоре явился в Янги-курган. Узнав о прибытии посла, Мухаммед Хусейн-хан, Ма'мур-бий и Адина-кул призвали его к себе и ознакомились с доставленным им письмом. В письме говорилось о том, что вы, де, с той (самаркандской) стороны беспокойте эмира, а я подойду отсюда и заберу Бухару. Согласившись (с этим предложением), они отпустили посла.

На следующий день они (китай-кипчаки) произвели набег на окрестности Самарканда. Катта-бек (Мухаммед Рахим-аталык) явился из Ургута с войском Кухистана и (также) направился против Самарканда.

Сколько ни старался царевич мир Хусейн (выйти из беды), 24
однако дела направить не мог. В конце концов он составил письмо и направил его своему отцу (эмиру).

Теперь послушайте кое-что об эмире. Передают, что шпионы сообщили эмиру о том, что Мухаммед Рахим-хан (Хорезмийский), расположившись на берегу реки, послал многочисленное войско с несколькими начальниками во главе против (крепости) Усты (23) с целью ее разграбления.

Эмир выслал против хивинцев свои войска во главе с царевичем мир Омаром и несколькими своими начальниками. Посланные (вскоре) достигли Кара-куля. На следующий день они выступили оттуда по направлению к крепости Усты. В это время среди песчаных холмов показалось (хивинское) войско, настолько многочисленное, что нельзя даже описать. Страх проник в сердце царевича, и он пустился в бегство. Его начальники и войска (также) направились в обратный путь, бросая по дороге свои

шатры, палатки, имущество и казну, пока не достигли Каракуля. Отсюда они поспешно направились в Бухару. Прибыв, наконец, в столицу, они рассказали о случившемся эмиру. Эмир был крайне огорчен поведением царевича.

Хивинцы [1] тем временем забрали все (оставленное) имущество
25 и возвратились к Мухаммед Рахим-хану.

В то время, когда эмир сидел расстроенный, ему доставили письмо от Хусейн-хана-тӧре, который писал (отцу), что Самарканд окружен с одной стороны китай (-кипчаками), а с другой Катта-беком с войском Кухистана и Мухаммед-Садык-беком из Шахрисябза. «Я нахожусь (писал царевич) в растерянности и не знаю, против кого из них обороняться. Если вы не прибудете лично — случится нечто ужасное».

«Аллах велик» произнес эмир и, поднявшись, приказал приготовить ему коня. Он выступил со своими начальниками в Самарканд, предоставив хивинцам действовать как угодно богу. Когда об уходе эмира узнал Мухаммед Рахим, он спокойно направился к Бухаре. Прибыв в местность... (пропуск) он направил одного из своих начальников в сторону Агара, другого к Хайрабаду, а прочих на Рамитан, Кокштуван, Вардանзи и Сейид-ата.

26 Хивинцы стали производить грабежи и опустошения. Среди бухарского населения поднялся вопль. Кочевое население род за родом, племя за племенем бежали в (город) Бухару. Население Бухары находилось в страхе и ужасе. Всюду, где появлялись хивинские начальники, они поджигали дома, а жителей убивали или забирали в плен. Жители столицы расставили у каждых ворот многочисленную стражу и стали охранять стены крепости, соблюдая всяческие предосторожности.

(Теперь) оставьте их (жителей) здесь и послушайте о Мухаммед Рахим-хане.

Рассказывают, что отпустив своих начальников, он (Мухаммед Рахим) забрал свою артиллерию (атэш-ханэ) и направился в сторону Ходжа-Абана (24). Прибыв к этому месту, они (хи-
27 винцы) не совершили даже зиярета (поклонения), разбили жертвенный) котел и засыпали колодец.

После этого хан приказал своему авангарду направиться на Рамитан, говоря, что он не пойдет на Бухару, пока не возьмет этой крепости.

---

[1] В тексте всюду «хорезмийцы».

В конце концов хан подошел вплотную к крепости Хезар-баг (25). Находившиеся в крепости закрыли все двери и проходы и стали отстреливаться. Тогда Мухаммед Рахим приказал открыть по крепости огонь из пушек. В короткое время крепость была превращена в груду земли, а защитники ее были схвачены; часть их была перебита, часть взята в плен.

Хан еще раз издал приказ о том, чтобы войска разграбили окрестности крепости Рамитана. Много людей было взято (здесь) в плен. Их привели к Мухаммед Рахиму. Хан приказал всех их перебить. Иначе говоря, этот день представлял собою картину страшного суда. Хан собирался направиться к Рамитану. Однако начальники не согласились, так как было достаточно и того, что уже было (награблено). Каждый из начальников, кто ходил в это время на грабеж окрестностей (Рамитана), возвращался со множеством пленных. Мухаммед Рахим приказал им перебить пленников. Однако против этого стал возражать везир, говоря, что избиение столь большого числа мусульман не имеет смысла и что какие бы ты претензии ни имел, они должны относиться к эмиру (а не его подданым). В конце концов хан приказал всех пленников заковать в цепи и в таком виде охранять. Всего пленных было двенадцать тысяч человек. После этого (хан и его войско) направились к себе в Хорезм. Прибыв на место и успокоившись, 28
хан предоставил места всем пленникам, которые здесь и поселились как следует (26). Эмир Насрулла (впоследствии) потребовал их обратно.

Рассказывают, что когда Мухаммед Рахим-хан ушел в Хорезм, жители Рамитана пришли (на место убийства), собрали в одно место тела мучеников (шахид) и засыпали их землей, водрузив на этой могиле несколько знамен.

Сейчас под (стенами) крепости Хезар-баг находится местность под названием Шахид-мазар. Каждый, кто направляется на поклонение мазару Ходжа-абан, видит (эту могилу) около дороги.

Теперь оставьте (все) это и выслушайте два слова о другом.

Рассказ 79-й. *Присяга китай-кипчаков эмиру и прибытие Катта-бека на свидание с эмиром в Самарканд.*

Передают, что когда слух о прибытии эмира в Катта-курган распространился среди китай-кипчаков, глава их Мухаммед Хусейн с несколькими своими доверенными лицами удалился ночью в Шахрисябз.

Каждому, кто хочет знать, да будет известно, что этот Мухаммед Хусейн-хан является братом эмира (Хайдера). Прибыв в Шахрисябз, (Мухаммед Хусейн) зажил здесь спокойно. К его приходу Мухаммед Садык (бек Шахрисябза) был тяжело болен и скоро умер. Его похоронили в усыпальнице (дахмэ) его отцов.
29 Вместо него правителем (Шахрисябза) стал дядя его Даньялвалинием, который стал чеканить монету от имени эмира (Хайдера) и на его же имя читал хутбу (т. е. признал себя его подданным).

Когда весть об этом дошла до эмира, он был чрезвычайно обрадован. Однако эти дружественные отношения продолжались только до тех пор, пока был жив эмир (Хайдер). События, последовавшие после его кончины, будут изложены попутно с рассказом о временах эмира Насруллы (27).

Теперь выслушайте два слова о войске китай (-кипчаков).

Рассказывают, что, узнав на следующий день об уходе Мухаммед Хусейн-хана, войска китай (-кипчаков) смутились. В конце концов они послали сказать эмиру, что они раскаиваются во всех своих делах и проступках. «Если нас отпустят, говорили они, мы уйдем. Пришлите к нам сейчас Ирданэ-токсаба: мы имеем нечто ему сказать».

Эмир согласился и отпустил к ним Ирданэ-токсаба. Оказав всяческое почтение (к посланному), китай(-кипчаки) сказали ему следующее: «Если эмир окажет нам милость (простит), мы будем верно ему служить, или (если ему угодно) мы уйдем в другие места».

Тот явился к эмиру и рассказал ему (о слышанном). Обрадовавшись, эмир взял свои войска и направился в Самарканд.

Что касается китай(-кипчаков), то предводители их повесили себе на шеи сабли и явились к эмиру с повинной.

Эмир наградил их одеждами (сарупа).

30 Об этом событии услышал в Ургуте Катта-бек, который также явился к эмиру с саблей на шее и большими подношениями. Эмир и ему оказал свою милость. После этого Катта-бек вручил эмиру письмо, в котором он писал следующее: «Могущественный повелитель мира. Я имею дочь, которая находится (еще) под покровом целомудрия. Я отдаю ее вам в услужение». Эмир ответил ему, что он примет его дочь как свое дитя. После этого (Катта-бек) отправился к себе. Эмир предназначил (его дочь)

замуж за сейида мир Насруллу (своего сына). Царевич прибыл (по этому случаю к отцу). Передают, что Катта-бек, справив свои дела, совершил помолвку (собств. бракосочетание) своей дочери с Насруллой, после чего отправил ее (к царевичу) (28).

Захватив с собой начальников китай (-кипчаков), эмир направился в Бухару, а царевич, расставшись с отцом, отправился с своим гаремом в Карши. Эмир, прибыв в Бухару и спокойно воссев на свой славный престол, возблагодарил аллаха.

Некоторые из жителей Самарканда рассказывают, что бунт китай-кипчаков продолжался около двух-трех лет.

(В течение этого времени) несколько различных племен (джемаа) подступали в Самарканду и пытались его взять. По этой причине мир Хусейн посылал даже эмиру письмо. (В числе осаждающих были): кокандский хан, правитель (хаким) Ургута Катта-бек, племя кенегесов (во главе) с правителем Шахрисябза и китай-кипчаки. Однако племя найман сохраняло свою верность (правителю) Самарканда. Несколько раз ворота Самарканда (наглухо) засыпались землей. В городе наступал голод, настолько сильный, что вдовы и бедняки за бесценок продавали детей своих, чтобы (достать кусок хлеба) и спасти свою жизнь. 31

Дело доходило уже до того, что жители (райе) Самарканда, видя (кругом) врагов и считая свое положение безнадежным, готовы были уже сдаться. На расстоянии около одного фарсаха (29) от города находилась курганча, носившая название Кафир-рабат (30), принадлежавшая найманам. (В это время) в Кафир-рабат явились кипчаки и перебили здесь всех, начиная с грудных младенцев и кончая семидесятилетними стариками. Женщин и девушек они (кипчаки) раздетыми взяли с собой и вместе с ними направились к Самарканду.

Увидев такое беззаконие со стороны этого разбойничьего племени, возмущенные жители (Самарканда) объединились и решили сражаться до последнего издыхания. В этот решительный момент явился эмир Хайдер, вызванный письмом мир Хусейна 32
из Бухары, как это подробно рассказывалось уже выше, и заключил мир.

Хивинские шпионы сообщили Мухаммед Рахиму о том, что китай (-кипчаки) заключили с эмиром мир и принесли ему присягу и что к эмиру явились на свидание Катта-бек и Мухаммед Садык-бек (?). Хан вздохнул с сожалением. Он собрался было (снова) совершить нападение на Бухару, однако Алла-кули-хан (в то

время еще наследник), Кутлы-Мурад-хан (31) и некоторые из хивинских сановников этого не допустили. Тогда хан послал в Бухару семь человек из числа своих начальников с десятью тысячами войска. Прибыв (на бухарскую территорию), начальники остановились в местности Кыраг-ата, а один из них направился к крепости Нур-ата и начал грабить (ее окрестности). Об этом услышал (правитель) Абдуджаббар-инак, но выступить (из крепости) у него не хватило смелости. Закрыв все двери и проходы, он засел в крепости, предавшись на волю божию. Хивинцы совершили множество беззаконий. Против них выступили (только) пять-шесть человек из жителей (райя). (Все) мусульмане испускали стоны и вопли. В это время хивинцы увидели, как из крепости поднялось войско.

33 Хивинцы засыпали (воинов) градом стрел. Однако войска все продолжали прибывать. Все это были хорошо вооруженные и снаряженные юноши, храбрые, как львы.

Хивинцы в конце концов не выдержали и обратились в бегство. Жители Нур-ата были изумлены. Решившись, наконец, они пошли (в наступление). Некоторые из хивинцев попали в плен, другие ушли в глубь песков и там погибли. Жители Нур-ата привели пленных к Абдуджаббар-бию. Тот расспросил их о том, как происходило дело. Хивинцы рассказали, что из крепости Нур вышло несколько тысяч хорошо вооруженных и снаряженных юношей, которые напали на нас (хивинцев). Поэтому мы и побежали. Абдуджаббар-бий пришел в изумление.

В это время пришел человек и сообщил, что вода источника Нур превратилась в кровь... Говорят, что это (таинственное) войско состояло из рыб того источника, вышедших по повелению божию (против хивинцев). Страх и ужас напали на хивинцев, вследствие чего они и понесли поражение. (Некоторые) из рыб получили от хивинцев раны, вследствие чего вода источника и превратилась в кровь (32).

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

1. По словам Мухаммеда Я'куба, Насрулла был назначен в Карши в 1238/1822 (1823) г., т. е. уже на втором или третьем году восстания (Гульшен-аль-мулюк, рукоп. С 1141, л. 180а. Ташкентская рукоп., л. 150б). К этому же приблизительно периоду относит назначение Насруллы и мир Алим (рукоп. Ханыкова, № 81б, л. 78б), утверждая, однако, при этом, что данное событие произошло в сафаре 1236 — ноябре 1820 г. Порядок изложения событий в сочинении мир Алима, однако, показывает, что в первый период китай-кипчакского восстания (1821 г.) Насрулла продолжал находиться еще в Бухаре, вследствие чего приводимая этим автором дата (1236 г. х.) должна быть признана ошибочной. Рассказ наших авторов о назначении Насруллы каршинским наместником еще в тот период, когда восстание не начиналось, страдает, очевидно, хронологическим противоречием.
2. Довольно подробный список начальствующих лиц, назначенных вместе с Насруллой в Карши, приводится мир Алимом, не указывающим, однако, в числе их Кабиль-джан-бия (рукоп. Ханыкова, № 81, лл., 79а—80а).
3. Имеется в виду гробница одного из самых популярных бухарских святых — шейха Баха-уд-дина Накшбенда (1318—1389), расположенная в 9 км от города Бухары. О Баха-уд-дине см. В. А. Гордлевский, Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский. К вопросу о наслоениях в исламе. В сборнике акад. С. Ф. Ольденбургу, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, стр. 147—169.
4. По этому поводу см. прим. 1 на стр. 57.
5. Упоминание о четырех правителях Самарканда в 20-х гг. XIX в. встречается также в материалах, напечатанных в «Азиатском Вестнике» за 1825 г., кн. 5, стр. 377 (Давлет-бий, Мухаммед Сафар, Эрбута и Мухаммед Назар). В Ташкенте в конце XVIII в. также находилось четыре правителя (чар хаким), что находилось в связи с делением этого города на четыре части (даха) (ср. сборник «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 109). Повидимому, с этим же обстоятельством связано наличие «четырех хакимов» и в Самарканде, также делившемся до последнего времени на четыре части (сузангаранская, Баг-и-шамальская, Хайрабадская и Каляндар-хана).

6. В другом месте своего сочинения (стр. 28) авторы поясняют, что в данном случае речь идет о брате эмира Хайдера, что вполне совпадает также с данными, приведенными нами на стр. 59, прим. 4. Имя Мухаммед Хусейна носил также сын эмира Хайдера (часто упоминаемый здесь в качестве правителя Самарканда), вследствие чего эти два лица легко могут быть смешаны.
7. Магиян — небольшой горный кишлак, расположенный километрах в 40 к югу от Пенджекента. В период независимости Бухарского ханства Магиян представлял центр полунезависимого бекства.
8. В тексте ’ибадэт-ханэ — «дом молитвы».
9. В тексте «чапэ навис», буквально — переписчик литографий (чапэ — литография), т. е. писец, изготовляющий клише на камне для литографии.
10. Возможно, что здесь имеются в виду Джизак и Ура-тепе, которыми эмиру Хайдеру иногда удавалось временно овладевать. О других завоеваниях эмира Хайдера источники, насколько известно, не упоминают, если не считать мелких крепостей на границе с Шахрисябзом, нередко переходивших из рук в руки.
11. Занятие Аталык-беком крепости Учма относится Мухаммед Я’кубом к 1239/1824 г. (Гульшен-аль-мулюк, л. 180б). В том же году крепость была взята эмиром обратно и разрушена.

    Мухаммед Я’куб довольно подробно описывает бедствия защитников осажденной эмиром крепости. Говоря о недостатке продовольствия, автор сообщает, что две лепешки стоили в это время теньге, чарик баранины — пять теньге, два нимсира сала — тридцать теньге. Люди стали питаться кониной (Ibid., л. 181б).
12. Имеется в виду брат Мухаммед Рахима, хивинский хан Эльтузер, погибший в 1806 г. при переправе через Аму-дарью в результате одного из своих неудачных набегов на бухарскую территорию.
13. Из предыдущего рассказа авторов видно, что письма были разосланы только четырем племенам, именно: найманам, джелаирам, митанам и мир-шикар. Возможно, что противоречие авторов самим себе в данном случае только кажущееся, так как, повидимому, все четыре названные здесь рода входили в родовое объединение зеравшанских узбеков, известное под именем «семи родов», о котором неоднократно упоминает в своем сочинении Мухаммед Я’куб (ср. прим. 2, на стр. 71). Узбеки «семиродцы» упоминаются также в статье Гребенкина (цит. соч., стр. 53), однако объяснение, даваемое автором термину «семь родов», вызывает сомнения.
14. В рукописи, повидимому, пропуск, так как дальше следуют неизвестно к кому относящиеся слова: «Он пешком направился к ходже, которому и рассказал о случившемся. Они пришли к мысли...»
15. В качестве правителя крепости Пейшамбе Тӧре-ходжа упоминается также своими современниками (Азиатск. Вестн., 1825, кн. 5, стр. 377). У Мухаммед мир Алима Тӧре-ходжа упоминается под именем Файзи-ходжи (файзи — титул) (рукоп. Ханыкова, № 81, л. 69а).

16. Имеются в виду восточные ворота крепости Катта-кургана (Зап. Русск. Геогр. Общ., т. VI, по отд. этн., стр. 40—41, а также Хорошхин. сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 248).

    В новейшее время под именем Хайдер-чамана получил известность один из гузаров Катта-кургана.

17. В. В. Радлов (цит. Зап. Русск. Геогр. Общ., стр. 41) упоминает о единственном медресе, имевшемся в 1868 г. в Катта-кургане, носившем в это время название медресе-и-накши. Здание медресе было выстроено, по словам путешественника, около 70 лет тому назад, т. е. в конце XVIII или начале XIX ст., когда, как известно, Катта-курганом управлял упоминавшийся выше ходжа накыб (накыб — звание), по имени которого, очевидно, это медресе раньше и называлось. Возможно, что медресе и выстроено было накыбом. Здание находилось недалеко от цитадели, в центре города.

18. С целью показать наглядно всемогущество аллаха и подействовать на воображение читателя, среднеазиатские историографы XIX в. выводят иногда на сцену «небесные силы» и заставляют их оказывать соответствующую помощь «правоверным», что в данном случае и наблюдается в рассказе наших авторов.

    Такого рода deus ex machina встречается даже в официальной хивинской истории Агехи, как, например, в рассказе его об одной из значительных побед, одержанной хивинцами над туркменами в 1856 г.

    Кого именно наши авторы разумеют под эпитетом Шах-Джован — установить не удается.

19. Что Абдуррахман Митанский лицо, не вымышленное нашими авторами, а вполне историческое, — видно из рассказа Мухаммед-Хакима о вторичном завоевании Ташкента кокандцами в 1259/1848 г., когда на помощь отложившимся ташкентцам явился большой бухарский отряд, во главе которого стоял Абдуррахман Митан.

    Потерпев поражение от кокандцев, Абдуррахман бежал с своими войсками в Бухару. См. Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. Инст. востоковед. С 470, л. 685аб, также Тухфет-ат-таварих-и-хани, соч. Аваз Мухаммеда, рукоп. Инст. востоковед. С 440, лл. 251б—252аб.

20. В тексте стоит не прочитанное мною слово حسو (?)

21. Токсаба — один из средних чинов в Бухаре в рассматриваемое время. Токсаба считался выше мирахура, но ниже дадха (Документы Вяткина, стр. 20). О значении чина токсаба в позднейшее время см. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 8, прим.

22. Крепость Ярты-тепе упоминается у Мухаммед Я'куба (Гульшен-аль-мулюк, л. 178б) на ряду с Чирагчи, из чего можно заключить, что обе эти крепости находились по соседству. В начале правления эмира Хайдера крепость Ярты-тепе входила в состав Бухарского ханства и охранялась гарнизонами из Карши и Гузара (Документы Вяткина, цит. соч., стр. 21). К какому времени относится захват ее Шах-Мурадом сараем, — неизвестно. Возможно, что Шах Мурад в данном случае действовал по поручению

Даньял-бека шахрисябзского, так как из слов Мухаммед Я'куба известно, что последний совершил нападение на Ярты-тепе. Племя сараев занимало, по Вяткину, южную часть Каршинского вилайета.

23. Усты (Усти) — бухарская крепость на правом берегу Аму-дарьи, несколько ниже современного кишлака Дейнау, вблизи бухарско-хивинской границы. Крепость Усты часто упоминается в хивинских хрониках Муниса-Агехи в связи с описанием хивинских набегов на Бухару. Об Усты (Усти) см. также «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Игнатьева», СПб., 1897, стр. 196 и сл.

24. Ходжа Абан (Ходжа Обан, мазар) помечен на 10-верстной карте километрах в 40 на северо-запад от Бухары. А. Бэрнс в своем «Путешествии в Бухару» (ч. II, стр. 451—452), сообщает, что Ходжа Абан представляет собою развалины древнего города, построенного, по преданию, при халифе Омаре (634—644). В грудах развалин находилось множество древних («бактрийских») монет, частью приобретенных путешественником. Здесь же находились различные резные камни с надписями и изображениями людей и животных.

Необходимо, впрочем, отметить, что километрах в 10 на восток от мазара Ходжа Абан в 10-верстной карте нанесен Куня Ходжа Абан, т. е. Старый Ходжа Абан. К какому из этих двух пунктов относится рассказ А. Бернса — остается неизвестным.

Находясь в Бухаре в 1921 г., я имел возможность убедиться, что местность Ходжа Абан до сих пор пользуется среди бухарского населения значительной популярностью, благодаря имеющемуся там мазару (мавзолею) ходжи Абана. По объяснению местных грамотеев, ходжа Абан является сыном халифа Османа (644—656) и одним из первых распространителей ислама в Бухаре. Около мазара имеется источник, вода которого считается целебной, излечивая будто даже проказу.

Несмотря на значительное расстояние от населенных центров, мазар привлекал к себе довольно многочисленных паломников. По словам стариков, местность, где расположен мазар, еще недавно имела цветущий вид, однако «лет двадцать тому назад» ее почти целиком засыпало песками, постепенно передвигающимися к югу на культурный оазис. Колодец (с соленой водой) в 1921 г. еще поддерживался. В северо-западной части города Бухары, за Регистаном, расположен гузар (группа кварталов) под названием Ходжа Абан, названный так потому, что здесь в старину будто бы жили потомки этого святого. В 1921 г. гузар Ходжа Абан играл роль особого рода «психиатрической лечебницы», куда приводили душевнобольных, в надежде, что посещение этого места поможет им выздороветь.

25. На 10-верстной карте «Газарбак» километрах в 6 на северо-запад от Рамитана.

26. Увод в плен бухарского населения хивинскими ханами — довольно обычное явление в рассматриваемое время. Мирза Шемс (цит. соч., стр. 6) сообщает, что за одно только трехлетие в его время было уведено в Хиву от 40 000 до 50 000 бухарских крестьян. Данилевский (Зап. Русск. Геогр. Общ., т. V, стр. 61) лично наблюдал группу бухарцев, приведенных хивинским ханом в плен в 1842 г.
27. Сообщение наших авторов о дружественных отношениях между Даньял-беком шахрисябзским и эмиром Хайдером не подтверждается другими источниками. Наиболее достоверный из имеющихся в нашем распоряжении источников — сочинение Мухаммед Я'куба (Гульшен-аль-мулюк, л. 178б) показывает, что Даньял-бий совершал нападения на бухарские крепости и вообще находился в открыто враждебных отношениях к эмиру. Захватив шесть мелких пограничных бухарских крепостей, Даньял-бий распространил затем свои набеги на Чирагчи и Ярты-тепе, являвшиеся главным оплотом эмиров против Шахрисябза.
28. Следует отметить, что о женитьбе Насруллы на дочери Катта-бия сообщается также Мухаммед Я'кубом (Гульшен-аль-мулюк, л. 182а).
29. В силу сохранившейся в Средней Азии особой литературной традиции местные авторы XIX в. продолжают употреблять в своих сочинениях термины средневековой арабской географической литературы, в действительности уже давно исчезнувшие из обихода. К числу такого рода традиционных архаизмов относится и ф а р с а х (6—8 км), в живой речи давно уже замененный равнозначащим ему словом сенг (тадж. санг) или таш (узб.). В силу той же литературной традиции среднеазиатские историографы XIX в. пользуются иногда и средневековой географической номенклатурой, говоря, например, Шаш вместо Ташкент, Фаррак вместо Чирчик и т. д.
30. Термином курганча узбеки, как известно, обозначают отдельный хутор, укрепленную усадьбу или небольшое укрепление, называвшееся иногда также рабатом (ср. Гребенкин, цит. соч., стр. 97).
31. Имеется в виду, очевидно, брат Мухаммед-Рахим-хана Кутлуг Мурад-инак, игравший в это время довольно значительную роль при хивинском дворе. Кутлуг Мурад-инак умер в мае 1824 г.
32. Селение Нур (Нур-ата) еще в средние века «славилось своими священными могилами» (В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. 122), унаследованными может быть еще от доисламского периода. С этой стороны сообщение наших авторов о «священных рыбах» в нуратинском источнике крайне любопытно, тем более, что оно подтверждается словами одного из путешественников, посетивших Нур-ата в 1916 г. См. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XXI, стр. 38.

ИСТОРИЯ ЭМИРА НАСРУЛЛЫ

Соч. Мухаммед мир Алима Бухарского

(Сокращенный перевод из рукописи Гос. Публ. Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.)

Глава о восстании китай-кипчаков

Эмиру (Хайдеру) сообщили, что китаи и кипчаки возмутились. Они избрали своими начальниками Адина-кул-бия и Ма'мура, захватили Янги-курган и Чилек и завладели Катта-курганом.

Эмир пришел в сильный гнев и приказал своему сыну Насрулле выступить с несколькими отрядами войск в Катта-курган, чтобы наказать мятежников (68а).

Собрав многочисленное и храброе войско, шахзаде выступил в Мианкаль. Вскоре он прибыл в Кермине, откуда отправил нескольких своих начальников вперед, чтобы они узнали и донесли ему о действиях мятежников.

Когда китай-кипчаки услышали о прибытии шахзаде с войском, па них напал страх. С одной стороны, им угрожала опасность от царевича, с другой — они опасались также Файзи-ходжи, правителя Пейшамбе.

Пользуясь их растерянностью, бухарские войска напали на крепость Катта-курган и тотчас же ею овладели. О своей победе Файзи-ходжа и бухарские начальники донесли царевичу, который после этого поспешно выступил и вскоре прибыл в Катта-курган.

Шахзаде решил строго наказать возмутителей, по вине которых произошли все беспорядки и возникло столько беспокойства для всех жителей этой страны. Кроме того, приказано было доставить к шахзаде и тех, кто оказывал бунтовщикам какую-либо помощь или содействие, чтобы их также подвергнуть наказанию.

Приближенные схватили бунтовщиков вместе с теми, кто им помогал и сочувствовал, и доставили их к шахзаде. Насрулла отдал приказ о том, чтобы некоторых из приведенных казнили, а некоторых задержали в качестве пленников.

Четыреста или пятьсот человек было казнено палачами у ворот города. Головы их были погружены на арбы и вместе с пленными мятежниками были отправлены в Бухару (70а).

После этого шахзаде стал приводить в порядок здешние дела как в городе, так и его окрестностях, радуя своей справедливостью сердца жителей. После того как пленные и головы казненных были доставлены к эмирскому двору, весть о победах шахзаде облетела все концы света, вызывая у всех радость и ликование (71а).

После этого эмир решил лично выступить, чтобы наказать мятежников, и прибыл с этой целью в Катта-курган, а отсюда двинулся к Янги-кургану, где находилось мятежное сборище. Зная о выступлении эмира, китай-кипчаки привели себя в полную боевую готовность и вступили в бой с войсками эмира, как только те на них направились. Битва была настолько жестокая, что не щадили ни стариков, ни детей.

В конце концов китай-кипчаки не выдержали и отступили в свою крепость Янги-курган, закрыв за собою все ворота.

Эмир направился в Самарканд.

Приведя в порядок здешние дела, он прибыл затем в Катта-курган, где назначил правителем одного из своих приближенных (гулям), по имени Бурхан-бия, после чего возвратился в Бухару (71б).

Однако китай-кипчаки попрежнему продолжали возмущаться, не прекращая своих мятежных действий. Их поведение стало невыносимым до такой степени, что его величество пришел в сильный гнев и снова двинулся с своими войсками против мятежников, чтобы наказать их соответствующим образом.

Когда китай-кипчаки узнали о выступлении эмирских войск, они вошли в свои крепости и приготовились к осаде. Закрыв за собою все двери и проходы, эти мятежники поднялись на стены своих укреплений и стали осыпать эмирские войска градом пуль.

Пройдя мимо Янги-кургана, эмир направился к крепости Чапар, где находилось племя каракалпаков (73б). Каракалпаки (также) выступили против эмира и вступили в сражение с его войсками. В конце концов эмир победил, а каракалпаки броси-

лись в бегство и заперлись в своей крепости Чапар. Эмир приступил к осаде крепости, каракалпаки стали отстреливаться. В это время на помощь эмиру прибыл Мухаммед Рахим-диванбеги,[1] сын Худаяр-аталыка, и помог ему завоевать крепость (75а). После этого эмир прибыл в Самарканд и назначил хакимом этого города своего старшего сына Хусейна. Назначив в помощь ему некоторых из своих вельмож, эмир возвратился в Бухару (75б).

[Далее рассказывается (л. 76аб), что в отсутствие эмира Мухаммед Рахим-хан хивинский напал на столицу ханства, удержавшуюся лишь благодаря распорядительности кушбеги Мухаммед-Хакима.[2]]

В это время Хусейн-тӧре отдал Джизак Мухаммед Рахиму-диванбеги, проявив таким образом свою неспособность к управлению порученной ему областью.

После этого эмир решил оказать свою благосклонность ко второму сыну своему Насрулле и назначил его правителем Карши.

В месяце сафаре 1236 г. (ноябрь 1820 г.) эмир направился вместе с Насруллой в Карши и, устроив его там подобающим образом, возвратился в свою столицу.[3]

[Дальше описывается правление Насруллы в Каршинском вилайете и столкновения его с шахрисябзскими беками (лл. 80а—83а)].

Что касается эмира, то он несколько раз выступал против китай-кипчаков, подвергая их суровым наказаниям.

На этот раз он снова собрался, чтобы выступить против этих возмутителей, вызвав для этой цели из Карши своего сына Насруллу. Тот прибыл к отцу в то время, когда последний уже находился на расстоянии полуфарсаха от Янги-кургана (84а).

Над крепостью начальствовал Ма'мур-бий, выставивший в это время своих превосходных стрелков на стенах крепости. Другая часть китай-кипчаков, пеших и конных, заняла позицию у крепости, намереваясь защищать ее против эмирских войск (84б).

---

[1] Упоминается в других источниках под титулом Аталык-бека.

[2] Здесь же (л. 76б) автор отмечает, что Мухаммед Рахим-хан «через некоторое время» заболел и умер, что в действительности произошло лишь весной 1825 г., т. е. через четыре года после описываемых здесь событий.

[3] Управление Каршинским вилайетом передавалось обычно наследнику бухарского престола. Относительно даты назначения Насруллы см. прим. 1 на стр. 115.

Началось сражение, которое продолжалось до заката солнца, после чего эмир приказал своим войскам удалиться на покой. На следующий день с восходом солнца бой возобновился снова. Увидев, что часть стрелков из китай-кипчаков засела в чарбаге святого (хазрет) халифе Хусейна, эмир приказал Насрулле выбить их оттуда. Шахзаде с успехом справился с порученным ему делом и удостоился эмирской благодарности.

Когда мятежники скрылись в своей крепости (Янги-кургане), царевич направился в Карши, а эмир отбыл в Бухару (86а).

Его величество ежегодно по два или три раза выступал против мятежников и при помощи своих войск уничтожал их поля, насаждения и посевы.

Так делал он в течение четырех лет, доведя таким образом бунтовщиков до бедственного положения (86б).

По истечении четырех лет эмир снова явился к китай-кипчакам со своими многочисленными войсками и кольцом окружил крепость Янги-курган.

Он приказал своим воинам относиться с еще большим вниманием к осаде этой крепости, так как овладение ею на этот раз он считал необходимым.

После трехмесячной осады положение осажденных стало чрезвычайно трудным. У них не хватало ни воды, ни продовольствия, ни припасов, так что хлеба нельзя было достать даже ценою жизни (87а).

Увидев бедственное положение защитников крепости, Ма'мур-бий обратился к эмиру с просьбой о помиловании. После этого эмир вошел со своими войсками в крепость и даровал всем помилование.

Адина-кул также вручил крепость Чилек приближенным эмира, а сам обратился к его милости (87б).

Эмир не стал наказывать их за их возмущение, а пожаловал Адина-кул-бия чином дадха, а Ма'мур-бия возвел в высокое достоинство бия.

Затем, поставив в крепостях своих начальников и укрепив свою власть в этом вилайете, эмир отправился в Бухару, откуда весть об его победах разнеслась по всему миру, радуя друзей и печаля врагов.

После этого эмир стал править спокойно (л. 88а).

Сентябрь 1936 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЛИЧНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ

Абан, ходжа, см. Ходжа Абан
Абдуджаббар-инак (-бий), хаким 100, 114
Абдулла-бек, хаким 63
Абдулла махдум, ишан 99.
Абдуль Керим Бухарский (Mir Abdoul Kerim Boukhary) 13, 17, 34, 59
Абдуррахман (-бехадыр) Митанский 64, 102, 104—108, 117
Абул-Фейз, хан 8, 9
Аваз Мухаммед, историк 50, 51, 55, 62, 65, 80, 117
Азимбай-дадха 76
Агар 110
Агехи 8, 13, 42, 43, 54, 67, 68, 117, 118
Адилов, Ибадулла 50, 96
Адина-кул (-бий) 58, 61, 67, 69, 76, 87, 98, 100, 103, 106, 109, 120, 123
Ак-дарья 8
Ак-тепе 9
Алла-берды-бек 69
Алла-кули-хан, хивинский 113
Александр (Македонский) 103
Али Мердан-бий, хаким 97
Алим (мир Алим) см. Мухаммед мир Алим Бухарский
Алим-хан (Кокандский) 47, 55, 67, 68
Аму-дарья 54, 66, 68, 75, 109, 116, 118
Англия 87
Андхой 67
Анийская мечеть 43
Анна (Адина)-кул см. Адина-кул (-бий)
Антропов, П. 6
Ануша-хан 8
Арандаренко, Г. 65
Аристов, А. Н. 29
Арслан-бек-дадха 67, 69
Аталык-бек см. Мухаммед-Рахим диванбеги
Афганистан 27
Афганский Туркестан 12, 13
Аяз-бий, правитель Катта-кургана 55—57, 61, 97, 98, 100
Бабур 43, 51
Баг-и-шамальская часть г. Самарканда 115
Багче-калян 71
Балх 67
Барат-бай 102
Бартольд, В. В. акад. 6, 7, 15, 28, 43, 44, 115, 119
Баха-уд-дин Накшбенд 115
Берды-яр-кипчак 105
Бернс, А. 118
Бури-бай 69
Бурнашев 14
Бурхан-бий, 64, 102, 107, 121
Бутков, И. Г. 29
Бухара, город и ханство 3, 5, 7—9, 12—15, 17—19, 21—23, 25—27, 30, 33—37, 40, 41, 43, 45—49, 51, 53—57, 61—68, 73—76, 78, 83, 84, 88, 90—92, 96, 97, 99, 100, 106—110, 113—118, 121—123
Бухария см. Бухара
Бухарское ханство см. Бухара, город и ханство

Вамбери, А. 6
Варданзи 110
Вельяминов-Зернов, В. В. акад. 7, 19
Веселовский, Н. И. проф. 6
Вяткин, В. Л. 14, 15, 17, 23, 24, 32 37, 40—43, 53—55, 57, 59, 117, 118

Газарбак см. Хезар-баг
Галузо, П. 6
Генс 15
Германия 12, 87
Гиссар (Хисар) 10, 11, 13, 53, 67, 72, 77, 96
Гордлевский, В. А. проф. 115
Гребенкин, А. Д. 19, 20, 25, 29, 30, 31, 32, 39, 52, 81, 84, 91, 116, 119
Григорьев, В. В. проф.7, 13, 30, 48, 52, 54, 55
Гродеков, Н. И. 26, 42, 86
Гузар см. Хузар
Гуревич, А. М. 6

Дабусия 79
Давлет-бай 106
Давлет-бий (кушбеги), правитель Самарканда 57, 58, 61, 62, 66, 88, 97—99, 115
Данилевский 118
Даньял (-аталык), мангыт 9, 44
Даньял-бек (бий) шахрисябзский (Даньял-валинием) 67, 73, 74, 112, 117, 119
Даньял-валинием см. Даньял-бек (бий) шахрисябзский
Дейнау 118
Denison Ross, E. 7
Дешт-и-кипчак 28
Джизак 13, 24, 53, 61, 62, 66, 108, 116, 122
Джума-базар 73, 74, 75
Дорн (Dorn, B) 47
Душамбе 32

Европа 11 12, 87

Жуковский, В. А. проф. 48

Западный Китай см. Китай Западный
Зеравшан 8, 10, 13, 15—21, 27, 29, 30, 32, 42, 85, 103, 104
Зеравшанская долина (см. также Зеравшан) 23, 28, 30, 32, 39, 81, 84
Зияуддин 71, 79
Зубейд (мир Зубейд) 96

Ибадулла, историк 30, 48—50, 60, 64, 67—69, 96
Ибадулла-бий, правитель Карши 96
Ибадулла-бий 8, 9
Иванов, П. П. 8, 13, 18—20, 21, 28
Игнатьев 118
Индия 14
Ирданэ-токсаба 112
Исхак-бек см. Исхак-диванбеги
Исхак-диванбеги (Исхак-бек) 62, 69, 71, 83

Кабиль-джан-бий 96, 115
Кавказ 29
Каль, Е. 44, 45, 46
Каляндар-хана, 115
Кара-дарья 8
Кара-куль 73, 109, 110
Кареев, Н. И. проф. 6
Карши 27, 36, 96, 101, 107, 108, 113, 115, 117, 122, 123
Каршинский вилайет (округ) 14, 53, 96, 118, 122
Каршинский оазис 75
Каршинский округ см. Каршинский вилайет
Катта-бек см. Катта-бий
Катта-бий (Катта-бек) 66, 69, 73, 74 78, 87, 98, 99, 109—113 119
Катта-курган 27, 31, 32, 55, 57, 58, 60, 61, 63—65, 67, 76, 88, 95, 100, 101, 107, 111, 116, 117, 120, 121
Катта-курганский район 18, 31
Кафир-рабат 113
Кашгар 48
Кашка-дарья 17, 27, 73
Керки 54
Кермине 27, 67, 120
Китай Западный 91
Китай Северный 28
Коканд, город и ханство 5, 11, 14, 33, 36, 41, 42, 46—48, 51, 59, 62, 70, 71, 88, 91
Кокандское ханство см. Коканд
Кокташ 80
Кокштуван 110
Крым 29
Крымский полуостров 28
Кызыл-аяк 54
Кыраг-ата 112
Кульджинский край 12
Куня Ходжа Абан 116
Кутлуг Мурад-инак (Кутлы-Мурад-хан) 113, 119
Кутлы-Мурад-хан см. Кутлуг-Мурад-инак
Кухистан 13, 109, 110

Лаиш 60, 72, 100
Ленин, В. И. 25
Ленинград 46, 47, 51, 118
Логофет, Д. Н. 83
Лятиф-ходжа 88

Магиян 98, 116
Мадали-хан 46, 47, 67, 88, 90
Малаховский, Н. И. 38
Малля-хан 51
Малов, С. Е. проф. 43
Ма'мур см. Ма'мур-бий
Ма'мур (-бий) 58, 61, 69, 71, 74, 87, 88, 98, 99, 103, 106, 108, 109, 120, 122, 123
Ма'мур-парваначи см. Ма'мур (-бий)
Мангыты, династия см. Мангыты, племя и династия
Маркс, К. 86
Ма'сум-хан, шейх-уль-ислам 46
Ма'сум, эмир 9
Медресе-и-накши 117
Медресе Накыба 101
Медресе Хурджин 101
Мейендорф (Meyendorff) 14, 17, 31
Мекка 46
Мелиоранский, П. М. проф. 43

Мерв 13, 34, 54—57, 97
Мешхед 8
Мианкаль 8, 9, 17, 36, 42, 54, 59, 62, 72, 74—76, 85, 86, 89, 90, 120
Минги, династия см. Минги, племя и династия
Mir Abdoul Kerim Boukhary см. Абдуль-Керим Бухарский
Мир Абдулла махдум см. Абдулла махдум
Мир-Али-Шир 7
Мир Алим см. Мухаммед мир Алим Бухарский
Миран-утачи 63
Мирза-хан 56—58, 97, 98
Мирза Шемс Бухарский (Бухари) 7, 13, 30, 48, 52, 54, 55, 59, 61, 66, 68, 72—74, 77—79, 87, 98, 118
Мир Зубейд см. Зубейд
Мир Омар см. Омар (мир Омар), сын эмира Хайдера
Мир Хамза см. Хамза
Мир Хусейн см. Хусейн (-хан)-тöре
Митан 64, 71, 72, 102, 104, 107, 108
Москва 3
Московская Русь см. Русь Московская
Музаффар-эд-дин, эмир 80, 81
Муканна 12
Мунис 8, 13, 42, 54, 68, 118
Мунис-Агехи см. Мунис, Агехи
Мургаб 13
Мухаммед Ашур 65
Мухаммед Вефа 9, 24
Мухаммед-Казим 9
Мухаммед мир Алим Бухарский (мир Алим) 47, 48, 58, 64, 66, 73, 76, 87, 115, 116, 120
Мухаммед Назар 115
Мухаммед Рахим аталык см. Катта-бий
Мухаммед-Рахим диванбеги (Аталык-бек) 65, 66, 74, 75, 78, 87, 100, 108, 116, 122
Мухаммед Рахим-хан Хивинский 62, 68, 69, 73, 75, 100, 104, 106, 108—111, 113, 116, 119, 122
Мухаммед-Риза-автобачи 104, 105
Мухаммед Садык-бек 105
Мухаммед Садык (бек Шахрисябза) 97, 98, 107, 110, 112, 113
Мухаммед Садык, шейх 65
Мухаммед Сафар (-бий) 88, 115
Мухаммед-Хаким, кушбеги 122
Мухаммед Хаким (-хан-тöре), историк 14, 46, 47, 51, 55, 57—61, 65, 67, 76, 82, 117
Мухаммед-ходжа 49
Мухаммед Хусейн-хан (бек), сын Шах-Мурада 59—61, 87, 98—100, 111, 112
Мухаммед Хусейн-хан, правитель Мерва 34, 35
Мухаммед Шериф-бий 97
Мухаммед Шериф, историк 30, 48—50, 60, 64, 67—69, 96
Мухаммед Шукур-бек (бий) 57, 58, 97, 98
Мухаммед Эмин, историк 8, 29
Мухаммед Эмин-ходжа-накыб 54, 115
Мухаммед Юсуф 63
Мухаммед Я'куб (Бухарский) 9, 13, 27, 28, 31, 35 36, 41—46, 54—58, 60, 62—68, 71—74, 76—80, 82, 86, 90, 115—117, 119

Надир-шах 9, 12, 49
Накшбенд, гробница 96
Накыб см. Медресе Накыб
Наливкин, В. П. 6, 7, 11, 18, 46, 50, 61, 76, 115
Нардбан 75
Насир-эд-дин Бухарский 65
Насрулла, эмир 27, 35, 47, 49, 63—65, 78—80, 88, 93, 96, 100—102, 107, 108, 111—113, 115, 119—121, 122, 123
Небольсин, П. И. 15, 21
Нияз Али, правитель Шахрисябза 96, 97
Нияз-бий см. Аяз-бий
Нур (-ата) крепость и селение 9, 76, 114, 119
Нур-атинский вилайет 100
Нур источник 114

Оглоблин, В. Н. 39
Ольденбург, С. Ф. 115
Омар (мир Омар), сын эмира Хайдера 66, 73, 78, 79, 109
Омар, халиф 118
Омар-хан Кокандский 14, 46, 59, 61, 62, 67, 68, 71
Омар Шейх, тимурид 43
Оренбург 48
Орта-чуль 99
Орта-чульская дорога 108
Осман, халиф 118

Пантусов, Н. Н. 65
Пейшамбе 54, 63, 67, 71, 100, 102, 116, 120
Пенджикент 13, 32, 116
Попов, А. 15
Пославский, Ю. 84
Поспелов 14

Раджаб-бек (Катта-бек) см. Катта-бий
Радлов, В. В. 21, 28, 29, 42, 117
Рамитан 110, 111, 118
Рамитанский туман 75
Рахим-кули 43
Рахим-хан (мангыт) 9, 24
Рахим-хан см. Мухаммед Рахим-хан Хивинский
Регистан 118
Россия 12, 14, 21, 46, 91
Русь Московская 27
Сагардж 32
Салиев, Полат (Səlijif, Polat) проф. 7, 52, 62

Самарканд 8, 9, 15, 17, 27, 31, 36, 50, 58, 59, 61—74, 76, 78, 80, 83, 88, 89, 97—99, 103, 104, 106, 108—113, 115, 116, 120, 122
Самаркандский вилайет 57
Самаркандский район 73, 78
Сафар (-бай)-аксакал 63, 101
Сафар-бий см. Мухаммед-Сафар (-бий)
Сеид, эмир см. Хайдер, эмир
Сейид-ата 110
Сейид-аталык 67, 72
Сейид Мухаммед-хан хивинский 18
Семенов, А. А. проф. 34, 35
Skryne, F. H. 7
Смирнов, В. Д. проф. 29
Спасский, Г. 14
Старый Ходжа Абан см. Куня Ходжа Абан
Средняя Азия 5, 6, 11, 12, 18, 19, 23, 28, 29, 38, 41, 66, 77, 119
Субхан-Кули-хан бухарский 49
Сузангаранская часть г. Самарканда 115
Султан-хан 76

Таджикистан 13
Тараби 12
Таткент 9
Тауке (Тявка), казахский хан 29
Ташкент (Шаш) 7, 44, 46, 47, 49, 51, 74, 76, 91, 115, 117, 119
Тимуриды, династия 5
Тӧре-ходжа (Файзи-ходжа) 100, 101, 102, 107, 116, 120
Туркестан Афганский см. Афганский Туркестан
Туркестан, город 13, 14
Туркестанский край 18
Туркмения 13
Турт-кудук 76
Тявка см. Тауке (Тявка), казахский хан

Уджма см. Учма
Узбекистан (Уз. ССР) 44, 92, 96
Ура-тепе (тюбе) 13, 24, 53, 65, 67, 69, 108, 116
Ура-тюбе см. Ура-тепе
Ургут 32, 66, 69, 73, 78, 98, 99, 109, 112, 113
Усты (Усти) 68, 109, 118
Учма 75, 100, 116

Файзи-ходжа см. Тӧре-ходжа
Фальгар 13
Фан 13
Фараб 66, 73, 74, 106
Фаррак см. Чирчик
Фергана, город и ханство 18, 19, 47, 51, 76, 91
Ферхад-аталык 24
Фитрат, проф. 23, 33, 34, 37, 38, 40, 41, 54

Хазарасп 68
Хайдер, эмир 13, 16, 24, 27, 30, 33—38, 40, 41, 43, 48—50, 53—66 68—70, 72—76, 78, 82, 86, 90, 91, 93, 96, 104, 109, 112, 113, 115—117, 119, 120
Хайдер-чаман 101, 117
Хайрабад 110
Хайрабадская часть г. Самарканда 115
Хаким-хан 66
Хак-Назар-китай 105
Хамза (мир Хамза) 96
Ханыков, Н. (Chanykov) 17, 22, 23, 30, 31, 32, 35, 47, 115, 116
Ханыков, Я. 48
Хасан, халифá 65
Хасан, халифе см. Хусейн-халифе
Хатырчи 9, 64, 67, 71, 102
Хезар-баг (Газарбак) 111, 118
Хива, город и ханство 5, 13, 17, 19, 23, 24, 33, 36, 41, 54, 68, 69, 74, 91, 118
Хивинское ханство см. Хива
Хисар, см. Гиссар
Ходжа Абан, гузар 118
Ходжа Абан (Ходжа Обан), мазар 110, 111, 118
Ходжа Абан, местность 118
Ходжам-яр-бий 24
Ходжа-Накыб см. Мухаммед Эмин-ходжа-накыб
Ходжа Обан см. Ходжа Абан
Ходжент 13, 53, 62
Хорезм 111
Хорезмшахи, династия 28
Хорошхин, А. И. 18, 116
Худаяр-аталык (бий) 108, 122
Хузар (Гузар) 47, 94, 107, 117

Хурджин см. Медресе Хурджин
Хусейн-бий, 78, 79
Хусейн, халифе 64, 65, 76, 103, 123
Хусейн-хан, правитель Мерва см. Мухаммед Хусейн-хан
Хусейн-хан, сын Шах-Мурада см. Мухаммед Хусейн-хан (бек)
Хусейн (-хан)-тöре (мир Хусейн), сын эмира Хайдера 59, 62, 66, 72, 73, 99, 103, 104, 107—110, 111, 113, 116, 122
Хушвакт-кушбеги 67, 69, 70

Zenker (Ценкер) 42

Чапар 66, 121, 122
Чарджуй 43, 66, 68, 73, 74, 75, 104, 106, 109
Чилек 19, 32, 58, 60, 61, 66, 72, 74, 75, 76, 78, 100, 108, 120, 123
Чимбай (Чинбай) 65
Чинбай см. Чимбай
Чирагчи 73, 117, 119
Чирчик (Фаррак) 119
Чупан-ата 103, 104

Шах-Джован 104, 117
Шахид-мазар 111
Шах-и-Зинда, кладбище 62, 99
Шах-Мурад (китай-кипчак) 105
Шах-Мурад (мангыт) 16, 34, 43, 49, 59
Шах-Мурад (-сарай) 107, 117
Шахрисябз, город и район 10, 11, 14, 24, 27, 34, 36, 42, 46, 54, 59—62, 67, 69, 74, 77—79, 91, 97—99, 108, 110—113, 116, 119
Шахрухия 59
Шацкая, О. И. 3
Шаш см. Ташкент
Шемс (мирза Шемс) см. Мирза Шемс Бухарский
Schefer, Ch. 13
Ширдана-бек 78
Шмидт, А. Э. проф. 49
Шукур-бек см. Мухаммед Шукур-бек (бий)
Шукур-токсаба 105

Эйяз-бий см. Аяз-бий
Эльтузер-хан Хивинский 47, 55, 116
Эмин-джан 46
Энгельс, Ф. 22, 86, 89
Эрбута (-токсаба) 97, 99, 115

Якубовский, А. Ю. 6
Янги (Яны) -курган 9, 32, 58, 61, 63, 64, 69, 72, 74, 75—79, 88, 97, 98, 102, 104, 106, 108, 109, 120—123
Янги (Яны) - курганский район 57
Ярты-тепе 73, 107, 117, 119

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И РОДОПЛЕМЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ [1]

Аксакал 26, 63, 64, 86, 88, 101, 102
Амляк 34, 35, 37
Аталык 24, 44, 65—67, 72, 74, 75, 78, 87, 100, 108, 109, 116, 122
Атэш-ханэ 110
Ахд-намэ 77

Баабру 56
Бадж-и-базар 42
Бамдад 105
Баранта 40
Беркут, узб. 9
Бунак 38, 39
Бухарцы 63, 64, 76, 105, 119

Вакуф 5, 35—37
Валинием 112

Гузар 103, 117, 118
Гулям 97, 121
Гураба̀ 36

Давлетманд 56
Дадха 67, 69, 76, 117, 123
Дамулла 99
Даха 115
Дахмэ 112
Дефтер 49
Джанг 69
Джелаиры, узб. 31, 60, 71, 98, 116
Джемаа (çamaə) 28
Дженазе 99
Джиют узб. 73
Джу'ль (джу'л) 37, 41, 43
Диванбеги 36, 62, 65, 122

Еты-уруг узб. 71

Закят 37, 40, 42, 54
Зиярет 110

Ибадэт-ханэ 116
Илят 23, 63

Кабиле 97
Казахи 6, 22, 26, 28, 42
Казий 38, 77
Калан 43
Калян (калянон) 57, 76, 79, 88, 101
Караказан 74
Каракалпаки 6, 8, 11, 20, 22, 23, 31, 58, 59, 61, 62, 66, 67, 91, 121, 122
Кара-кидане см. Китаи
Карандэ 37
Каратегинцы 19
Кара-чирик 41, 42, 74
Кары 46
Кенегесы узб. 24, 25, 27, 69, 73, 113
Кидани см. Китаи
Кипчаки (кыпчаки, команы, половцы) 23, 24, 27—30, 47, 61, 65, 66, 74, 75, 80, 90, 91, 106, 113, 120
Киргизы 26
Китаи (ктай, кытай, хытай, хтай, кара-китаи, кара-кидане, кидани) 8, 9, 24, 27—31, 47, 61, 63, 64, 67, 80, 90, 91, 100—107, 120
Китай-кипчаки узб. 24, 28—31, 50, 54—83, 85, 86, 90, 91, 97—113, 120—123
Кокандцы 66, 67, 77, 117
Ктай см. Китаи
Курама 67
Курганча 113, 119
Кушбеги 57, 58, 61, 62, 66, 67, 69, 70, 88, 97—99, 122
Кыл-куйрук 41, 74
Кыпчаки см. Кипчаки
Кырк, узб. 24, 65
Кытай см. Китаи
Кыят, узб. 71

Лешкери̇ 99

Мангыты, племя и династия 9, 17, 23, 24, 26, 27, 35, 44, 45, 73, 76, 78, 85, 88

[1] В избежание перегрузки указателя некоторые наиболее известные термины, касающиеся титулов, чинов, духовных и гражданских званий и должностей (эмир, хан, бек, бий, ходжа и т. п.) выпущены.

Мемлеке-и-султани 33
Мильк 34, 37
Мильк-и-хусуси 33
Минги, племя и династия 47, 66, 73, 78
Мирахур 115
Миришкар см. Мир-шикар
Мир-шикар (миришкар) 60, 98, 116
Митан, узб. 31, 60, 64, 71, 98, 102, 105, 116
Монголы 28, 41
Мулазим 98
Мунши 98
Мюрид 64, 103

Найманы 60, 67, 70, 71, 78, 85, 98, 113, 116
Накыб 54, 101, 117
Никаханэ 42
Нимсир 116
Ногайцы 28, 29
Нукер 41, 105

Парваначи 61, 69
Половцы см. Кипчаки

Рабат 119
Райе (райя) 113
Руз-мерре 42

Сакар, туркм. 43
Салык 42, 43
Сараи узб. 107, 118
Сарупа 80, 97, 112
Сенг (санг) 104, 119
Суфий 103

Таджики 20, 23, 32, 46
Танабанэ 37
Танап 20
Танха 34, 76
Танхадар 34
Тарике (тариканэ) 42
Тарих (хронограмма) 9
Тарх 43
Таш 119
Ташкентцы 117
Теньге 116
Тилля 35, 43, 56
Токсаба 55, 76, 97, 99, 105, 106, 112, 117
Туман 73, 74
Туркмены 8, 9, 11, 20, 22, 42, 54, 57, 117
Тушук 43
Тушумаль 43
Тöре 46, 59, 62, 99, 122

Узбеки 6, 8, 9, 17—20, 22—25, 28, 29, 31, 41, 55, 60, 62, 63, 67, 71, 82, 83, 85, 104, 116, 119
Узбекийе 23
Уран 29
Утарчи см. Утачи
Утачи (утарчи) 63, 78
Ушр 37

Файзи 116
Фарсах 119, 122
Ферганцы 62
Ферзанд 98
Фирка (firqə) 28, 55
Фитна 82, 89
Фукара 23, 63, 88

Халифе 64, 65, 103, 123
Ханэвар 97
Харадж 37, 56, 57, 97
Хивинцы 42, 57, 63, 66—68, 73—75, 78, 106, 109, 110, 114, 117
Хисари 79
Хорезмийцы см. хивинцы
Хтай см. Китаи
Хутба 112
Хытаи, см. Китаи
Хытай-кыпчаки см. китай-кипчаки

Чайрикер см. Черекар
Чапэ навис 116
Чарбаг 123
Чарик 116
Черекар (чайрикер) 20

Шариат 43
Шахид 111
Шахзаде 96, 99, 101, 123

Юз, узб. 9, 23—25, 65, 67, 69, 72, 78

Яргу (jarգь) 42, 43
Ясак 42, 43

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3
К вопросу о характере социальных движений в Средней Азии в XVI—XIX вв. 5
Бухара при эмире Хайдере 13
Предпосылки восстания 33
Источники для истории восстания 44
Восстание 1821—1825 гг. 53
Заключение 82
Приложение I 93
Примечания к переводу 115
Приложение II 120
Указатели 124

АВТОРСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

	Напечатано	*Следует читать*
Стр. 60, прим. 4	Там же и т. д.	Мунтахаб-ат-таварих, рукоп. С 470, л. 230б.

Цена 3 руб.

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОИЗВОДИТСЯ:

1. В Отделе Распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, проезд Художественного театра, 2. Тел. 33-44.
2. В Ленинградском отделении Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, 104, пр. Володарского, 53а. Тел. 1-99-18.
3. Доверенными Издательства, снабженными специальными удостоверениями.

Вниманию абонентов: научные работники и учреждения, состоящие абонентами, направляют запросы и заказы в Абонементный сектор Издательства Академии Наук СССР — Москва, проезд Художественного театра, 2.